

ИСТПАРТ
ОТДЕЛ Ц.К.Р.К.П.(Б) ПО ИЗУЧЕНИЮ
ИСТОРИИ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ
и Р.К.П.(Б)

ВОСПОМИНАНИЯ

~ И. В. ~

БАБУШКИНА

(1893 - 900 г.г.)

РАБОЧЕЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРИБОЙ»
ЛЕНИНГРАД - 1925

И С Т П А Р Т
ОТДЕЛ ЦК РКП (б) ПО ИЗУЧЕНИЮ ИСТОРИИ ОКТЯБРЬСКОЙ
РЕВОЛЮЦИИ и РКП (б)

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

„Все, что отвоевано было у царского самодержавия, отвоевано исключительно борьбой масс, руководимых такими людьми, как Бабушкин“

Н. ЛЕНИН

ВОСПОМИНАНИЯ И. В. БАБУШКИНА

(1893—1900 г.г.)

РАБОЧЕЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРИБОЙ“
ЛЕНИНГРАД 1925

И. В. Бабушкин.

ОТ ИСТПАРТА.

История появления на свет издаваемой нами рукописи И. В. Бабушкина описана К. М. Тахтаревым в статье: «Ленин и социал-демократическое движение» («Былое», № 24) следующим образом:

«Благодаря переносу издания «Искры» в Лондон, в Лондон переехали многие из ее главнейших сотрудников. Все они поселились недалеко от Владимира Ильича. Здесь же останавливались и товарищи, приезжавшие из России, как из числа интеллигентов, так и рабочих. Из последних нельзя не отметить И. В. Бабушкина, который был близок как Владимиру Ильичу, так и мне. Он бежал из Екатеринбургской тюрьмы и стал одним из самоотверженных сторонников «Искры». Он приехал в Лондон к Владимиру Ильичу за поручениями, с которыми он предполагал возвратиться в Россию. Владимир Ильич попросил его написать свои воспоминания о своей революционной деятельности и о своем участии в рабочем движении. Он немедленно же принялся за это дело и передал Владимиру Ильичу в высшей степени интересную рукопись».

В Истпарт ЦК рукопись И. В. Бабушкина поступила вместе с Женевским архивом Партии, в архиве старой «Искры».

Приведение рукописи в удобочитаемый вид, с сохранением духа и стиля автора, примечания, расшифровка имен и кличек, подбор материалов и документов—произведены сотрудницей Истпарта Е. Е. Штейнман. Краткие биографические сведения о Бабушкине, печатаемые ниже, составлены т.т. С. Лившицем и Е. Е. Штейнман, по воспоминаниям: жены Бабушкина, К. М. Тахтарева, т. Голикова и самого Бабушкина и, кроме того, по материалам жандармского управления и департамента полиции.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Предлагаемая вниманию читателя незаконченная автобиография И. В. Бабушкина представляет собою глубочайший интерес, как по содержанию, так и по ее объективно-политическому значению.

Несмотря на то, что рабочий класс России вот уже восьмой год, как пришел к власти, — мы меньше всего знаем о жизни и быте этого класса, а также и о том, как и чем живет этот класс в своей массе, в каких условиях и как слагаются, растут и воспитываются его передовые представители. — В 70-х годах, когда народническая интеллигенция мечтала через крестьянскую общину притти к социализму и считала человеком будущего общества мужика, — она дала нам прекрасные литературные образцы крестьянского быта.

Правда, эти литературные изображения нередко страдали некоторыми преувеличениями и слащавостью, а сам мужик молчал и литературно и политически, но все же мы имели тогда некоторое представление о жизни и быте мужика, хотя бы и по этим изображениям. А вот о быте рабочего класса мы и до сих пор имеем весьма смутное представление. Наша литература в настоящее время изображает все, что угодно, только не рабочего.

Вот почему правдивый, безыскусственный рассказ о жизни, быте и борьбе рабочих 90-х годов, написанный самим же рабочим — покойным И. В. Бабушкиным, представляет значительный интерес.

И. В. Бабушкин являлся редким представителем того поколения рабочих-революционеров, которые вместе с Лениным начинали строить нашу Партию и вынесли на своих плечах колоссальную работу по воспитанию и вовлечению в революционное движение нижестоящего слоя рабочих. Этот незначительный слой рабочих-революционеров принадлежал к верхушечному слою квалифицированных рабочих больших фабрик и заводов. Эти рабочие, уже в силу своей профессии, требовавшей от них некоторой элементарной грамотности, всего больше видели и чувствовали на себе царивший тогда

произвол чиновников самодержавного правительства, пригнетения и гнет со стороны фабрично-заводской администрации.

Поэтому естественно, что при пробуждении рабочего класса в России и в первые моменты выступления его на арену революционной борьбы с царским самодержавием, главные руководящие кадры слагавшейся тогда с.-д. партии вербовались, главным образом, из среды квалифицированных рабочих крупных фабрик и заводов.

Заслуга перед нашей Партией этих пионеров-рабочих неизмеримо-огромна. Вот почему знакомство с автобиографией И. В. Бабушкина для нашей молодежи представляет не простой интерес занимательного чтения, а является полезным изучением истории и традиций революционной борьбы нашей Партии в лице беззаветно-преданных делу освобождения рабочего класса самих же выходцев из рядов этого класса.

С. Канатчиков.

Иван Васильевич Бабушкин.

Некролог ¹.

Мы живем в проклятых условиях, когда возможна такая вещь: крупный партийный работник, гордость партии, товарищ, всю свою жизнь беззаветно отдавший рабочему делу,—пропадает без вести. И самые близкие люди, как жена и мать, самые близкие товарищи годами не знают, что случилось с ним: мается-ли он где на каторге, погиб-ли в какой тюрьме или умер геройской смертью в схватке с врагом. Так было с Ив. Вас., расстрелянным Ренненкампом ². Узнали мы об его смерти лишь совсем недавно.

Имя Ив. Вас. близко и дорого не одному соц.-демократу. Все, знавшие его, любили и уважали его за его энергию, отсутствие фразы, глубокую выдержанную революционность и горячую преданность делу. Петербургский рабочий, он в 1895 г., с группой других сознательных товарищей, энергично ведет работу за Невской заставой среди рабочих Семяниковского, Александровского, Стеклянного заводов, образует кружки, устраивает библиотеки и сам все время страстно учится.

Все мысли его направлены на то, как-бы расширить работу. Он принимает деятельное участие в составлении первого агитационного листка, выпущенного в С.-Петербурге осенью 1894 года, листка к Семяниковским рабочим, и самолично распространяет его. Когда в Спб. образуется «Союз борьбы за освобождение рабочего класса», Ив. Вас. становится одним из активнейших его членов и работает в нем вплоть до своего ареста. Идея создания за границей политической газеты, которая послужила бы делу объединения и укрепления с.-д. партии, обсуждалась вместе с ним его старыми товарищами по петербургской работе — основателями «Искры», и встретила с его стороны самую

¹ См. Собр. сочин. Н. Ленина, т. XI, ч. 2.

² По другим данным — Меллером-Закомельским; точно установить, чьей экспедицией расстрелян И. В. Бабушкин — не удалось.

горячую поддержку. Пока Ив. Вас. остается на воле, «Искра» не терпит недостатка в чисто-рабочих корреспонденциях. Просмотрите первые 20 номеров «Искры», все эти корреспонденции из Шуи, Ив.-Вознесенска, Орехова-Зуева и др. мест центра России: почти все они проходили через руки Ив. Вас., старавшегося установить самую тесную связь между «Искрой» и рабочими. Ив. Вас. был самым усердным корреспондентом «Искры» и горячим ее сторонником. Из центрального района Бабушкин перебирается на юг, в Екатеринбург, где его арестуют и сажают в тюрьму в Александровске. Из Александровска он бежит вместе с другим товарищем, перепилив решетку окна. Не зная ни одного иностранного языка, он пробирается в Лондон, где тогда была редакция «Искры». Много переговоров было там, много вопросов обсуждено совместно. Но Ив. Вас. не привелось быть на втором съезде партии... тюрьма и ссылка выбили его надолго из строя. Поднимавшаяся революционная волна выдвигала новых работников, новых партийных деятелей, а Бабушкин жил в это время на далеком севере, в Верхоянске, оторванный от партийной жизни. Времени он даром не терял, учился, готовился к борьбе, занимался с рабочими, товарищами по ссылке, старался сделать их сознательными социал-демократами и большевиками. В 1905 г. подошла амнистия, и Бабушкин двинулся в Россию. Но и в Сибири в это время кипела борьба, и там нужны были такие люди, как Бабушкин. Он вступил в Иркутский Комитет и с головой ринулся в работу. Приходилось выступать на собраниях, вести с.-д. агитацию и организовывать восстание. В то время как Бабушкин с пятью другими товарищами — имена их не дошли до нас — вез в Читу большой транспорт оружия в отдельном вагоне, поезд был настигнут карательной экспедицией Ренненкампа, и все шестеро безо всякого суда были немедленно же расстреляны на краю, вырытой на скорую руку, общей могилы. Умерли они, как герои. Об их смерти рассказали солдаты — очевидцы и железнодорожники, бывшие на этом же поезде. Бабушкин пал жертвой зверской расправы царского опричника, но, умирая, он знал, что дело, которому он отдал всю свою жизнь, не умрет, что его будут делать десятки, сотни тысяч, миллионы других рук; что за это дело будут умирать другие товарищи-рабочие, что они будут бороться до тех пор, пока не победят...

Есть люди, которые сочинили и распространяют басню о том, что Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия есть партия «интеллигентская», что рабочие от нее оторваны, что рабочие в России — социал-демократы без социал-демократии, что так было в особенности до революции и в значительной мере во время революции. Либералы распространяют эту ложь из ненависти к той революционной борьбе масс, которой руководила в 1905 г. РС-ДРП, а из социалистов перенимают эту лживую теорию кое-кто по неразумию или легкомыслию. Биография И. В. Бабушкина, десятилетняя с.-д. работа этого рабочего и скр о в ц а служит наглядным опровержением либеральной лжи. И. В. Бабушкин — один из тех рабочих-передовиков, которые за 10 лет до революции начали создавать рабочую с.-д. партию. Без неустанной, геройски-упорной работы таких передовиков в пролетарских массах РС-ДРП не просуществовала бы не только десяти лет, но и десяти месяцев. Только благодаря деятельности таких передовиков, только благодаря их поддержке РС-ДРП выросла в 1905 г. в партию, которая неразрывно слилась с пролетариатом в великие октябрьские и декабрьские дни, которая сохранила эту связь в лице рабочих депутатов не только 2-ой, но 3-ей, черносотенной, Думы.

Либералы (кадеты) хотят превратить в народного героя недавно умершего председателя 1-й Думы, С. А. Муромцева. Мы, социал-демократы, не должны пропускать случая, чтобы выразить презрение и ненависть царскому правительству, которое преследовало даже таких умеренных и безобидных чиновников, как Муромцев. Муромцев был только либеральным чиновником. Он не был даже демократом. Он боялся революционной борьбы масс. Он ждал свободы для России не от такой борьбы, а от доброй воли царского самодержавия, от соглашения с этим злейшим и беспощадным врагом русского народа. В таких людях смешно видеть народных героев русской революции.

А такие народные герои есть. Это—люди, подобные Бабушкину. Это—люди, которые не год и не два, а целые 10 лет перед революцией посвятили себя целиком борьбе за освобождение рабочего класса. Это—люди, которые не растратили себя на бесполезные террористические предприятия одиночек, а действовали упорно, неуклонно среди пролетарских масс, помогая развитию их сознания, их организации, их революционной самодеятельности. Это—люди, которые стали во главе вооруженной массовой борьбы против царского самодержавия, когда кризис наступил, когда революция разразилась, когда миллионы и миллионы

пришли в движение. Все, что отвоевано было у царского самодержавия, отвоевано исключительно борьбой масс, руководимых такими людьми, как Бабушкин.

Без таких людей русский народ остался бы навсегда народом рабов, народом холопов. С такими людьми русский народ завоеует себе полное освобождение от всякой эксплуатации.

Прошла уж пятая годовщина декабрьского восстания 1905 года. Будем чествовать эту годовщину, вспоминая рабочих передовиков, которые пали в борьбе с врагом. Мы обращаемся с просьбой к товарищам рабочим собирать и присылать нам воспоминания о тогдашней борьбе и дополнительные сведения о Бабушкине, а также о других с.-д. рабочих, павших в восстании 1905 г. Мы намерены издать брошюру с жизнеописанием таких рабочих. Такая брошюра будет лучшим ответом всяким маловерам и умалителям Российской Социал-Демократической Рабочей Партии. Такая брошюра будет лучшим чтением для молодых рабочих, которые будут учиться по ней, как надо жить и действовать всякому сознательному рабочему.

Н. Ленин.

Иван Васильевич Бабушкин.

Краткие биографические сведения.

И. В. Бабушкин родился 1-го января 1873 г. в селе Леденском, Тотемского уезда, Вологодской губ. Родители его были бедняки-крестьяне; они имели небольшой надел и работали на солеварнях.

Отец И. В. умер, когда ему было 5 лет. Остались еще сын Николай 9-ти лет и дочь Мария 1 года. Мать И. В., Екатерина Платоновна, терпела сильную нужду с тремя детьми. Доходило до того, что она посылала сыновей просить милостыню. Наконец, она уехала с двумя детьми в Петербург искать работы. И. В. был оставлен в деревне; тут ему приходилось уже с семилетнего возраста думать о пропитании. Одновременно он учился в сельской школе. 10-ти лет Бабушкин попадает в Петербург. Мать устраивает его мальчиком в мелочную лавку; здесь ему пришлось хлебнуть горя. Особенно донимало его ношение тяжестей на голове, от чего развилась болезнь глаз. И. В. был устроен в больницу. Впоследствии Бабушкин рассказывал, как он был доволен больничной обстановкой: светло, тепло и никто не ругает; одно было неприятно—пришлось лежать с закрытыми глазами. Последствия болезни остались на всю жизнь: глаза быстро утомлялись и веки припухали. (В о с п о м. ж е н ы И. В. Б а б у ш к и н а).

14-ти лет он поступил учеником в торпедную мастерскую Кронштадтского порта. В течение трех лет И. В. зарабатывал 20 коп. в день (или 4 р. 40 к.—5 р. в месяц); на эти ничтожные средства он должен был содержать себя, не имея возможности получить откуда-нибудь помощь. Когда Бабушкину исполнилось 18 лет, его произвели из учеников в мастера, но, как бывшему ученику, жалованье платили маленькое (18 р. в месяц). В это время он близко сошелся с одним рабочим-петербуржцем, товарищем по мастерской. Последний был проникнут смутными социалистическими воззрениями; человек малоразвитой, он все же сумел внушить Бабушкину чувство ненависти к эксплуататорам-капиталистам, заводским монтерам, деревенским кулакам, попам.

Вскоре Бабушкину удалось перебраться в Питер и поступить слесарем на Невский механический завод (б. Семянниковский). Работа была сдельная («штучная»), очень тяжелая. Частенько заставляли работать сверхурочно (ночью). В первый год своего пребывания на заводе Бабушкин весь ушел в работу, кроме работы у него не было другой жизни. Иногда напряженная многочасовая работа на заводе доводила его до обморочного состояния.

Но вот слесарь того же завода, Илья Костин, дал ему как-то раз прочитать прокламацию (народовольческого характера). На Бабушкина эта прокламация произвела громадное впечатление. С этих пор он стал смотреть на жизнь другими глазами. За прокламацией последовали нелегальные брошюры. Потом Бабушкин поближе сошелся с товарищем по мастерской — пожилым рабочим Фунтиковым (Афанасьевым). Тот втянул Бабушкина в революционную среду.

В своих воспоминаниях участник рабочего движения 90-х г.г. К. М. Тахтарев рассказывает, как зимой 1893 г. он впервые присутствовал на собрании рабочего кружка, происходившем на квартире Фунтикова, куда его привел народоволец М. Сущинский. В небольшой комнате, которую занимал Фунтиков в маленьком деревянном домике, в одном из закоулков около церкви Михаила Архангела, собралось небольшое число молодых рабочих; в числе их были Бабушкин, его друг Илья Костин, Н. Меркулов и еще два-три. Выступавший первый раз перед рабочими Тахтарев не без смущения стал говорить на тему о рабочем вопросе в России, предпочитая ограничиваться, главным образом, фактами, касающимися положения русских рабочих и рабочего движения за-границей. Потом, за чаем и закуской, начались оживленные разговоры, в которых главное участие принимали Фунтиков, Сущинский и Тахтарев. Сущинский налегал, главным образом, на политику, указывая на необходимость прежде всего покончить с самодержавием. Остальные из собравшихся, повидимому, стеснялись высказываться, предпочитая ограничиться вопросами. При этом наибольшую активность проявил Бабушкин.

«Во время этих разговоров я имел возможность присмотреться к присутствующим, — пишет Тахтарев. — Все они, кроме Бабушкина, были одеты, повидимому, в свое обычное платье, в пиджаки и косоворотки; высокие сапоги дополняли их рабочий костюм. Только один Бабушкин вносил некоторую дисгармонию своей внешностью. Он был одет по-праздничному. На нем было что-то в роде сюртука с жилетом, крахмальным воротничек и манишка, манжеты,

брюки на выпуск. Волосы на голове были заботливо причесаны, и руки его, по сравнению с руками товарищей, были безукоризненно чисты. Помню, что эта внешность его произвела на меня первоначально не совсем благоприятное впечатление, которое было совершенно неправильным. Правда, по своей внешности он был в этот день скорее похож на принарядившегося приказчика, чем на рабочего, которого я представлял себе почему-то в том виде, какой имели остальные собравшиеся. Я тогда еще не понимал вполне естественного и понятного стремления рабочего к поднятию не только умственного, но и вообще культурного уровня своей жизни, вполне законного желания — хоть в праздничный день — забыть о серой обстановке своей обычной рабочей жизни и одеться как можно лучше. Впрочем, и Бабушкин потом приходил на собрания кружка одетый уже не так «торжественно», но всегда аккуратно¹.

Бабушкин регулярно посещал собрания этого кружка. Пропагандист «Петр Иванович» (под такой кличкой знали рабочие Тахтарева) знакомил своих слушателей с учением Маркса, пользуясь для этого «Капиталом» в изложении Каутского («Экономическое учение Маркса»), давал читать для первоначального ознакомления брошюру Свидерского: «Труд и Капитал». Он знакомил свой кружок с историей рабочего движения за границей и с историей революционного движения, пользуясь для этого книгой Туна и брошюрами Плеханова и Кричевского.

Познакомился также Бабушкин с очень развитыми и сознательными рабочими-революционерами П. А. Морозовым и В. А. Шелгуновым. Эти новые знакомства, книги, беседы совершенно перевернули душевный уклад Бабушкина. Он твердо решил отдаться целиком делу освобождения рабочего класса. Очень скоро пришлось столкнуться ему с разногласиями между народовольцами и социал-демократами. У него были добрые знакомые и среди тех и среди других: из народовольцев он знал, напр., Сущинского, Фунтикова, из социал-демократов Тахтарева и др. Кто из них прав, за кем должен идти рабочий-социалист? Бабушкин правильно решает эту трудную задачу и без колебаний становится на сторону социал-демократов. К февралю 1894 г. борьба народовольцев и социал-демократов среди кружковых рабочих дошла до крайних пределов и происходила по самым различным поводам. Так, напр., рабочий Фунтиков (организовавший кружок, в который входил Бабушкин) передал накопленные кружком деньги (190 руб.) группе народовольцев. Из-за

¹ К. М. Тахтарев. Рабочее движение в Петербурге 1893—1901. Ленинград, 1924. Изд. «Прибой».

этого произошла целая история; 190 рублей казались кружковым рабочим очень значительной суммой, и, так как члены кружка более сочувствовали соц.-демократам, чем народо-вольцам, то они—естественно—возмутились передачей денег народо-вольцам, и на этой почве начались пререкания.

Рабочие С. И. Фунтиков и П. А. Морозов еще весной 1894 г. были арестованы. С пропагандистом «Петром Ивановичем» сношения прекратились, так как последний на лето уехал за-границу. Летом 1894 г. за Невской заставой не оставалось никого из интеллигентов с.-д. Но такие сознательные рабочие, как Бабушкин, Шелгунов, Илья Костин, не хотели сидеть сложа руки и стали вести занятия в своих кружках сами. Так прошло лето.

Осенью, по инициативе В. А. Шелгунова, для занятий в рабочих кружках было приглашено несколько интеллигентов с.-д. (из группы так называемых «стариков», которую возглавлял В. И. У л ь я н о в). Ходил Владимир Ильич и сам за Невскую заставу—заниматься с рабочими, среди которых был известен под названием «Лысого». Вот тогда-то и познакомился с ним Бабушкин. Все наиболее ценные связи с рабочими перешли к группе Ульянова.

Тяга к знанию была очень велика у Бабушкина. Кроме кружка, в котором вел пропаганду В. И. Ульянов, он посещал еще другой кружок, где читал лекции его старый знакомый «Петр Иванович» (Тахтарев). С осени 1894 г. он стал посещать воскресную школу, устроенную либеральным фабрикантом Варгуниным за Невской аставой. Среди преподавательского состава этой школы был целый ряд лиц, которые впоследствии стали видными деятелями с.-д. движения (Н. К. Крупская, А. А. Якубова, З. П. Невзорова). «Эта школа была настоящей лабораторией для выработки сознательных рабочих... Кружковые рабочие теснились около этой школы, можно сказать, как пчелы около улья. Она была настоящим центром умственной жизни за Невской заставой», — говорит в своих воспоминаниях Тахтарев. — Бабушкину приходилось нелегко: он ложился спать в 12 часов ночи, а в 4 — 4½ ч. утра уже нужно было вставать и итти на завод.

«Зимой 1894 г. работа по организации рабочих кружков и культивированию отдельных личностей продолжалась, — пишет Тахтарев, — но в ней было заметно уже некоторое разочарование. Чего-то недостает! Но чего? Это стало мало-по-малу выясняться, и, как мне кажется, два события помогли выяснению. Это были: «беспорядки на «Невском механическом заводе московского товарищества» (быв. Семяникова) за Невской заставой и стачка в порту».

Волнение, возбужденное этим бунтом, не прошло бесследно: оно явилось поводом едва ли не к первой попытке социал-демократов оказать воздействие на более широкий круг рабочих. Наскоро была изготовлена и напечатана на гектографе агитационная брошюрка с изложением положения семяниковских рабочих; ее распространили по заводу, хотя и не особенно удачно. Этот новый прием с.-демократов обратил на себя внимание рабочих. Автором брошюрки был И. В. Бабушкин. В 1895 г. Бабушкин энергично вел работу за Невской заставой среди рабочих Семяниковского, Александровского, Стеклянного заводов, образовывая кружки, устраивая библиотеки.

Среди кружковых рабочих совершался перелом. Все сильнее и сильнее укреплялась мысль, что рабочий с.-д. должен участвовать в окружающей жизни, активнее относиться к нуждам и требованиям рабочей массы. «Кружковщина», «саморазвитие» уже не удовлетворяли. Весной и в начале лета 1895 г. уже громко раздается: «Довольно кружковщины. Пора перейти к агитации». Так говорили одни, поддерживаемые с.-д. интеллигентами (Ульянов, Цедербаум-Мартов, Ванеев, Радченко, Запорожец, Кржижановский, Старков, Малченко и др.), впоследствии положившими начало «Петербур. Союзу Борьбы за освобождение рабочего класса». «Другие продолжали держаться кружков. Споры продолжались все лето и затянулись до осени. Споры велись и среди интеллигенции, работавшей среди рабочих. Наконец, осенью 1895 года большинство пришло к такому соглашению: кружки можно сохранить, но тактику следует изменить соответственно назревшим потребностям времени. Надо начать агитацию, собирая рабочих с соседних фабрик, а также устраивая собрания представителей разных рабочих районов. Надо на этих собраниях обсуждать общее и частное положение рабочего дела. Надо разбрасывать литературу в возможно большем количестве. Кружки остаются, но значение их изменяется. Весь смысл их отныне — служить школой для подготовки сознательных и образованных агитаторов. Для агитации необходимы агитаторы, для выработки последних — кружки. Значит, кружки должны служить целям агитации»¹.

Нельзя сказать, чтобы Бабушкин отрицательно отнесся к идее агитации, но он несколько опасался, что при агитации будут заброшены кружки, а тогда понизится уровень с.-д. рабочих.

---

¹ К. М. Тахтарев. Рабочее движение в Петербурге 1893—1901. Ленинград, 1924. Изд. „Прибой“

Осенью 1895 г. С.-Д. Организация (группа Ульянова), окончательно перешла к новым методам борьбы, стала вести массовую агитацию среди рабочих, выпускать воззвания к рабочим той или иной фабрики (напр., Торнтон), звать их на стачечную борьбу. Но в ночь на 9 и 10 декабря в Петербурге были произведены большие аресты; было арестовано около 80 человек. Это был настоящий разгром Соц.-Дем. Организации, лишившейся своих лучших работников (В. И. Ульянова, Ванеева, Запорожца, Кржижановского, Старкова, Малченко, рабочих Шелгунова, Карамышева, Б. Зиновьева и мн. др.). На Бабушкина этот разгром произвел сильное впечатление. Он стал опасаться, что преждевременный переход слабых и малочисленных кружков к открытым попыткам воздействия на массы приведет к провалам, быстро истощит их силы и с самого начала поставит начинавшееся в то время стихийное рабочее движение лицом к лицу с единственным возможным руководителем — с интеллигентскими группами; в этом пункте он был тверд и казался зараженным интеллигенто-боязнью. Мартов в «Записках социал-демократа» рассказывает, как ему приходилось спорить на эту тему с Бабушкиным (последний уже не работал в это время на Семяниковском заводе, а служил сторожем в лаборатории Александровского чугуно-литейного завода).

Сам Бабушкин говорит об этом моменте в своих воспоминаниях: «... наконец меня уломали, т.-е. я, наконец, согласился продолжать вести агитацию». И он лихорадочно принялся за работу, стал налаживать распространение нелегальной литературы на Чугунном заводе, фабриках Максвеля, Паля и др. предприятиях. Организация быстро залечивала свои раны и развила большую агитационную деятельность. В середине декабря она приняла название—«Петербургский Союз борьбы за освобождение рабочего класса».

В самый разгар агитационной работы Бабушкин был арестован—в ночь на 5 января 1896 г. Тринадцать с лишним месяцев просидел он в одиночке Дома Предварительного Заключение. Долго тянулось жандармское дознание; по делу «Союза Борьбы» было привлечено 74 человека. Приговор по этому делу был вынесен (в административном порядке) только 29 января 1897 г. Учитель Бабушкина — В. И. Ульянов — был выслан в Енисейскую губ. на 3 года под гласный надзор полиции. Бабушкин должен был отбывать надзор в провинции («в избранном им месте жительства, за исключением столичных губерний и университетских городов») — тоже в течение 3 лет.

Приехав в Екатеринослав, Бабушкин несколько месяцев был без работы, потом ему удалось поступить на Брянский завод, в инструментальную мастерскую мостового цеха. Он немедленно организовал там кружок, в который вошли несколько рабочих Брянского завода (Г. И. Петровский, П. Мазанов, Числов, Лавренов), вел пропаганду, распространял прокламации. С 1898 г. он, вместе с рабочими П. А. Морозовым, И. З. Бычковым, Г. И. Петровским и «одним из интеллигентов», руководил партийной работой (агитацией и пропагандой) в районе Брянского завода, в мастерских предместьях Амура и Нижнеднепровска; эта группа была представлена в Екатеринославском Комитете РС-ДРП одним Бабушкиным, который соблюдал — в целях конспирации — твердую диктатуру. Екатеринославская с.-д. организация в это время развила широкую агитационную деятельность на почве стачечного движения. Сначала она носила название «Екат. Союз Борьбы за освобождение раб. класса»; после I съезда РС-ДРП, происходившего в марте 1898 г., она переименовалась в «Екат. Комитет РС-ДРП».

В августе 1899 г., работая под кличками «Трамвайный» и «Николай Николаевич», Бабушкин организует на Амуре и в Нижнеднепровске рабочий кружок-кассу под названием «Начало», связывая его с городским комитетом партии. Он составил устав этого кружка и кассы, снабжал кружок нелегальщиной, организовал библиотеку, доставил в кружок пропагандиста (Тихомирова). В том же поселке Бабушкин организовал потом другой кружок, получивший название «Рассвет». Кроме кружковой работы, он занимался массовым распространением прокламаций в рабочих районах.

В Екатеринославской с.-д. организации интеллигенты работали очень дружно совместно с рабочими. «К чести этой (екатеринославской) интеллигенции, — писал Бабушкин в своих воспоминаниях, — нужно сказать, что она почти ничего самостоятельного не предпринимала, раньше чем не посоветуется с нами (т.-е. с рабочими), и потому в то время у нас так удачно все шло и развивалось и за все время не произошло почти ни одного разногласия». Единственно, чем Бабушкин был недоволен, это тем, что делегат от Екатеринослава на I-й съезд партии (К. Петрусевич) был послан без ведома рабочих.

16 апреля и 4 июля 1900 г. жандармы произвели массовые обыски и аресты членов Екатеринославской с.-д. организации. Деятельность Бабушкина оказалась раскрытой, и он 17 октября 1900 г. был привлечен к жандармскому дознанию. Бабушкину, однако, удалось скрыться (он уехал в Питер) и перейти на положение «нелегального». Некоторое время он

работал в с.-д. организации в Смоленске, откуда ему также пришлось бежать.

Эволюция, происшедшая с ним за эти годы, привела его к прежним товарищам по «Спб. Союзу Борьбы» (Ленину, Мартову, Потресову), — приступившим в то время совместно с группой «Осв. Труда» к изданию «Искры». Бабушкина не удовлетворял «экономизм» и раздробленная кустарная организация рабочих. Столковавшись с группой «Искры», он поехал в Орехово-Зуевский район, где в то время не было никакой оформленной организации, и, поселившись там под видом мелкого торговца, в течение почти года вел организационную и пропагандистскую работу, наезжая по временам также в Москву, Ив.-Вознесенск, Шую. Ему удалось создать в Орехово-Зуеве и окрестных местах прочную рабочую организацию, принявшую революционную программу и развившую в районе серьезную агитационную деятельность. Во время своих поездок в Москву Бабушкин успешно боролся с зубатовцами, проникая в среду соблазненных ими рабочих. Его корреспонденции из разных мест Московско-Владимирского округа, печатавшиеся в 1901 г. в «Искре», представляли собою очень ценный и интересный материал для истории рабочего движения той эпохи, а его статья: «В защиту ив.-возн. рабочих» (в приложении к № 9 «Искры»), написанная в ответ на народническую статью Дадонова о «Русском Манчестере» (помещ. в «Русском Богатстве»), показала в авторе дарование памфлетиста, умевшего ярко противопоставить пролетарскую точку зрения мелко-буржуазному «рабочелюбию»¹.

24 декабря 1901 г. эта интенсивная деятельность была прекращена набегом жандармов, которым удалось накрыть собрание Комитета Ореховской организации. Протокол об аресте Бабушкин подписал: «Неизвестный». Через некоторое время жандармы открыли его фамилию и переслали его в Екатеринослав, где он разыскивался по местным делам. В ночь на 29 июля 1902 г. он вместе с И. Горовицем (харьковский с.-д.), почти без всякой помощи извне, бежал из 4-го полицейского участка. «Из тюрьмы он бежал с помощью маленьких пилок, которые он всегда носил с собой, запрятав их в сапоге. Этими пилами он перепилил железные прутья тюремной решетки... И, разогнув их, открыл себе путь на свободу.

...Это было нелегкое и нескорое дело. Пилить толстый железный прут приходилось очень долго. Операция продолжалась несколько дней. Необходимо было перепилить несколько железных прутьев. Когда это было сделано совер-

¹) См. приложения, стр. 14.

шенно незаметно для постороннего глаза, то оставалось лишь отогнуть прутья для того, чтобы было возможно выскочить в окно. Это было делом момента. Правда, надо было уметь выбрать подходящий момент и для бегства. Это Бабобег новой революционной эпохи.

побег новой революционной эпохи.

Бабушкин приехал в Лондон, где находилась тогда редакция «Искры» и где жил старый революционный учитель Бабушкина — В. И. Ульянов-Ленин.

Н. К. Крупская так описывает приезд Бабушкина в Лондон²:

«В начале сентября 1902 г. приехал Бабушкин, бежавший из екатеринославской тюрьмы. Ему и Горовицу помогли бежать из тюрьмы и перейти границу какие-то гимназисты, выкрасили ему волосы, которые скоро обратились в малиновые, обращавшие на себя всеобщее внимание. И к нам приехал он малиновый. В Германии попал в лапы к комиссионерам, и еле-еле удалось ему избавиться от отправки в Америку. Поселили мы его в коммуны, где он и прожил все время своего пребывания в Лондоне. Бабушкин за это время страшно вырос в политическом отношении. Это уже был закаленный революционер, с самостоятельным мнением, перевидавший массу рабочих организаций, которому нечего было учиться, как подходить к рабочему — сам рабочий. Когда он пришел несколько лет перед тем в воскресную школу — это было совсем неопытный парень. Помню такой эпизод. Был он в группе сначала у Лидии Михайловны Книпович. Был урок родного языка, подбирали какие-то грамматические примеры. Бабушкин написал на доске «у нас на заводе скоро будет стачка». После урока Лидия отозвала его в сторону и наворчала на него: «Если хотите быть революционером, нельзя рисоваться тем, что ты революционер — надо иметь выдержку» и т. д. и т. п. Бабушкин покраснел, но потом смотрел на Лидию, как на лучшего друга, часто советовался с ней о делах и как-то по особенному говорил с ней.

В то время в Лондон приехал Плеханов. Было устроено заседание совместно с Бабушкиным. Речь шла о русских делах. У Бабушкина было свое мнение, которое он защищал очень твердо, и так держался, что стал импонировать Плеханову. Георгий Валентинович стал внимательнее в него вгля-

---

¹) К. М. Тахтарев. — «Рабочее движение в Петербурге», вып. 1893—1901. Раб. изд-во «Прибой». 1924. Ленинград, стр. 176.

²) Из ст. Н. К. Крупской: «Перед вторым съездом». «Правда», — № 85, 14 апреля 1925 года.

дываться. О своей будущей работе в России Бабушкин говорил, впрочем, только с Владимиром Ильичем, с которым был особо близок. Еще помню один маленький, но характерный эпизод. Дня через два после приезда Бабушкина, придя в коммуны, мы были поражены царившей там чистотой, — весь мусор был прибран, на столах постелены газеты, пол подметен. Оказалось, порядок водворил Бабушкин. «У русского интеллигента всегда грязь—ему прислуга нужна. а сам он за собой прибирать не умеет»,—сказал Бабушкин».

Иван Васильевич был поражен напряженностью и быстрым темпом английской общественной жизни. Но еще более был он поражен организованностью английского рабочего движения. Во время его приезда происходил как раз в Лондоне конгресс английских трэджюнионов, и Бабушкин отправился вместе с К. М. Тахтаревым (с которым вместе работал в Петербурге в 1893—95 г.г.) на заседание конгресса. Конгресс произвел на Ивана Васильевича необыкновенно сильное впечатление: хотя он «и не понимал английского языка, но все же получил довольно точное представление о том, как английские рабочие обсуждают и решают свои дела», — пишет Тахтарев. — «К тому же надо прибавить, что наиболее интересные речи я вкратце ему переводил, равно как и делавшиеся предложения и постановления»¹

Ознакомившись с положением партийных дел, Бабушкин после нескольких недель отдыха вернулся (с поручением от Владимира Ильича) в Россию и водворился в Петербурге, чтобы усилить местный «искровский» комитет, находившийся в разгаре борьбы с «экономистами». Здесь Иван Васильевич, искавший всегда наиболее широкой арены для своей работы, направил свою энергию на агитацию в только что перенесенных в Петербург зубатовских обществах. Именно в них думал он пропагандировать революционное понимание задач рабочего движения и необходимости политической борьбы. Жил Бабушкин нелегально, под видом страхового агента. Деятельность его вскоре была прервана. 7 января 1903 г. Бабушкин опять оказался арестованным, был раскрыт, и на этот раз, — после более, чем годичного заключения, — сослан в далекую Якутскую область, в гиблый Верхоянск, расположенный за полярным кругом. Бабушкин и здесь даром времени не терял. Он учился, готовился к дальнейшей борьбе, занимался с несколькими рабочими — товарищами по ссылке, стараясь сделать их сознательными социал-демократами и большевиками (сам он был определен-

¹) Там же, стр. 177.

ным большевиком). Частенько ходил на охоту, занимался слесарным мастерством. 23 марта 1904 г. он, вместе с другими 19 верхоянскими ссыльными, подписал заявление о солидарности с участниками «Романовского протеста» (в Якутске)¹

В России между тем происходили большие события: расстрел 9 января 1905 г., невиданные доселе по своему размеру стачки, митинги, вооруженные столкновения... Надвигалась революция. Слабые отзвуки ее достигали и до затерянного в просторах Сибири Верхоянска. Лишенный возможности бежать с места ссылки, Бабушкин вынужден был ждать, скрепя сердце, пока его освободит революция.

В конце 1905 г. Бабушкина с товарищами везли из Верхоянска в Якутск, не то для перевода в другое место, не то для суда за 3-й протест против режима ссылки. В дороге, около Алдана, узнали они о знаменательных октябрьских событиях: всеобщей политической стачке, манифесте 17 октября, амнистии. В Якутске их по требованию товарищей освободили, и через неделю Бабушкин был отвезен на казенный счет в Иркутск.

Бабушкин с места в карьер вошел в революционную работу. Он вступил в Иркутский комитет РС-ДРП, выступал на митингах, призывал к восстанию. Сибирский с.-д. Союз вскоре командировал его в Читу, для усиления местной парт. организации. Здесь Бабушкин имел возможность широко развернуться. Чита была фактически в руках революционеров. Социал-демократы совершенно открыто издавали газету «Забайкальский Рабочий». Вместе с А. А. Костюшко-Валюжаничем Бабушкин был одним из активнейших работников Читинской с.-д. организации.

На встрече Нового года (1906 г.) весь Иркутский с.-д. комитет был захвачен жандармами и посажен в Александровский централ. Тогда Бабушкин (по сообщению т. Голикова) направился в Иркутск для восстановления организации. Ехал он с пятью другими товарищами, которые везли в Иркутск большой транспорт оружия в отдельном вагоне; поезд был настигнут карательной экспедицией ген. Меллера-Закомельского на станции Слюдянка Кругобайкальской жел. дороги, и все шестеро без суда были немедленно же расстреляны на краю вырытой на скорую руку общей могилы. Умерли они, как герои. Отказавшись перед расстрелом назвать свое имя, Бабушкин «неизвестным» сошел в могилу, до конца оставшись стойким, убежденным и всегда скромным во внешних проявлениях борцом. Он погиб в первых числах января 1906 г.

¹) См. приложения, стр. 186.

Долго не знали товарищи о постигшей его судьбе. В 1907 г. Н. Голикову, товарищу Ивана Васильевича по читинской с.-д. работе, удалось установить, при каких обстоятельствах был казнен Бабушкин. Некрологи Бабушкина были помещены в заграничной партийной прессе только в конце 1910 г. — начале 1911 г.

Настоящее бумагомарание вызвано было тем, что один мой близкий друг, т.-е. настолько близкий, что, по русской пословице, мы с ним жили душа в душу, даже больше — чуть ли не единую душу разделили на-двое — так, по крайней мере, эта дружба представлялась мне лично, — в подробностях передавал мне все, что он помнил относительно своего превращения из самого заурядного «числительного» молодого человека без строгих взглядов и убеждений — в человека-социалиста, проникшегося глубоко социалистическими убеждениями, разрушающими все старые предрассудки. Проникшись идеей социализма, он сейчас же почувствовал энергию к проведению в жизнь своих убеждений, к влиянию на окружающую среду своих товарищей, знакомых, друзей и родственников. Затем он рассказывал, как, где и при каких условиях проводилась в жизнь идея социализма, где какие были личности, как они работали, как пробуждали спящие мысли, как постепенно развивалось, расширялось, углублялось движение этих мыслей и выливалось в форму растущего самосознания рабочего. При этом он всегда говорил:

«То, что я говорю, — только мои личные наблюдения о тех местах, где мне приходилось бывать самому. Эти наблюдения не широкообъемлющи и не полны: ведь я бывал и жил далеко не во многих местах». Итак, значит, повторяю, что передам воспоминания моего друга, начиная, как говорится, с первобытности.

Хотя родом я и крестьянин и до 14 лет жил в селе, окруженном со всех сторон лесами, далеко от больших городов, и только на 15 году мне первый раз в жизни пришлось увидеть настоящий город, потом—другой, третий и, наконец, столицу, и еще город, в котором мне пришлось осесть на жительство, тем не менее жизнь родного моего села, жизнь крестьянина-пахаря для меня является далеко не понятой, забытой и, очевидно, на всю жизнь заброшенной. Никогда мне не суждено будет вернуться к ней, не придется возделывать того надела, владельцем коего я юридически состою. Другое дело жизнь городская, столичная жизнь заводская, фаб-

1) Редакция не считала возможным придать воспоминаниям Бабушкина какой-нибудь заголовок и оставила три звездочки согласно оригинала.

ричная жизнь мастерового-рабочего — вот это мое. Это для меня понятно и знакомо, близко и родственно. Семья рабочего — это моя семья, я ее хорошо могу понимать и чувствовать; ничто в ней меня не удивляет, не возмущает и не поражает. «Все так есть, так должно быть, и так будет!» Так я думал, когда еще не жил по-настоящему, а прозябал, когда не задумывался над житейскими вопросами, жил единственным интересом скудного заработка, слабым предрассудком религиозности, но уже с туманным идеалом разбогатеть и зажить хорошо.

Небольшой город — вмещающийся в 2-х квадратных верстах, окруженный водою, по одному побережью застроен солдатскими казармами, по другому — казенным судостроительным заводом и портом со множеством различных мастерских. Искусственный канал посреди города любовно захватил в свои объятия казенные склады; всюду, куда ни сунешься, все — казенное, военное, солдатское. Этот город — Кронштадт. В нем-то, в этом Кронштадте, я впервые поступил на 15-м году на работу в торпедную мастерскую Кронштадтского порта и в течение трех лет зарабатывал по 20 коп. в день или 4 р. 40 коп.—5 руб. в месяц. На эти деньги я должен был содержать себя, не имея возможности получить ниоткуда помощи.

Проработав в мастерской всего около 6 лет, я ни разу не видал ни листка, ни брошюрки нелегальной; да, очевидно, никто из остальных рабочих мастерской так же ничего подобного не читал; но разговоры бывали всякие, и особенно часто это происходило в одном помещении¹.

Говорили обо всем и даже о «государственных преступлениях». Трудно передать, насколько интересны были эти разговоры, и как трудно было в то же время понять смысл этих разговоров, несмотря на то, что люди говорили очень интимно, не опасаясь ни шпионов, ни провокаторов, ни вообще доносов. Тут не было преступности против существующего строя, а были только одни смутные воспоминания, по слухам собранные сведения, часто извращенно понятые, и передавались они как нечто сверх-необыкновенное, строго-тайное, преступное, очень опасное и потому тем более интересное, сильно приковывающее внимание.

Умственное напряжение слушающих суб'ектов в это время достигало наивысшей точки: вокруг царила необыкновенная тишина, нарушаемая лишь монотонным шумом вращающегося привода, особым лязганием скользящего на шкивах ремня, да в чуть приотворенную дверь слышался глухой шум

¹) В общей уборной.

от сотни работающих людей и от токарных станков, находящихся в движении. Не дай бог, если бы неожиданно, по какой-либо случайности, да появился жандарм или что-либо в этом роде; можно было бы ожидать сильного испуга и потрясения у невинных слушателей. Достаточно было кому-либо из администрации неожиданно появиться не замеченным, и у многих пот выступал на лбу от волнения, такой степени достигало нервное состояние.

Рассказчик бывало увлекался и говорил убедительно о каком-нибудь заговоре, подкопе, покушении, при чем упоминал фамилию кого-либо из казенных через повешение за городом. Не могу я теперь припомнить фамилии или лиц, про которых рассказывали; но впечатление всегда оставалось сильное. Вместе с этим оставалось непонятым: за что были казнены те люди и чего они добивались? При рассказах более понимающих и толковых людей можно было понять, что они (казенные) что-то читали, и читали тайно, читали преступное и что не были дурными людьми, а заступались за рабочих; но некоторые рабочие объясняли и это заступничество за рабочих—особой хитростью преступников.

Помню я, как рассказывали про одного офицера, которого привезли казнить. Рассказывали, как он держался перед казнью и прочее. Помню также рассказ про одного слесаря, работавшего в этой же мастерской и постоянно по воскресеньям уходившего за город на вал читать какие-то воспрещенные газеты; как потом сильно следили за ним, как приходили в мастерскую разные сомнительные личности: один—одевшись попом, другой — каким-то чиновником, третий — мужиком и т. п. и все посматривали на этого слесаря. Он отлично догадывался об этих суб'ектах, и их приглядывания довели до того, что с ним произошло умственное расстройство.

Так, приблизительно, жил и работал я до 18 лет, когда я был признан по местным правилам за взрослого человека и был выведен из учеников в мастеравые. Очевидно, это правило осталось, как часть ремесленных цеховых установлений. Итак, я сделался вполне взрослым человеком и в скорости получил самостоятельное и довольно сложное дело. Но это меня не радовало потому, что, как бывшему ученику, мне платили ничтожное жалованье. Я стал подумывать о том, как бы получить работу в другом месте; но это без протекции было не так легко, и я продолжал до поры до времени работать на старом месте. В конце концов мои желания как-будто начали осуществляться, и я собрался уже поступить в Петербург на Балтийский завод. Однако, хотя я и получал много обещаний, но дело двигалось медленно и мои уго-

щения не производили того желаемого действия, на которое я рассчитывал.

В это время у меня произошла одна интересная встреча с рабочим петербуржцем, который поселился в квартире, в которой я жил уже более двух лет. Присматриваясь к петербургскому рабочему, я начал понимать, что питерцы — очень хорошие работники; что, хотя они довольно много выпивают, но зато, работая день и ночь, вырабатывают по восемьдесят и по сто рублей в месяц. Мне, с 18-рублевым заработком в месяц, это казалось идеалом, к которому я должен был стремиться.

Оказалось, что я расположил петербуржца к себе, и вот у нас завязалась особая дружба, оставившая во мне надолго хорошее воспоминание о первом петербургском атеисте и социалисте-рабочем. Правда, он сам был бессознательный и не мог дать мне никакого сознания, но он смог вложить в меня часть своей инстинктивной ненависти и протеста против капиталистов и мелких паразитов на заводе. Работая целую неделю почти напролет дни и ночи, к концу недели он совершенно ослабевал и в субботу от небольшой выпивки становился пьяным. Тогда мы уходили с ним куда-либо от людей и там-то старый, изработавшийся человек, разгорячившийся водкой, начинал постепенно открывать мне истину и ту ненависть, которой была переполнена его атеистическая душа.

— Ваня! — обращался он ко мне; — ты можешь достать этого яду, которым наш хозяин растрawляет металл?

— Для чего тебе он понадобился?

— А вот что: у меня в деревне — жена и ребятишки, и дом есть, и вот я думаю поехать в деревню и хочу захватить с собой этого яду, чтобы отравить сначала всю скотину по па и деревенского кулака, а потом и еще что-либо устроить с ними. Я тебе скажу, что попы самые вредные люди. Ты мне поверь, пьяному человеку, что никакого бога нет, и все это выдумка, чтобы дурачить нашего брата. Мастерам нужно глотку резать на каждом шагу, а деревенских попов и кулаков нужно всячески изводить, а то они не дадут никакого житья нашему брату.

Часто он говорил мне речи в этом роде.

— Ты сообрази, — продолжал он: — для чего нам эти живоглоты (монтеры)? Они отнимают только от нас лишние заработки да опивают нас и давят нас же, сидя у нас на шее.

Конечно, больше всего мой петербуржец ругал всю свору администрации, и я из этой ругани мог почерпнуть порядочную долю ненависти к притеснителям. Однако, он не в со-

стоянии был правильно развивать идеи атеизма и социализма, и благодаря этому я не проникся сознательно его взглядами и не чувствовал настолько глубоко ненависти, как он. А он действительно ненавидел всякую несправедливость и очевидно душил свою злобу в пиве и в водке... Я после узнал, что он в скорости умер и, очевидно, не привел в исполнение своих планов, касающихся деревни и тамошних паразитов.

Желание мое, наокенц, исполнилось, и я поступил на работу в Петербурге на завод. При поступлении мне удалось попасть на акордную (штучную) работу. Наша партия состояла из 18-ти человек, и первое, что мне пришлось выполнить при моем поступлении — это поставить за мной партии спирски, т.-е. угощение; денег у меня не было, и потому старший, за поручительством всех членов нашей бригады, взял в долг четверть ведра водки, 5 штук селедок, хлеба и несколько бутылок пива. Поздравить меня с поступлением на завод пришла вся партия и еще, кроме своих, около пяти человек из других партий или отдельных лиц, соприкасающихся с работой нашей партии. Все мы собрались на одном дворе за воротами, образовавши кружок, в середине которого находилась выпивка и закуска. Конечно, это было без всякой претензии на какой-либо элементарный комфорт; один держал водку, другой хлеб, третий селедки, которые, будучи порезаны на куски, сейчас же были разобраны по рукам. Старший взял в руки стакан, налитый живительной влагой, поздравил меня приличным образом с поступлением и этим открыл процедуру спрысок. Минут через 5—10 мы разошлись, и, уходя со двора, я чувствовал себя вполне признанным членом той партии, которую только что угостил, израсходовав на это два рубля с половиной. Хотя этот обычай слишком не симпатичен, но я и сейчас не могу относиться к нему с особой ненавистью. На этих спрысках всегда люди как-то чувствуют себя близкими друг другу, у них является желание поговорить о своих делах и о злободневных вопросах; на этих же спрысках довольно часто учили старших бригадиров за их длинные языки, кляузничество.

Следы этого учения иногда оставались недели на две под глазами у старших. Бывали, конечно, случаи, когда старшие совершенно отказывались идти на такого рода угощения, ретиво оберегая свою особу.

Итак, я работаю в Петербурге на заводе С. 1), работаю в партии на «штучной» работе, заработок которой зависит не от отдельного лица, а от коллективных личностей, прини-

1) Семянниковском.

мающих участие в этой партии. Работать в такой партии надо умеючи, нужно быть смелым, уметь за себя постоять, в противном случае заедят или, как говорят, выживут из партии, а это довольно чувствительно, ибо в партии получался % на рубль, доходивший до 50—60 коп.; вне партии никакого процента не получалось.

Работая в Кронштадте, я чувствовал, что работа меня несколько не обременяет, уставать от работы редко когда приходилось; работая поденно, человек не измучается, не так скоро истреплет свою жизнь. Совсем не то—работа сдельная, поштучная: на этой работе человек себя не жалеет, он положительно забывает о своем здоровье, не заглядывает вперед своей жизни, никогда не задумывается, как влияет работа на продолжительность его жизни.

Нет! Он гонит и гонит работу вперед, пот градом льется с него, и необтертая капля тяжело шлепается на его работу, вызывая его неудовольствие и ругань, порывистое движение рукавом по лбу сейчас же следует за этим, и опять работа, работа спешная, торопливая, и все для того, чтобы получить лишнюю копейку процента на рубль.

Еще хуже в партии, где каждый следит друг за другом. Особенно трудно, когда нескольким человекам дается для работы одинаковая вещь: тут уже всякий проявляет самую наивысшую, какая только возможна, степень интенсивности. При таких работах рабочие положительно зарывают ¹⁾ свое здоровье. Постоянно попадаются один или два более ловких, которые гонят работу вперед остальных, другие, из сил выбиваясь, стараются не отстать и даже боятся пойти по естественным надобностям, дабы не упустить лишних минут, в которые их могут обогнать в работе.

На такую-то работу попал и я, и хотя не особенно был смиренным, но защита была всегда не лишней. Защитить же меня взялся товарищ—сосед по работе, уже очень пожилой семейный человек, но с натурой протестующей; к несчастью, он был неграмотным человеком.

Мы с ним жили очень дружно, он часто рассказывал про разные бунты и про то, как доктор и студенты во время холеры морили народ, и как их народ бросал в Неву с Николаевского моста. Припоминая его теперь, я положительно удивляюсь тому сочетанию взглядов, какие в нем были. Он помнил ту литературу, которую народовольцы раскидывали на заводе, и то, как эту литературу читали по застенкам,

¹⁾ Рабочие часто заболевают от переутомления и сваливаются в постель. Это на своеобразном языке рабочих называется „зарвался на работе“.

и хотя сам был неграмотный, но всецело стоял своими симпатиями за людей, распространявших такую литературу. Иногда таинственно сообщал мне на ухо про убийство царя, говоря, что, мол, его за дело убили, и только народ не понимает это, а без царя жизнь можно устроить еще лучше теперешней. Нужно ли говорить, что он ненавидел монтеров и разных старших и эту ненависть переливал в меня и разжигал ее сильнее и сильнее.

Первый год работы на заводе меня удовлетворял, несмотря на то, что, как можно выразиться, я не жил, а только работал, работал и работал; работал день, работал вечер и ночь и иногда дня по два не являлся на квартиру, отстоящую в двадцати минутах ходьбы от завода. Помню, одно время при экстренной работе пришлось проработать около 60 часов, делая перерывы только для приема пищи. До чего это могло доводить? Достаточно сказать, что, идя иногда с завода на квартиру, я дорогой засыпал и просыпался от удара о фонарный столб. Откроешь глаза и опять идешь, и опять засыпаешь и видишь сон вроде того, что плывешь на лодке по Неве и ударяешься носом в берег, но реальность сейчас же доказывает, что это не настоящий берег реки, а простые перила у мостков.

Так работая, не видишь никакой жизни, мысль ни на чем не останавливается, и все желания сводятся к тому, чтобы дожидаться скорее какого-либо праздника, а настанет праздник, проспешь до 12 или до 1 часу и опять ничего не увидишь, ничего не узнаешь и ничего не услышишь, а завтра опять работа, та же тяжелая, продолжительная, убийственная работа и никакой жизни, никакого отдыха.

И оказывается для кого все это? Для капиталиста! Для своего отупления! Отрадой может служить лишь то, что не понимаешь этого и тогда не чувствуешь ужасного гнета и бесчеловечности.

Так, в общем, текла безжизненно и печально та жизнь, которой живут большинство людей. Иногда приходилось кое-что слышать, но не понимая и не разбираясь в этом.

На этом я закончу описание своей жизни до превращения из самого заурядного числительного человека без строгих взглядов и убеждений в человека-социалиста.

Однажды, в такой же день, как и в бесчисленные дни раньше, когда так же монотонно вращались приводы и скользили ремни по шкивам, так же всюду по мастерской кипела работа и усиленно трудились рабочие, так же суетливо бегал мастер, появляясь то в одном, то в другом конце мастерской, и не менее суетливо вертелось множество разного рода старших дармоедов, я стоял у своих тисок на ящичке и, навалив-

шись всем корпусом на 18-й ¹⁾ напильник, продолжал отделять хомут для эксцентрика паровоза. Так же и такие же хомута отделявали и еще два слесаря, и мы старались во всю мочь, засучивши по локоть рукава рубашки и снявши не только блузы, но и жилеты. Пот выступал на всем теле, и капли одна за другой шлепались и на верстак и на пол, не вызывая ничьего внимания.

И при таком трудолюбии никто и никогда не придет и не скажет ни похвалы, ни порицания, никто не посоветует отдохнуть от надоедливой и тяжелой работы.

День клонился к окончанию работ, и многие уже начинали посматривать по сторонам, желая подметить, нет ли движения к прекращению работ; так как день был субботний, то работу заканчивали обыкновенно минут за 10—15 до заводского гудка об окончании работ.

— Будет стараться-то, все равно всей работы не переработаешь! — раздался около меня голос незнакомого слесаря из другой партии, такого же молодого человека, как и я. Я поднял голову и, выпрямившись всем корпусом, по привычке осмотрелся во все стороны, желая подметить малейшую опасность со стороны какой-либо забегалки, но таковых нигде не оказалось, и я, смотря на него, ответил:

— Оно правда, что работа дураков любит, но мы на пару ²⁾ работаем, и потому я не желаю итти в хвосте других.

— Завтра воскресенье, как ваша партия — будет работать, или нет? — начал политично Костя ³⁾ так я буду называть моего товарища), видимо заранее подметив меня, как желанного субъекта для направления на светлый, энергичный путь борьбы за свободу, равенство и братство. Этими идеями он только-что проникся сам и почувствовал сильный прилив проповеднической энергии.

— Нет, завтра у нас никто не работает, — отвечал я.

— Что же ты делаешь в свободное время дома?

— Да ничего особенного. Вот устраиваем скоро вечеринку с танцами, — начал было я рассказывать, в надежде привлечь его к участию в веселом времяпровождении.

— А у тебя книги какие-нибудь есть? — спросил он. — Ты читаешь ли когда что-нибудь?

Я смутился от сознания, что давно ничего не читал, хотя и обладал десятком книг. Но я их не понимал, и потому они

¹⁾ 18-дюймовый.

²⁾ На пару — это значит, что одинаковая работа у двух или нескольких рабочих, и тогда, как было упомянуто, один старается обогнать другого, или, по крайней мере, не отстать от других. *Прим. автора.*

³⁾ Илья Федорович Костин.

лежали у меня на маленькой этажерке, как приличное украшение комнаты молодого человека. Однако, я сообразил, что Косте может кое-что понравиться из моих книг, и потому предложил ему познакомиться с ними, придя как-нибудь вечером или в воскресенье. Костя охотно согласился на мое предложение и, немного помолчав, предложил мне познакомиться с ним поближе, и тут же попросил притти к нему на квартиру завтра после обеда. Я обрадовался предстоящему знакомству. Хотя в то время знакомых у меня было уже достаточно много, но совершенно не было таких, каким мне представлялся Костя. С работы мы пошли вместе. Он часто отбегал от меня, чтобы кое с кем поговорить, снова возвращался ко мне и, наконец, указал дом, в котором он жил. Мы дружески расстались, и я дал обещание на другой день непременно быть у него.

Около часу дня в воскресенье я направился к Косте и без труда разыскал квартиру, в которой он жил. Хозяйка добродушно указала его комнату, куда я и вошел. Комната была небольшая, квадратная. Кроме хозяина, в ней сидело два молодых человека, одного из них я хорошо знал, так как он работал в одной партии с Костей, а другой был, кажется, его братом. Я сел, мы перекинулись парой слов, и разговор совершенно прекратился. В это время Костя вынимает откуда-то печатный листок, подает его одному из товарищей и просит прочитать. Товарищ берет и читает листок, а мы все трое сидим молча. Так как я не знал содержания этого листка, то и не обращал особенного внимания на то, как читает его товарищ, и какое действие производит листок на читающего, но Костя и другой товарищ присматривались к читающему как-то особенно и чувствовали себя, повидимому, очень напряженно. Все молчали, наконец, товарищ прочел, сложил листок и передал его Косте, делая все это молча; я думал, что тут какое-то личное дело, о котором мне знать не следует.

— Ну, что? как?—спросил Костя, обращаясь к товарищу, который чувствовал себя как будто очень смущенным.

— Что ж, очень хорошо,—ответил тот и замолчал. Настало опять молчание и какое-то тягостное.

— Может, хочешь почитать? Так почитай — сказал Костя, подавая мне листок.

Я развернул и приступил к чтению. С первых же слов я понял, что это что-то особенное, чего мне никогда в течение своей жизни не приходилось видеть и слышать. Первые слова, которые я прочел, вызвали во мне особое чувство. Мысль произвольно запрыгала, и я с трудом начал читать дальше. В листке говорилось про попов, про царя и прави-

тельство, говорилось в ругательской форме, и я тут же каждым словом проникался насквозь, верил и убеждался, что это так и есть, и нужно поступать так, как советует этот листок. У меня уже вырисовывалось в голове, что вот меня казнят за совершенное преступление, и вся жизнь пойдет прахом. Тут же как молотом ударило по моей голове, что никакого царствия небесного нет и никогда не существовало, а все это простая выдумка для одурачивания народа.

Всею, что было написано в листке, я сразу поверил, и тем сильнее это действовало на меня. С трудом дочитывал я листок и чувствовал, что он меня тяготит от массы нахлынувших мыслей. Так как нужно было его возвращать сейчас же, то подробное содержание листка в памяти не сохранилось, но смысл глубоко врезался в моем мозгу, и отныне я, навсегда, стал анти-правительственным элементом. Листок был народовольческий; это было первое произведение нелегальной литературы, из которого я вычитал впервые откровенные слова против правительства. Я молча передал листок Косте, сразу уразумел цель моего приглашения и решил, что нужно жертвовать для этого дела всем, вплоть до своей жизни. Я был уверен, что Костя смотрит на это дело такими же глазами, как и я, и уже по тому одному мы с ним являемся братьями, но как смотрят и думают другие два товарища, я не знал и потому молчал, как и они, выразивши, впрочем, свою радость и удовольствие по поводу листка, как умел.

Немного погодя оба товарища ушли. Мы остались вдвоем, и тогда у нас завязался дружеский разговор; очевидно, я внушил Косте доверие, и потому темой нашего разговора было обсуждение вопросов, как нам достать еще таких произведений и хороших книг, дабы по возможности подвинуться вперед в своих знаниях. Костя начал было объяснять мне библию, которую он хорошо помнил, так как до последнего времени был глубоко религиозным человеком и сидел на божественных книгах. Он старался объяснять богословские учения, как учения социалистические, только запакощенные современными попами. Однако, Костя не обладал даром слова и потому не мог увлечь меня далеко в эту сторону. Затем мы пошли с ним на мою квартиру и тщательно осмотрели находящиеся у меня книги. Я старался найти в них что-либо хорошее, но так как мой вкус еще был довольно сомнителен для нас обоих, то мы решили в следующее воскресенье пойти вместе и поискать на базаре хороших книг. Конечно, я расспросил у Кости, каким образом попал к нему нелегальный листок. Он объявил, что на неделе, как-то вечером, выходя по окончании работы из мастерской

в толпе других рабочих, он был остановлен одним человеком который сунул в дверях мастерской ему листок со словами: «Поди, ничего дома-то не делаешь, на-ко вот, прочти это». И действительно Костя прочел и едва дождался утра, чтобы поговорить с этим человеком.

Вскоре и я был познакомлен с человеком, который сунул Косте листок. Конечно, ему было известно о прочтении листка мною, о том отношении, которое я проявил к дотоле неизвестному для меня делу революционных воззрений и поступков, о моем желании читать, учиться и действовать так, как мне укажут, стараясь уже по возможности привлекать и пропагандировать при всяком удобном случае подходящего человека.

Я догадывался о человеке у нас в мастерской, руководящем этим делом, потому что видал несколько раз, как Костя беседовал с ним. Раз во время работы мы с Костей подошли к нему, и я был представлен Костей, как товарищ по убеждениям. Человек, которому я был представлен, был рослый, представительный мужчина, с проникающим насквозь суровым взором. Его взгляд пронзил меня до самого нутра, и я не на шутку растерялся, виновато смотря ему в лицо несколько мгновений, а потом потупился, чувствуя, что на меня навалилась какая-то тяжесть. Изредка я осмеливался приподнять глаза и украдкой смотрел на подавляющего меня человека. Окладистая большая русая борода вызывала у меня особое почтение и уважение к этому человеку, но, встретившись с его взглядом, я делался опять бессильным и немощным. И как странно все это вышло? Раньше, видя этого человека, проходя мимо, я положительно не обращал на него внимания и не чувствовал ничего необыкновенного. Он в моих глазах был самым обыкновенным человеком. Но теперь, когда я сам хочу быть иным и вижу перед собою человека сознательного, энергичного, смелого, желающего проникнуть в искренность моей души, узнать мою религиозность и твердость характера, узнать искренность моих желаний,—под этими настойчивыми взглядами я чувствовал какую-то особую жуткость и не смел произнести ни слова.

Такое впечатление произвел на меня Ф. ¹⁾. Идя к его станку, я ожидал услышать от Ф. что-либо особенно умное, но он на первый раз отпугнул меня своими суровыми словами и вопросами.

1) Сергей Иванович Фунтиков. Вот что говорит о Фунтикоге тов. К. Норинский в своих воспоминаниях:

„Интересной фигурой являлся токарь Фунтиков, около 30 лет, помятый жизнью; жена и дети жили в Тгерской губернии. Он с места в карьер отдался работе. Человек откровенный, прямой, решительный, чуждый услов-

— Ну что? о чем думаешь?

— Да книжку бы какую-либо умную достать — пробормотал я.

— На что тебе она? Что ты будешь делать, если прочитаешь не одну умную книжку?

— Плохо—говорю—вот, что нас обижают и правды не говорят; а все обманывают.

— А что ты будешь делать, если правду узнаешь?

Я, конечно, молчал, не зная, что отвечать на подобные вопросы, и пошел к своим тискам, обдумывая более всесторонне заданные мне вопросы. Конечно, я был недоволен тем, что Ф. не сказал чего-либо сам, а заставил меня ломать голову над вопросами, которые я не понимал как следует и которые были мне чужды, но я объяснил все это тем, что меня желают испытать. Мне было несколько обидно за то недоверие, которое я усмотрел в этом отношении, но я был уверен, что все узнаю и всего достигну. С Костей мы сделали неразрывными друзьями.

Всегда и всюду мы были вместе, постоянно обсуждая разного рода вопросы. Скоро у нас появились нелегальные книжки, большей частью народовольческие, и мы пооживительно ими зачитывались, стараясь затем тщательно припрятать, чтобы они не попались кому-нибудь на глаза.

К этому времени круг знакомых у нас начал расширяться, и всякое воскресенье или мы заходили к кому-нибудь, или к нам приходили. Образ жизни сильно переменился, что не оставалось незаметным для окружающих как на квартире, так и в заводе, но мы мало обращали на это внимания, продолжая увлекаться новым делом. Разумеется, как только мы

ностей и компромисса с совестью, он часто своей прямою отталкивал от себя массы. С первого же вступления в партию, узнав, что существуют взносы в рабочую кассу, передал кассиру нашего кружка все скопленные долгими годами деньги—200 руб. Мало того, повел решительную борьбу с женой, убеждая отрешиться от условностей и сделаться другом его в борьбе с капиталом. Предложил бросить в печь все иконы и т. п. После борьбы, тянувшейся около 2—3 лет, он, наконец, убедившись в бесплодности увещаний, порвал связь с деревней, с семьей и весь отдался рабочему движению.

На вид атлетического сложения, с большой бородой, он всю зиму ходил без чулок, в штиблетах на голую ногу. Имел всего один потертый пиджак, плохенькое осеннее,—оно же заменяло и зимнее,—пальто. Но там, где требовалось проводить линию, Фунтиков был на своем месте. Он не чувствовал усталости.—Много лет спустя после нашей разлуки с ним, уже будучи в ссылке, узнал, что он был также арестован и выслан; одно время находился в психиатрической больнице. Но где он находится, — сведений получить я не мог". (Из статьи: „Мои воспоминания“ — К. Норинского, помещен. в сборн. От группы Благоева к „Союзу Борьбы“ (1886—1894 г.г.). изд. Дон. Отд. Гиз. 1921 г.).

замечали, что собеседник начинает соглашаться с нами в разговорах, мы сейчас же старались достать ему для чтения что-либо из нелегального; но в знакомстве с новыми людьми мы были очень разборчивы. Прежде всего, мы старались обходить или избегать всякого, кто любил частенько выпивать, жил разгульно, или состоял в родстве с каким-либо заводским начальством. Будучи сами очень молодыми, мы подходили чаще всего к такой же молодежи, а одна или две неудачи совершенно отпугнули нас от людей женатых, средних или выше средних лет, таким образом, выбор оказывался довольно незначительным.

Часто приходилось слышать, как рабочий рассказывал про старую работу революционеров, как их арестовывали и сажали в какие-то каменные мешки, мололи, секли и т. п.; но больше всего приходилось слышать о том, как людей хватили и они пропадали безвозвратно неизвестно где. Иногда приходилось вступать в прения с рабочими, верившими до фанатизма в свои собственные рассказы, и не всегда мы выходили победителями из такого рода споров. Конечно, есть доля основания в создании подобного рода рассказов. Хотя бы взять во внимание, что часто происходили аресты интеллигентов, живших среди рабочих, и потом не было от них, ни об них, никаких вестей, и потому фантазия темных рабочих создавала разного рода рассказы фантастического содержания, которые передавались от одних к другим, дополняясь произвольно всевозможными ужасами. Эти ужасы служили всегда и служат теперь отпугивающим средством для всякого мало-мальски суеверного и недалекого человека, которому еще непонятно рабочее движение. Мы с товарищем старались избегать разговоров и споров с распространителями подобных фантазий, но охотно слушали рассказы о том, как раньше происходили бунты и волнения на С. ¹⁾ заводе, и как там всюду по застенкам читали подпольные книжки в былые годы (в семидесятых и восьмидесятых годах).

Ближе знакомясь с разного рода нелегальной литературой, с людьми революционных убеждений, разговаривая с товарищами на те же темы, создавая всевозможные планы изменения всего строя жизни, при строгом разборе не выдерживающие критики, мы жили в постоянном волнении. Та жизнь, которая ранее казалась нам самой обыкновенной, которой мы раньше не замечали, давала нам все новые и новые впечатления.

---

¹⁾ Семяниковском.

К тому же времени в нас зарождается сознательная ненависть и к сверхурочным работам. Идя перед вечером через мастерскую нижним этажем, мы с озлоблением смотрели на висевший у стены фонарь, в котором горела свеча, а на стеклах была надпись: «Сегодня полночь работать от 7 ч. вечера до 10½ ч. вечера» или «Сегодня ночь работать от 7½ ч. вечера до 2½ ч. ночи». Эти надписи чередовались изо дня в день, т.-е. сегодня полночь, завтра ночь. Таким образом приходилось вырабатывать от 30-ти до 45-ти рабочих дней в месяц, что на своеобразном остроумном языке семянниковцев выражалось так: «у меня или у тебя в этом месяце больше дней, чем у самого бога» и, действительно, несчастными полночами и ночами иногда нагоняли в течение месяца до 20-ти лишних дней.

Сколько здоровья у каждого отнимали эти ночные работы, трудно себе представить. Но дело было обставлено настолько хитро, что каждый убеждался во время получки, что, если он работал мало ночей или полночей, то и получал меньше того, который не пропускал ни одной сверхурочной работы. Расплата производилась так: общий заработок всей партии делился на количество дней, а остаток суммы уже делился как проценты к заработанному рублю. Хорошо, если работа еще не особенно спешная, тогда при желании можно было уходить домой по окончании дневной работы; но если работа спешная, и мастер заставляет работать всю партию, тогда злой иронией и как бы насмешкой звучит заводский гудок об окончании работы. Он только говорит, что еще осталось столько-то часов работать ночью, и что твой № заботливо снят с доски и отнесен в контору к мастеру, а без № из завода не выпустят. Итти же к мастеру—это в большинстве случаев безрезультатно: или выйдет стычка с мастером, или даже расчет. Одна и та же история повторялась изо дня в день. Рабочие ругались на всевозможные лады, проклиная работу, и все же принуждены были работать ночные часы. Мы с Костей часто работали в ночное время до знакомства с нелегальной литературой, не чувствуя особой тягости и не сознавая разрушающего действия этой работы на наше здоровье, но теперь ночная работа нас сильно тяготила, и мы начали от нее отлынивать под разными предлогами. В то же время мы агитировали среди мастеровых против ночной работы, доказывая ее вредность.

Живя заводской жизнью, мы с Костей совершенно не знали жизни фабричных рабочих. Лично я жил довольно хорошо, как в гигиеническом, так и в экономическом отношении. Рассказы одного из товарищей — молодого парня, работавшего раньше на фабрике и имевшего привычки и вид

фабричного, заинтересовали нас. Нам захотелось увидеть и поближе узнать эту неведомую для нас жизнь. Мы решили приобрести товарищей на фабриках, чтобы иметь возможность ходить туда и вести среди фабричных пропаганду. Постепенно мы узнавали про фабрику и жизнь на ней, про порядки, какие там существуют, и т. п.

Однажды, рассказывая про жизнь на фабрике, товарищ упомянул о новом доме, выстроенном фабрикантом для своих рабочих, говоря, что дом этот является чем-то особенным в фабричной жизни рабочих. Однако, трудно было понять, что это за дом. Не то он какой-то особенный по благоустройству, не то это просто огромнейшая казарма, в которой всюду пахнет фабрикой, в которой хорошее и дурное, приятное и скверное перемешано в кучу, не то это прямо дом какого-то ужаса.

И вот мы с Костей решили в воскресенье же пойти и подробно осмотреть этот дом, жителей и все прочее, но, помня, что посторонним трудно проникнуть в фабричное помещение, мы решили подделаться под фабричных. В субботу вечером я отправился на Александровский рынок, купил простую кумачевую рубаху с поясом, подходящую фуражку и в воскресенье, одевшись фабричным парнем, неловко и крадучись, вышел из квартиры, направляясь к Косте. Оттуда также смущенно, опасаясь обратить внимание на свой костюм, мы направились по Шлиссельбургскому тракту к Максвельским фабрикам, куда и добрались через полчаса.

Вдавшись саженей на 40 от проспекта, виднелось внушительное каменное здание, еще совершенно новое по своему наружному виду. Должно быть, это и есть—решили мы с Костей—и по узенькому переулку, по проложенным рельсам направились к заманчивому обиталищу. Очутившись во дворе, мы увидели группы рабочих и работниц. Мужчины, большей частью молодые, стояли кучками и о чем-то, видимо, толковали, делая энергичные движения руками; девушки местами сидели, отделившись от остальных, местами болтали с парнями, часто вскрикивая и отбегая в сторону, но тотчас же возвращаясь к своему кружку. Вся эта толпа парней и девушек живо напоминала порядочное село какой-нибудь губернии. Девушки бросались в глаза яркостью своих костюмов, совершенно отличных от городских, особенно от столичных, а молодые парни были в сапогах бутылками, с гармонией и с брюками за голенищами; многие бросались в глаза слишком большой простотой своего костюма, разгуливая по двору в простых ситцевых полосатых подштаниках, в кумачевой или ситцевой серенькой рубахе, подпоясанной незавидным пояском, на ногах простые опорки на голу

ногу, и нисколько этим не смущались сами и не смущали никого из присутствующих. Простота таких костюмов произвела на меня неприятное впечатление, хотя была довольно знакомой картиной, напоминая смоленских плотников в Кронштадте.

Мы решили прежде всего осмотреть внутренность самого здания и потом уже походить по двору и потолкаться среди самих фабричных. Широкая дверь в середине фасада здания вела во внутрь, да и народ входил и выходил каждую минуту через эту дверь, поэтому и мы направились в нее же. Громаднейшая широкая лестница показывала, что здание приспособлено для большого количества жителей, стены были вымазаны простой краской, но носили следы чистоты и опрятности, здоровые чугунные или железные перила внушали доверие к солидности и прочности здания. Мы поднялись на одну лестницу и вошли в коридор, в котором нас, как обухом по голове, ударил в нос скверный удушливый воздух, распространявшийся по всему коридору из анти-гигиенических ретирадов. Не проходя по коридору этого этажа, мы поднялись выше, где было несколько свежее, но тот же отвратительный удушливый запах был и здесь. Пройдя часть коридора, мы вернулись и поднялись еще выше этажом. И там было не легче, но мы решили уже присмотреться ближе, поэтому прошли вдоль по коридору и зашли в ретирадное место для обзора, потом, набравшись смелости, начали открывать двери каморок и заглядывать в них. Повидимому, это никого не удивляло, и нас не спрашивали, кого мы ищем.

Отворив, таким образом, двери одной каморки и никого там не застав, мы спокойно вошли и затворили за собою дверь. Нашим глазам представилась вся картина размещения и обстановки этой комнаты. По правой и левой стороне около стен стояло по две кровати, заполнявшие всю длину комнаты почти без промежутка, так, что длина комнаты как бы измерялась двумя кроватями; у окна между кроватями стоял стол и невзрачный стульчик; этим и ограничивалась вся обстановка такой каморки. На каждой кровати спало по два человека, а значит всего в комнате жило 8 человек холостяков, которые платили или вернее с которых вычитали за такое помещение от полутора до двух рублей в месяц с каждого. Значит такая каморка оплачивалась 14-тью или 16-тью рублями в месяц; заработок же каждого обитателя колебался между 8-ью и 12—15-тью рублями в месяц. И все же фабрикант гордился тем, что он благодетельствует рабочих, беря их на работу, с условием, чтобы они жили в этом доме, если только таковой не набит битком.

Мы вышли из каморки и заглянули еще в несколько. Все каморки были похожи одна на другую и производили угнетающее впечатление. У нас пропала охота осматривать дальше — общую кухню, прачечную и помещения для семейных, где серая обстановка скрашивалась лишь одеялом, составленным из бесчисленного множества разного рода лоскутков ярких цветов и которое покрывало кровать, завешенную пологом. Полог служил двум целям: с одной стороны он должен был прикрыть нищету, с другой — он удовлетворял чувству элементарной стыдливости, ибо рядом стояла такая же семейная кровать с такой же семейной жизнью. Все это было слишком ужасно и подавляло меня, заводского рабочего, живущего более культурной жизнью, с более широкими потребностями.

Мы двинулись к выходу. На огромной лестнице мы остановились и рассматривали автоматические приспособления для тушения пожара. Но все эти шлаги, свинцовые трубы и приспособления не могли внушить к себе ни симпатии, ни доверия; эти блестящие медные краны и гайки не могли сгладить впечатления от голых, неопрятных, скученных кроватей и от стен, на которых подавлено и размазано бесчисленное множество клопов. Сзади слышен стоном стонущий гул в коридоре, отвратительный воздух беспрестанно надвигается оттуда же, и все сильней и сильней подымается в душе озлобление и ненависть против притеснителей с одной стороны и невежества — с другой, не позволяющего уяснить причины маложеланного существования.

О! нужно как можно больше знания нести в эти скученные места.

Облегчение вносила лишь мысль, что все же в этом доме есть кто-то, кто занимается с рабочими, и может быть среди собравшихся на дворе рабочих есть уже сознательные люди, число которых будет увеличиваться день ото дня. Костя даже начал вслух делать арифметические вычисления по поводу прогрессивного роста развивающихся личностей, но доверяться таким вычислениям нельзя, они могут иногда привести к сильным разочарованиям, и потому желательно быть скорее пессимистом, нежели оптимистом. Но это мимоходом.

Выйдя на двор и вдохнув свежего воздуха, мы направились к одной кучке рабочих. Оказалось, что тут шла азартная игра в орлянку, и почти все стоявшие принимали активное участие. Лица у всех были сильно напряжены, слышались ругательства, и нам казалось, что скоро дело дойдет до драки с кровавыми последствиями. Мы перешли к другой кучке, — тут дулись в карты на деньги, и та же ругань висела в воз-

духе. Кучки девушек и парней не могли нас расположить вмешаться в их среду, ибо нужно было обладать умением подойти к деревенской красавице и вести беседу на интересную для нее тему, что было далеко не безопасно для лиц, неизвестно откуда явившихся. Поэтому мы посмотрели на них издали и пошли бродить дальше по траве огромного двора; осмотрели сараи, погреб и еще кое-что не особенно интересное и направились домой из этого своеобразного фабричного мира с тяжелым впечатлением о виденном и о том, что люди в этой обстановке чувствуют себя, очевидно, очень счастливыми после деревенской жизни. Это было наше первое сознательное знакомство с жизнью фабричных рабочих. Тяжелое впечатление у меня осталось надолго в памяти. Впоследствии уже в другом месте фабричная жизнь меня положительно возмутила, и я не в состоянии был объяснить себе той выносливости и ничтожных потребностей, какими может ограничить себя человек, чувствуя себя в то же время довольным этой жалкой нищенской полуголодной жизнью.

Вот стена, которую приходится разбивать лбами, и не один еще десяток лбов расшибется об нее, пока она начнет хоть сколько-нибудь поддаваться. Впечатление от виденного было очень сильным, но руки наши от этого не опустились, наоборот, энергия к работе над своим развитием усилилась, желание скорее вступить в борьбу со столь ужасными приемами эксплуатации, со столь ужасной забитостью и темнотой народа увеличивалось, и мы усердно принялись точить оружие для борьбы, т.-е. читать и развиваться.

Понятно, что без посторонней помощи, сами, мы далеко не так быстро уяснили бы себе многие вопросы, наши знания были очень недостаточными, а столкновения, споры при нашей пропаганде становились очень часты, и мало-мальски ловко поставленный вопрос нашего противника ставил нас в тупик, и, хотя мы были убеждены в справедливости своих слов, тем не менее чувствовали свое поражение. Помню хорошо, как мы с Костей пришли к странному заключению по одному экономическому вопросу. Вопрос относился к сдельной работе. Пропагандируя и агитируя кого-либо, мы часто ставили ему выработанный нами вопрос: что полезнее для рабочих при данных условиях: трудолюбие или лень?— Получали ответ, что первое всегда полезнее. Тогда мы начинали доказывать противнику, что, если особенно стараться в работе, то можно, 1) скоро достигнуть этим понижения расценок и 2), что один рабочий выполнит работу за двоих, таким образом большая часть рабочих окажется без работы, что в свою очередь будет влиять на еще более сильное понижение расценок и т. д. Другое дело, если рабо-

тать тихо, не торопясь — тогда расценки скорее повысятся, или по крайней мере не упадут, а так как работа будет выполняться медленнее, то потребуются добавочный комплект рабочих, и благодаря этому будет меньше безработных и плата подыметя. Выходило так, как будто мы правы, но соглашались с нами неохотно, хотя и не находили аргумента для возражения. И мы сами, чувствуя себя победителями, не могли в то же время примириться с мыслью, что лентяй более полезен для общества, нежели человек трудолюбивый, и никак не могли выйти из этого затруднительного положения. Такие вопросы возникали все чаще и чаще, и мы стали обращаться за разъяснениями к Ф. Ф., видя, что мы сильно прониклись духом социализма, и не имея возможности и времени с нами часто беседовать, поручил нас одному из своих друзей, живущему неподалеку от нас.

Наш новый руководитель ¹⁾ оказался человеком очень неглупым и произвел на нас очень хорошее впечатление. Понятно, что, как только выдавался свободный момент, мы стремились к нему за объяснениями. Кроме того нас притягивала к нему, как магнит, обстановка его домашней жизни. Отдельная квартира, обставленная довольно уютно во всех отношениях, рисовала нам картину будущего нашего устройства. У нашего нового знакомого всегда было достаточно для нас во 1) книг и во 2) советов об осторожности. Мы знали, что он состоит и кассиром в организации и служит связующим звеном между городом и нами, что он знаком с интеллигенцией и вообще со всем движением, а следовательно мы от него сможем многому научиться и услышать от него те хорошие мысли и ответы на наши вопросы, которые нас так волновали. И, действительно, первое время он производил на нас обоим самое благотворное влияние. Больше всего он развивал в нас аккуратность и осторожность в сношениях с людьми и всегда при нашем приходе к нему задавал нам вопрос, осторожно ли мы пришли, не притащили ли за собою шпиона. Возможно, что, опасаясь за себя, под влиянием жены, он постоянно твердил нам о всяких шпионах, обысках и слежке. Но нам это было полезно, мы приучались строго посматривать за собой, хотя, повидимому, никто не думал за нами следить. Мы стали вести себя аккуратнее на заводе. Постепенно мы вводились в круг всякого рода дел, и нам даже стали показывать отчеты Красного Креста, кроме того давали много хороших книг и всякую имевшуюся нелегальщину.

¹⁾ По словам В. А. Шелгунова—это был некто В. Агафонов.

Так прошла часть зимы, весна и уже проходило лето. Близилась осень, а с ней приближалось ожидаемое с нетерпением открытие воскресной школы, о которой мы уже много слышали. Нам говорили о ней много хорошего: что в ней хорошо можно подбирать людей и, главное, можно получить знания, что в ней все учительницы учат даром, т.-е. исключительно только ради того, чтобы нести в народ знания, что они готовы претерпеть за народ всевозможные притеснения и преследования правительства. Костя и я отлично уже понимали, что это будут за учительницы, и потому так ожидали этой школы. Мы старались подговаривать других, чтобы они тоже записались в школу, но большинство отвечало, что вечерняя и ночная работа не позволит ходить в школу, и в этом было много правды. Особенно мешала сменная работа, но тем не менее мы подговорили записаться в воскресную школу не менее пятнадцати человек. Но о школе потом, теперь вернусь опять к началу знакомства с нелегальной работой.

Отпугнувший меня на первых порах Ф., конечно, не оставил нас без внимания. Он старался при всяком возможном удобном случае влиять на нас и растолковывать непонятные для нас вопросы. Он производил на нас сильное впечатление, и мы его прозвали Патриархом, чувствуя к нему особое уважение. Помню, что как-то, в скорости по прочтении первого нелегального листка, мы с Костей отправились к Ф. на квартиру. Это было темное помещение, кажется, в две комнаты, по цене очень дорогое, но ужасное по своему внутреннему виду, что особенно сильно на меня подействовало. Помню, что я для такого случая оделся довольно прилично: в крахмальную рубашку и т. п., но как квартира, так и обитатели ее как бы говорили против моего костюма, и я почувствовал себя неловко, виновато, проклиная свою крахмальную рубашку. Я решил на следующий раз одеться попроще, да подумывал уже и совсем забросить эту щеголеватость, хотя впоследствии изменил такое решение.

В этой же квартире я впервые в моей жизни встретился с интеллигентом, которого мы называли П. И. ¹⁾. Он оставил во мне навсегда самые наилучшие воспоминания о себе; он был первым человеком из тех, кого я знал, который шел к рабочим исключительно с целью нести им знание и понимание жизни, подвергаясь за это всяким лишениям.

Трудно передать, как глубоко мы с Костей ценили этих людей, особенно, если взять во внимание, что мы, неразвитые люди, не могли не чувствовать удивления тому, что люди из

¹⁾ „Петр Иванович“—К. М. Тахтарев.

другой среды бескорыстно отдают нам знания и пр. И после более близкого знакомства с другими интеллигентами и учительницами мы еще долго не могли отделаться от этого чувства. Как тяжело было терять кого-либо из таких интеллигентов, за которых готов был бы понести что угодно, всевозможные тягости и лишения. Конечно, постепенно, часто встречаясь с интеллигентами, теряешь то особое чувство к интеллигенту, как к особенному человеку, а одинаково чувствуешь потерю, как близкого товарища рабочего, так и товарища интеллигента, но это уже получается спустя продолжительное время знакомства с интеллигенцией, когда острое чувство, получаемое при первой встрече, притупляется, низводясь на обыкновенное искреннее чувство.

Как жадно мы с Костей прислушивались к разговорам во весь этот вечер первой встречи с П. И. у Ф., как страшно хотелось нам сделать что-либо особенное, но что именно—мы не знали и виновато смотрели, жадно вслушиваясь в разговор. Кроме нас было еще человека три и потом хозяин комнаты Ф.; помню еще одного человека, который, как оказалось, сделался впоследствии провокатором—это был К. ¹⁾). Он пользовался особым доверием у нас с Костей, но только в самом начале нашего знакомства.

Я затрудняюсь теперь передать, насколько резко отличались наши взгляды от народовольческих тенденций, но что эти отличия проявлялись, то это я помню довольно хорошо. Как-то раз упомянутый интеллигент принес нам листок народовольческого содержания и, подавая его Ф., спросил, годится ли он для нас, социал-демократов. Видимо, листок был Ф. забракован, потому что мы его так и не читали и когда после спросили о нем, то получили ответ, что мол. де его нет. Не принимая деятельного участия в спорах между нашими и народовольцами, мы не видели и той разницы, которая была во взглядах, но все же склонялись на сторону с.-д., может быть под влиянием и Ф., и интеллигента и нашего хорошего знакомого ²⁾). Народовольческие листки стали появляться у нас реже, тем более, что и сами сторонники народовольческой деятельности нам не особенно нравились, особенно не нравился Козлов, который, как я уже говорил, сделался впоследствии прохвостом. И еще больше не нравилось нам, что один из народовольцев, работавший в одной с нами мастерской, постоянно в разговорах рисовал план убийства царя, но все это были только мечты и планы, а живой дея-

¹⁾ Козлов.

²⁾ Агафонов.

тельности мы от наших народовольцев не замечали, и такого рода разговоры стали нам надоедать. Оно и понятно: если он действительно ярый сторонник убийства царя или кого-либо ему подобных, он должен быть заговорщиком и строгим конспиратором, если только ценит свой план и желает привести его в исполнение. Следовательно, он должен молчать о своей работе, и только если удастся план покушения, его будут чтить как героя, но большого влияния на массы его идеи не окажут, так как их и знать не могут. Большинство чтущих и то не будут его сторонниками. Но такого человека я не знал, а те, которых я знал, были просто любители поговорить о разных покушениях и ничего больше, и даже не старались как-будто пропагандировать свои идеи.

Поэтому для нашей пропаганды было достаточно нетронутых людей. Когда мы подходили к внушившему нам доверие человеку и предлагали книжку нелегальную, или легальную, или вопрос о школе, об учении, мы замечали, что никто с ним так еще не заговаривал и не влиял на него, но свое влиянием мы считали недостаточным для убеждения человека, гораздо более нашего жившего на свете.

Как-то раз на работе я подошел к одному народовольцу, который передал мне фантастический план взрыва Зимнего дворца, с целью убить царя. Не придавая особого значения этому плану, я все же остановился на этой мысли, стараясь убедить себя, что план выполним. Существенным недостатком этого плана было то, что требовалось изобретение, да такое изобретение, до которого еще не додумался ни один человек, и потому план сам собою являлся простой выдумкой, но я сам не мог этого себе раз'яснить. В таком настроении я подошел к Ф. и в коротких словах передал ему мою беседу с народовольцем, рассказав об его плане. Он выслушал и хладнокровно ответил, что если кто хочет убить царя, то нечего об этом так много думать, а стоит только пойти на Невский, нанять хорошую комнату или № в гостинице и застрелить царя, когда он поедет мимо. Люди воробьев убивают, неужели так трудно убить царя? Да такого здорового. Такой ответ меня положительно изумил, а ироническая усмешка на всегда очень серьезном лице Ф. очень пристыдила, и мне было страшно досадно за мою глупую голову, занимающуюся обсуждением фантастических планов, когда все это можно устроить так просто и верно.

Смущенный взглядом Ф. я ушел на свое место и решил больше с ним не говорить о таких вопросах, да и сам сильно охладел к ним, занявшись серьезно чтением книг и газет. Часто я даже засыпал на стуле, уткнувшись головой в книгу, а проснувшись торопливо гасил лампу, чтобы городскому

или сторожу не бросался в глаза ночной свет из моей комнаты.

Дни проходили за днями, и мне часто, почти ежедневно приходилось работать по полночи и ночи и даже воскресенья, поэтому свободных часов для чтения не было, а немногие, изредка выпадавшие свободные минуты пролетали отчаянно быстро. Хотя годы мои были самые наилучшие, но все-таки чувствовалась какая-то особая усталость и изнуренность, что в свою очередь сильно отражалось на моем здоровье. Ф. никогда не работал ночной работы, и мы узнали, что у него ежедневно происходили столкновения с мастером, которые всегда кончались тем, что Ф. получал свой № и уходил домой. Это происходило только благодаря тому, что он был нужный работник и притом постоянно соглашался на получение расчета, когда его пытались этим страдать. Мое и Костино дело было совсем иное; нас могли заменить на другой же день новыми рабочими, и потому приходилось жить почти исключительно в мастерской и даже раза два в неделю ночевать под верстаком, чтобы не тратить время на ходьбу.

Во всяком случае утром или вечером каждого воскресенья мы собирались у Ф., куда приходил и упомянутый выше П. И¹⁾. Он читал нам Лассалья об «идее четвертого сословия», по истории культуры, про борьбу классов и т. п. Мы очень приятно провели таким образом несколько воскресений, все ближе и ближе знакомясь и срастаясь с революционной деятельностью. Тут же у Ф. мы познакомились с П. А. Морозовым, который в наших глазах являлся самым образованным человеком из рабочих, и мы постоянно мечтали сделаться когда-нибудь таковыми же. Мы только не могли одобрить его за то, что он употреблял водочку и иногда бывал серьезно выпивши.

Мы с Костей были того мнения, что ни один сознательный социалист не должен пить водки, и даже курение табаку мы

¹⁾ «В это время я вел занятия среди кружковых рабочих Невской заставы. Рабочий кружок, с которым я занимался, был организован пожилым рабочим Фунтиковым (Афанасьевым), который, впрочем, скоро был арестован, во время весенних арестов 1894 года. В этот рабочий кружок первоначально входили рабочие Иван Васильевич Бабушкин, Никита Меркулов, Илья Костин и еще двое молодых рабочих, имена которых я не помню. В этот кружок иногда заходил П. Морозов, рабочий, близкий Фунтикову, а также и Василий Андреевич Шелгунов, с которыми я был близко знаком, в особенности с последним, который иногда заходил ко мне». (Из статьи К. М. Тахтарева — «Ленин и социал-демократическое движение», «Былое», № 24, 1924 г.).

осуждали. Поэтому мы прониклись к П. А. Морозову своего рода неудовольствием и при удобном случае всегда это ему выражали. В это время мы проповедывали также и нравственность в строгом смысле этого слова. Словом, мы требовали, чтобы социалист был самым примерным человеком во всех отношениях, и сами старались всегда быть примерными. У нас с Костей не было между собою ничего секретного, мы даже хотели вместе поселиться, но, обладая возможностью самостоятельно нанимать комнаты, из конспиративных соображений, решили оставить обе квартиры, чтобы потом можно было устроить два кружка, и, если один, то чтобы занятия происходили по очереди в обеих квартирах.

Мы знали, что уже за Ф. следят, и постепенно готовились к его утрате. А П. А. Морозов решил для наибольшей осторожности снять отдельную квартиру, что в скорости и привел в исполнение, но это только усложнило положение, так как в этой квартире поселилось несколько человек, уже известных жандармам, в том числе и Ф. Кроме того, на эту квартиру часто приходил Штрипон¹⁾, который нам очень не нравился. Мы протестовали против знакомства Морозова со Штрипоном, но он был слишком уверен в нем и при этом отрицал полезность особой конспирации. Мы добились только того, чтобы нас избавили от встреч со Штрипоном.

В этой квартире у Ф. находилась библиотека, кажется, всей Невской заставы, и мы находили большое удовольствие в ней порыться, досадуя, что положительно нет времени для прочтения какой-либо книги. Действительно, чтобы прочесть книгу Бокля, нам нужно было потратить не меньше полутора, двух месяцев. При таком ограниченном свободном времени, поневоле с особой завистью смотрели мы на книги и все же читали совсем мало, развиваясь при посредстве рассказов, разговоров и коротких бесед с бывавшим у нас П. И., но, конечно, мы не оставались тем, чем были раньше. Интересно, как Морозов проносил из дома и домой книги: ему удава-

---

¹⁾ Штрипон (Григорий Штрипман), оставшийся еще от «Земли и Воли», бывавший в ссылке. Ходили слухи, что не без его участия обошлись аресты среди рабочих в 1893 году. Я помню, как всех занимала эта личность, и помню все споры на тему, шпион он или нет? Несмотря на эти подозрения, с ним водили знакомство самые выдающиеся из рабочих, знавшие его еще со времени Казанской демонстрации. Про него говорили, что видели, как он ходил в охранное отделение за жалованьем, тем не менее не решались прервать с ним всякую связь. (Слишком уже сжились с ним, должно быть). (К. М¹ Тахтарев—«Очерк петербургского рабочего движения 90-х годов». Петроград, 1918 г. Изд-во «Жизнь и Знание»).

лось незаметно обкладывать вокруг себя по пятнадцати книг и проходить мимо шпионов совершенно безопасно ¹⁾.

В этой же квартире мы познакомились со многими фабричными рабочими. Таким образом, круг нашего знакомства все увеличивался, увеличивались наши впечатления, и все больше чувствовался недостаток времени. Но тут же мы убеждались, что фабричные работают не меньше нашего, хотя получают гораздо меньше нас (на фабриках работали от 5-ти утра до 8 час. вечера, мы же работали со сверхурочной работой от 7 час. утра до 10½ час. веч. или от 7-ми час. утра до 2½ час. ночи и опять от 7 час. утра до 10½ час. вечера), следовательно, наше положение было довольно завидным, и тем сильнее мы чувствовали желание работать в пользу идеи равенства.

Так, приблизительно, прошла эта зима. Ничего особенного, конечно, мы с Костей не сделали, и ничего нигде как будто бы не происходило, всюду было довольно тихо, рабочие не шумели, было затишье, а если где что и происходило, то мы мало знали об этом, потому что тогда считалось неудобным говорить обо всем, а листков тогда еще не распространяли ни по заводам, ни по фабрикам. Настало лето, которого мы ожидали с какими-то надеждами, но оно оказалось не таковым, каким мы ожидали.

Однажды в начале лета, или даже в конце весны, придя как-то утром на работу, мы были поражены отсутствием Ф., пошли к другому товарищу, жившему с ним раньше на одной квартире, но от него ничего не узнали, кроме предположения, что Ф., вероятно, проспал и потому придет после обеда. Тяжелое предчувствие охватило нас с Костей, и мы часто спускались в первый этаж мастерской на то место, где работал Ф., но все было напрасно, каждый раз мы возвращались неудовлетворенными и все сильнее и сильнее начали сознавать, насколько дорог и важен был этот человек для нас, какая громаднейшая утрата будет для нас, если наше предположение оправдается. Настал обед, и мы спозаранку поторопились явиться на работу, ожидая вести, ибо сами из опасения не пошли на квартиру к Ф. Но вот идет товарищ с поникшей головой. Он сообщил нам в подробностях об обыске и аресте Ф., конечно, ничего преступного найдено не было, потому что все было хорошо припрятано, тем не менее Ф. аресто-

¹⁾ Этот способ позднее стал хорошо известен жандармам, и в Екатеринославе были часты случаи, когда городовые и шпионы толкали заподозренных рукой в бок или в грудь, узнавая таким образом, что идущий обложен литературой, и тотчас же его арестовывали. Было несколько случаев, когда арестовывали таким образом с листками и вообще с нелегальной литературой. *Прим. автора.*

вали и увезли ¹⁾). Где он и что с ним?—с этими вопросами мы разошлись по своим местам, всякий с горем в душе, всякий думал о случившемся по своему.

Мастерская работала полным ходом, все спешили окончить свою работу. Для чего? чтобы взять скорее другую вещь и опять торопиться? спешить и спешить? для чего? ...опять для того же: хозяевам нужна прибыль! и потому работай, торопись и не оглядывайся, пока они тебе не выкинут твой жалкий заработок. И тут же перед моим воображением проносится картина прихода жандармов, обысков.

А нашего Ф.—нет, нет нашего патриарха, отца, с его вдумчивыми глазами, строго серьезным лицом, с его железной энергией и бесстрашным мужеством. Ох, тяжело терять таких людей, особенно человеку, не привыкшему к такого рода потерям. Впоследствии я на аресты смотрел довольно спокойно, а тогда это было не то, и очень тяжело было мириться с фактом.

Мы с Костей стали думать теперь сами о вопросах, которые за нас раньше решали другие. Арест Ф. еще больше влил энергии в наши молодые натуры. Наш хороший знакомый ²⁾ между тем старался лить на нас больше холодной воды, но это не помогало, мы начали между собою называть его трусом и недостойным человеком, хотя все же продолжали постоянно обращаться к нему за разъяснениями в разного рода вопросах, он удовлетворял нас и только твердил, чтобы мы пока посидели тихо, а то попадете, мол, в тюрьму и рано загубите себя. Это на нас не действовало, и мы продолжали гнуть свою линию как умели. Костя в это время поступил в другую мастерскую, где его поставили распорядителем над мальчишками, и у него сейчас же появилась масса пропагандистской работы; потребовались всевозможные маленькие книжонки, которые мы искали по магазинам и даже во многих местах спрашивали два нелегальных названия книжек, не зная, что они нелегальные. В конце концов мы начали понемногу уметь и составили каталог книг, которые можно спрашивать свободно.

Чувствуя одиночество, мы не падали духом, Косте удалось пристроить у себя в мастерской П. А. Морозова. Мы этому были особенно рады, как потому, что его уже на фабрике не принимали, так и потому, что он может лучше себя чувствовать, если обеспечит свое экономическое положение,

---

¹⁾ С. И. Фунтиков был арестован во время крупного провала «Группы народолюбцев», среди которых попало и несколько рабочих соц.-демократов—21 апр. 1894 года.

²⁾ Агафонов.

а больше всего мы радовались тому, что, находясь около нас, он сможет нами руководить, развивать нас и давать нам новые знания, и тогда-то мы уже легче сможем двигать вперед свое дело. Дело у нас уже было: мы должны были начинать развивать молодежь, такую же, как и мы и много моложе нас, и выводить наружу некоторые злоупотребления, производившиеся заводской администрацией. И вот при всякой встрече с Костей,—а мы встречались в обед у Кости в комнате (которая была недавно снята у человека, находившегося под нашим влиянием, но очень обремененного семейством),—я расспрашивал Костю, о чем шла у него беседа с Морозовым в этот день, надеясь узнать что-либо интересное, но Костя говорил, что Морозов пока слишком заинтересован одной только работой, так как новое для него ремесло привлекало его. Мы надеялись, что все же удастся его расположить, и тогда он будет более общительным с нами. Но произошло совсем другое: Морозова однажды пригласили в жандармское управление и, арестовавши, отправили в Дом Предварительного Заключение. Этот новый факт положительно осиротил нас, и мы остались совсем безо всякого руководителя, так как у нашего хорошего знакомого все сильнее и сильнее развивались всевозможные страхи. Желая избавиться от находящихся у него книг, он при каждом нашем посещении наделял нас таковыми, пока мы перетащили их все до одной на свои квартиры.

В это время Костя едет в деревню и заезжает в один город ¹⁾, разыскивает там через Штрипона одну высланную девушку ²⁾. Выполнив кое-какие поручения, он попутно знакомится с работой в этом городе и затем уезжает в деревню, а потом обратно в Петербург. По приезде он передает мне свои впечатления и те сведения, которые ему были сообщены про некоторых лиц, не внушающих доверия.

Так как Костя взялся выполнить некоторые поручения, то мы сейчас же принялись выполнять их. Письмо, в котором мы должны были сообщить об исполненных поручениях, мы составили безо всякой осторожности, без шифра и присовокупили еще полный и точный адрес Кости. Между тем, на этой квартире постоянно находилась литература и так хранилась, что мы, еще совершенно не искусившиеся ни в какой конспирации, и то находили положительно невозможным такое хранение. Это письмо впоследствии погубило моего

¹⁾ По словам В. А. Шелгунова—в Нарву.

²⁾ По словам В. А. Шелгунова—это была Наташа Григорьева—работница, активно участвовавшая в рабочем движении вместе с Верой Карелиной и др.

товарища, и он уже больше не возвращался к революционной деятельности.

Итак, мы приступили в это лето к пропагандистской деятельности на правах совершеннолетних, хотя чувствовали себя не вполне подготовленными для самостоятельной работы, но делать нечего, приходилось мириться с обстоятельствами. Не было Ф., не было интеллигента П. И., не было Морозова, и поневоле частенько чувствовали мы кругом осиротелость. Но вот направляется к нам за Невскую заставу человек, уже давно знакомый со всякого рода революционной деятельностью, одаренный опытом и безусловно преданный делу. Мы тотчас же почувствовали новый прилив энергии, и наше положение быстро начало поправляться. Не проходило ни одно воскресенье, чтобы мы кого-либо не приглашали к себе или сами не сходили к другим. Сношения с фабрикой Паля, Максвеля, Торнтон и Николаевскими железнодорожными мастерскими уже были налажены, и происходили частые собрания, которые хотя и носили чисто личный характер знакомства, однако, цель и стремления были у всех одни, и потому чувствовался под'ем движения (если можно так выразиться).

Увлечись революционной деятельностью и все увеличивающимися знакомствами, мы положительно поглотились работой и не заметили, как наступил момент открытия воскресных школ. Ждали с нетерпением дня открытия, и, наконец, он наступил. Конечно, мы все до одного записались в школу, которая являлась в одно и то же время и сильным культурным учреждением, и тем решетом, которое отделяло чистое зерно от примесей, и тем механизмом, который сталкивал одного субъекта с другим; здесь происходило хотя не очень большое, но довольно прочное сплетение сети знакомств. К этому же времени у нас подготавливался к систематическим занятиям кружок, может были и другие кружки, но я их не знал и не допытывался об них. Как только настала питерская осень, со всех сторон понаехала интеллигенция, и закипела бурная умственная жизнь. Мы с Костей просто не приходили в себя от нахлынувшей со всех сторон бурной жизни. Новый знакомый, назовем его Н. ¹⁾, рабочий, поселившийся за Невскою заставой, связанный с интеллигенцией, которая имела, видимо, широкий круг своих работников и потому желала

¹⁾ В. А. Шелгунов.

* В. А. Шелгунов был положительно самый выдающийся из всех рабочих, каких я когда-либо знал. Он решил употребить все свои силы на то, чтобы поддержать, развить и направить как следует рабочее дело. Он отдавался всецело служению общему делу рабочего движения, не упуская из виду ни малейшей мелочи фабричной жизни. Об'единение рабочих предста-

и за Невской вести кружковые систематические занятия, организовал кружок. Местом для занятий послужила моя комната, как наиболее удобная, где не было посторонних лиц. Кружок составил из 6 чел. и 7-го лектора, и начались занятия по политической экономии, по Марксу. Лектор излагал нам эту науку словесно, без всякой тетради, часто стараясь вызывать у нас или возражения, или желание завязать спор, и тогда подзадоривал, заставляя одного доказывать другому справедливость своей точки зрения на данный вопрос. Таким образом, наши лекции носили характер очень живой, интересный, с претензией к навыку стать ораторами; этот способ занятий служил лучшим средством уяснения данного вопроса слушателями. Мы все бывали очень довольны этими лекциями и постоянно восхищались умом нашего лектора, продолжая острить между собой, что от слишком большого ума у него волосы вон лезут ¹⁾. Но эти лекции в то же время приучили нас к самостоятельной работе, к добыванию материалов. Мы получали от лектора листки с разработанными вопросами, которые требовали от нас внимательного знакомства и наблюдения заводской фабричной жизни. И вот во время работы на заводе часто приходилось отправляться в другую мастерскую под разными предлогами, но на деле—за собиранием необходимых сведений посредством наблюдений, а иногда при удобном случае и разговоров. Мой ящик для инструмента был всегда набит разного рода записками, и я старался во время обеда незаметно переписывать количество дней и заработков в нашей мастерской. Разумеется, главным препятствием ко всякого рода собира-

---

вителей отдельных рабочих районов Петербурга, начавшееся к осени 95 года (как уже было упомянуто), было обязано ему и его товарищам. В то же время вы могли увидеть его и в университете на защите какой-либо интересной диссертации, и в аудитории высших женских курсов на публичных лекциях». К. М. Тахтарев—«Очерк петерб. рабочего движения 90-х годов», Петроград, 1918 г. изд-во «Жизнь и Знание»).

¹⁾ По словам В. А. Шелгунова, этим лектором был Вл. Ильич Ленин. К. М. Тахтарев подтверждает это в своих воспоминаниях, помещенных в № 24 Былого за 1924 г. (Ленин и соц.-демократ. движение): «Через В. А. Шелгунова и Степана Ивановича Радченко, с которым был знаком Шелгунов, группа Владимира Ильича завязала связи с рабочими Невской заставы. И сам Владимир Ильич принял участие в кружковых занятиях с рабочими этого района, пользуясь особым успехом, благодаря своим знаниям и своему умению вести дело. Об этом мне рассказывал И. В. Бабушкин, не называя ни имени, ни фамилии Вл. Ильича».

Среди кружковых рабочих Невской заставы он был известен под названием «лысого», к которому они чувствовали большое почтение за его мастерское выяснение различных вопросов, связанных с положением рабочего класса и с отношениями труда и капитала. В это время я еще не знал что этот «лысый» интеллигент был не кто иной, как Владимир Ильич».

нию сведений служило отсутствие сколько-нибудь свободного времени, но все же дело подвигалось, хотя не так полно и энергично, как следовало бы.

Занятия в школе пошли своим чередом. Живое и смелое слово учительниц вызывало у нас особую страсть к школе, и нашим суждениям не было конца. Приемы, употребляемые учительницами, мы отлично понимали и просто диву давались их умению вызвать откровенность в каждом ученике: и горожанине, и фабричном, и деревенском. Каждое посещение все тесней и тесней сближало нас со школой и учительницами, мы чувствовали необыкновенную симпатию к ним, и между нами зародилась какая-то родственная, чисто идейная близость. Придя в школу и садясь за парту, с каким-то особенным чувством ожидали учительницу, прибытие которой вызывало трудно передаваемую радость. И это одинаково происходило в каждой группе. Все ученики, посещающие школу, не могли надивиться и нахвалиться всем виденным и слышанным в школе, и потому-то эта школа так высоко и смело несла свои знания. Мало того. Часто один ученик тащил своего товарища хоть раз посмотреть и послушать занятия в школе и учительницу, и я сам ходил в другие группы с этой целью.

Учительницы пожелали влиять на нас еще и помимо школы. Для этого они наметили нескольких из нас и пригласили в воскресенье к себе на квартиру¹⁾. Мы с радостью приняли это приглашение, и в воскресенье около часу или двух, не помню, человек пять или шесть очутились в городе. В квартире учительниц мы очутились тоже за партами, и перед каждым из нас лежала тетрадь с вписанной туда ролью из комедии «Недоросль». Нам говорили, что было бы, мол, недурно изучить роль и потом сыграть эту комедию в присутствии публики. Не знаю, как раньше, было это желание у других учеников или нет. Но я и Костя на другой же раз пришли с убеждением, что изучение ролей этой комедии является тоже своего рода комедией, ибо вскоре вместо изучения ролей все переходили в столовую, где на столе стоял самовар, обставленный закусками, и за чаем уже шла беседа совершенно не о «Недоросле», а о жестокостях русского правительства. Появлялись фотографические снимки из голодных местностей, умирающих переселенцев, общих панихид и т. п. Нас старались как будто бы «сагитировать», а мы с Костей давно уже были совершенно преданными этому делу людьми и потому решили предложить, чтобы нас учили не

¹⁾ Л. М. Книпович и П. Ф. Куделли. Прим. В. А. Шелгунова.

комедии «Недоросль», а всему, что знают сами, и чтобы закуски и чай не устраивались, так как они обременяли учительниц—людей и так очень небогатых. Однако, наши посещения прекратились вскоре сами собой, об этом позаботились жандармы, но память об этих беседах во мне живет и будет жить. Нужно сказать, что, кроме школы, занятий на квартире у учительниц, систематических занятий кружка у меня на квартире, мы еще занимались с вышеуказанным интеллигентом П. И. ¹⁾, который продолжал посещать нас довольно правильно раз в неделю, когда мы собирались в другой квартире человек по восемь и девять. Он прочел нам ряд лекций из разных областей. Мы внимательно прочли часть произведений Лассаля, потом там же читали Кеннана ²⁾. Эта книга произвела на меня сильное впечатление. Измучившись от работы и занятий, мы часто тут же в комнате и засыпали, предварительно спрятав книгу, хотя и это не всегда делали. Ложась часов в двенадцать спать, в 4 или $\frac{1}{2}$ пятого фабричным приходилось уже вставать, так как в это время фабрика уже протягивала свои щупальцы и начинала сосать бесчисленное количество людей.

Это время у нас было самое интенсивное в смысле умственного развития, каждая минута нам была очень дорога, каждый свободный от работы час был заранее определен и назначен, и вся неделя так же строго распределялась. Когда трипоминаешь теперь это время, просто удивительно становится, откуда только бралась энергия для столь интенсивной жизни. Но зато понятным становится и то, почему так мало можно встречать столь развитых товарищей-рабочих в других городах и местечках, где встречаешь мало интеллигенции и так сильно чувствуешь недостаток ее. И вполне понятно, что петербургские рабочие легче выделяют из своей среды и смелых и сознательных рабочих, хотя провинция всегда может выставить не менее энергичных смелых борцов, при первой возможности познакомившихся с умственной

---

¹⁾ ...«Осенью того же (1894) года Тахтарев в Петербурге снова возобновил свои посещения рабочих за Невской заставой, где вел знакомство с рабочим Иваном Васильевым Бабушкиным, которому 14 сентября студент Никитин, по поручению Тахтарева, привез сверток с книгами. Посещая рабочих, Тахтарев называл себя «Петром Ивановичем». Кроме этих указаний дознанием, как было уже изложено, установлено, что Тахтарев и Никитин посещали кружок Меркулова совместно с Ляховским и кружок Шелгунова совместно с Ульяновым и что в этих кружках принимал участие и рабочий Иван Бабушкин, который, как видно из показаний Волюнкина, заведывал до своего ареста какой-то рабочей кассой». (Доклад по делу о возникш. в С.-Петерб. в 1894 и 1895 г.г. преступных кружках лиц, именующих себя «соц.-демокр. Сборник материалов и статей, изд. Главархива, вып. I, 1921 г.).

²⁾ Автор книги «Сибирь», переизданной в 1906 году в Петербурге.

жизнью. Мы, питерцы того времени, были окружены со всех сторон интеллигенцией, и все же часто раздавались голоса за то, чтобы рабочие сами брались за развитие товарищей в кружках, но это приходится начинать выполнять пока по провинциям, где интеллигенции очень мало, а местами и совсем нет. На этой почве, как увидим ниже, вырабатываются своеобразные приемы и отношения у рабочих и интеллигентов друг к другу. Мы в это время были просто подавлены со всех сторон окружающими нас знаниями и желанием переливать в нас эти знания, что далеко не всегда хорошо удавалось; причиной служило отсутствие свободного времени для занятий, да и на занятиях-то многие доказывали, что их организм доведен до такого сильного истощения, что не может воспринять того, о чем ему говорят.

Так шла и подготавливалась работа в Петербурге, за Невской заставой, в конце осени 1894 года, когда происходила медленная созидательная работа в кружках. Но было очевидно, что среди интеллигенции шла подготовительная работа к оказанию большего влияния на самую массу. Говорилось изредка об этом и у нас в кружке, но это новое дело для нас было незнакомо и не было еще человека, могущего быть руководителем в этой работе. Поэтому понятно, что не особенно торопились с этого рода деятельностью ¹⁾.

Возвращаясь из города как-то вечером с закупленными книгами, я и Костя столкнулись на империале конки с П. А. Морозовым, только что выпущенным из «предварилки», и с узлами книг и белья, направлявшегося к квартире своей сестры. Мы, разумеется, несказанно были обрадованы столь неожиданной и приятной встрече и сейчас же заташили П. А. на квартиру к Косте, где и засыпали его всевозможными вопросами из области жандармских приемов при допросах, о его обвинении, о жизни в тюрьме и многими другими, все в этом же роде. И тут же мы узнали, что его отправляют на родину. Это самым скверным образом подействовало на нас, так как мы при встрече с ним обрадовались, что у нас появляется еще один умелый руководитель и, значит, дела все

---

¹⁾ Здесь речь идет о переходе от узкой кружковой работы к агитации в массах.

«Зимой 1894 года работа по организации рабочих кружков и культивирования отдельных личностей продолжалась. Но в ней было заметно уже некоторое разочарование. Чего-то не достает! Но чего? Это стало мало-помалу выясняться, и, как мне кажется, два события помогли выяснению. Это были: «беспорядки» на «Невском механическом заводе московского товарищества» (бывш. Семянникова) за Невской заставой и стачка в порту» (К. М. Тахтарев «Очерк петербургского рабочего движения 90-х годов». Петроград, 1918. (Изд-во «Жизнь и Знание»).

становятся лучше и лучше. В коротких словах передали мы П. А., как идут наши дела, и, конечно, порадовали его своими успехами. Быстро пролетели вечерние часы, и мы пошли провожать его к сестре. Из предосторожности мы не шли там, где село Смоленское густо населено. Дружески расставшись, мы направились к домам, обсуждая впечатление этого вечера, и еще больше проникались желанием пострадать за дело.

Очень характерно, что многие из молодежи, почти все искренно преданные делу люди, постоянно твердили одно и то же: если одного арестовали, то почему же я должен остерегаться или быть, мол, не особенно активным товарищем, что же, мол, разве я лучше, или хуже его, почему его арестовали, а не меня, или я разве не сумею держать себя при допросе? Нет уж, мол, я желаю доказать, что я такой же товарищ и так же предан делу и потому, какой смысл избегать ареста? Такое убеждение и такие выражения, энергичные и настойчивые, повторяются сейчас же после ареста кого-либо из товарищей. Я как-то писал по этому поводу даже заметку к товарищам, указывая им на вред такого отношения к делу, на то, что это неправильный взгляд, указывая, что важно как можно дольше продержаться и дольше быть незамеченным, стараясь продать себя дороже и оставить более глубокий след (т.-е. чтобы больше осталось на воле товарищей) после своего ареста. Однако, это не всегда принимается во внимание, и я уверен, что это же обстоятельство отчасти послужило причиной и моего ареста. Словом, желательно, чтобы каждый с первого шага был осторожен и внимателен к себе и к своим поступкам.

Вскоре после отъезда Морозова, в начале зимы, рано утром, я был разбужен стуком в дверь квартиры. Я уже привыкал чутко спать и сейчас же проснулся от этого стука. Конечно, я не сомневался, что это пришли жандармы, и потому, сообразивши, что ничего спрятанного нет, спокойно пошел открыть дверь, чтобы впустить врагов, которые потом бросят меня в тюрьму. Нервы сильно играли против всякого моего желания, но я, стараясь придать себе спокойный вид, внутренне торжествуя, что жандармы у меня ничего не найдут, вышел на кухню, где старуха домовладелица стонала и охала, собираясь выйти и отпереть дверь. Сказав ей, чтобы она не беспокоилась, я вышел в коридор и услышал странно-знакомый голос. Оказалось, что мои предположения о жандармах были преждевременными, но зато я убедился, что они все-таки придут. Передо мною стояла, волнуясь и плача, симпатичная женщина—квартирная хозяйка Кости, женщина неграмотная, но чутьем понимавшая справедливость наших взглядов, и рассказывала об аресте Кости. Она,

конечно, видела всю процедуру обыска и ареста и после того, как его увезли в карете, она почувствовала потерю как будто родного и близкого человека и, оставив плачущими детишек, прибежала предупредить меня. Я же, вместо успокоения, сказал ей, что сейчас, следовательно, приедут и ко мне и потому и просил ее уйти, дабы ее не застали у меня. Продолжая плакать, она побежала домой к своим детям. Я же энергично принялся чистить комнату от всяких записок и всего, что могло пригодиться жандармам, но прошло час-два, мне нужно было уходить уже на работу, а жандармов все нет. Я отправился на завод, чувствуя потерю столь дорогого мне товарища, товарища, с которым мы жили одной жизнью и одним делом, но ему первому выпало на долю испытать произвол русских жандармов. Что-то будет с Костей? В чем-то будут его обвинять жандармы? И нашли ли у него что-либо из нелегалщины? Около этих вопросов вертелась моя мысль, и не уходило из моей головы убеждение в таком же скором обыске и аресте меня. Странно казалось мне: жить так близко с ним, обедать у него на квартире и чтобы не проследили за мною так же, как и за Костей—это было невозможно. Между тем впоследствии оказалось, что его арестовали благодаря письму, о котором я говорил уже раньше и в котором значился полный адрес Кости. Хорошо, конечно, что ничего при нем на квартире не было найдено. Хотя его арест не был предвиден, но тем не менее мы уже были настолько подготовлены к возможности ареста, что может быть поэтому на меня не особенно подействовал его арест. Скверно только, что без него совершенно споткнулось наше дело у него в мастерской, где было много малолетних работников, с которыми он особенно привык возиться. Ходить же мне в ту мастерскую положительно невозможно было, пришлось удовольствоваться теми людьми, с которыми я старался встречаться вне завода и делал что мог. Занятия в кружках, собиравшихся в моей комнате, продолжали происходить столь же правильно и регулярно, как и раньше, только чувствовалась утрата одного человека.

Вскоре после ареста Кости, Н. ¹⁾ скаазл, что мне придется пойти на одно общее собрание ²⁾ петербургских рабочих где нужно решить кое-какие вопросы. Помню, что из-за Невской заставы на это собрание явилось трое, в том числе и я. Собрание происходило в квартире одного рабочего на самой окраине города. Народа собралось, кажется, не меньше пят-

¹⁾ В. А. Шелгунов.

²⁾ «Об'единенной кассы петербургских рабочих».

надцати человек, если не больше. Были, кажется, и интеллигенты или один интеллигент. Когда все собрались, а до этого происходили разговоры тихо, на подобие маленького интимного кружка, то без всякой особой церемонии или формальности приступили к обсуждению разных вопросов и дебатам. В обсуждении вопросов я и еще другой товарищ не принимали ровно никакого участия, потому что я, да и товарищ, чувствовали себя совершенно неспособными выступать с речью перед таким собранием, которое состояло все из рабочих вожаков или рабочих, очень развитых и привыкших держать себя при таких обстоятельствах очень солидно и смело доказывать свою мысль или предложение. Да большинство, конечно, заранее знало, о чем будет идти речь, и уже ранее бывало на подобного рода собраниях, где и набрались смелости. Я внимательно вслушивался в дебаты и, конечно, понимал суть дела. Хорошо помню предложение об общей петербургской кассе рабочих, которая должна была явиться главным органом всех касс и составлялась бы из %, вносимых всеми «порайонными» кассами, цель этой кассы заботиться о передаче денег арестованным и при нужде пополнять истощение какой-либо местной «районной» кассы. При этом много вызвало дебатов обсуждение вопроса о том, что у интеллигенции есть теперь денежные средства, а кассы рабочих пусты, тогда как есть много самых неотложных нужд, которые удовлетворить нечем. Многие рабочие, настаивая на желании получить часть денег от интеллигенции, довольно сильно горячились, что вызывало у меня удивление. Я удивлялся их горячности, точно дело касалось лично им принадлежащего кошелька, и все же следил и молчал, боясь уронить какое-либо неловкое слово. Вопрос, наконец, был решен в том смысле, что нужно взять рублей сто из кассы интеллигенции в кассу рабочих. После этого было решено тайным голосованием избрать кассира и не помню еще каких-то важных двух ответственных лиц (за точность не ручаюсь). Эту процедуру при конспирации фамилий присутствующих решено было проделать следующим образом: все заняли строго определенное место, и всякий был назван известным №; мне пришлось числиться, кажется, 13-м, каждый получил по кусочку чистой бумаги равного формата, вписывал на эту бумажку № человека, которого он желал выбрать, свертывал ее, потом клал, кажется, в шапку, где перемешанные бумажки просчитывались, и чей № был написан больше раз, тот и считался выбранным. Когда был избран кассир, я встал со стула, сильно покраснев при этом и, вообще, чувствуя себя очень неловко, подошел к столу и положил на него 10 рублей со словами:

— Товарищи, настоящие деньги мною получены через одно лицо от Красного Креста в пользу петербургских рабочих.

Все внимательно выслушали, и что-то было сказано по этому поводу, но я не помню что, да и вообще плохо слышал говоривших, пока не пришел в равновесие от своего волнения. Вновь избранный кассир подошел к столу и взял деньги, приступая, таким образом, к исполнению своих обязанностей. После этого были подняты еще какие-то вопросы и шли дебаты, но о чем—не помню. Участвующие постепенно начали уходить по одному и по двое. День клонился к вечеру, и мы, с одним товарищем из-за Невской заставы, вышли и направились в свои края, ибо путь был немаленький. Это было первое собрание, на котором я являлся представителем, но, конечно, еще не выборным, ибо приходилось конспирироваться от очень многих, и, хотя я ожидал гораздо большего и более внушительного собрания, тем не менее, оно произвело на меня известное впечатление.

На заводе я продолжал работать, но мне посчастливилось перейти на лучшую работу и в другую партию, где я категорически отказался от сверхурочной работы, и мне это сходило с рук до поры до времени благополучно. К этому времени меня уже все в партии хорошо знали, знали мои взгляды и подозревали, что у меня можно даже получить нелегальщину. Бывали случаи, когда мастеровые из другой партии подходили к моим тискам и, обращаясь попросту, просили что-либо им рассказать. Все же, чувствуя себя очень молодым, я смущался и говорил, что ничего не знаю, да нечего рассказывать, но это были не искренние слова, так как сейчас же после этого я начинал вести какой-либо разговор, стараясь, как говорится, подходит издалека, и что же?—они охотно слушали, соглашались и хвалили меня, но мне этого было мало, я желал, чтобы они совершенно отдались делу, посвятив раз навсегда себя для этого, чтобы прекратили работать вечера и ночи, читали бы книги и учились, учились бы энергично, настойчиво, как делал это я; но не всякий обыкновенный, часто заразившийся алкоголизмом, человек в состоянии бросить все и ни о чем, кроме социализма, не думать.

В этом была отчасти моя ошибка, что я совершенно не считал способными таких людей быть участниками партии. В один прекрасный день не повернешь всего мировоззрения широкой массы настолько радикально, чтобы она стала идейной, как отдельные личности из ее среды. А все же эта масса моментами становится положительно революционной, по такой момент очень трудно определить заранее, даже за

час. Мне живо и ярко рисуется один вечер, когда пришлось жить страстями массы заводских рабочих, когда трудно было удержаться, чтобы не броситься в водоворот разыгравшейся стихии, трудно было удержать схваченный и сжатый в руке кусок каменного угля, чтобы не бросить его и не разбить хоть одного стекла в раме квартиры какого-либо прохвоста мастера. Невозможно остаться равнодушным зрителем в такой момент, и много нужно иметь мужества, чтобы останавливать своих же товарищей от проявления ненависти к своему угнетателю...

Дело было накануне Рождества 1894 года. Окончив работу за два дня перед праздниками и имея расчетные книжки на руках, рабочие разошлись по домам, как и всегда после окончания работы; ни у кого не было особой злобы, хотя неудовольствие чувствовалось у каждого рабочего. Оно и понятно: заводская администрация довольно часто стала затягивать выдачу денег, особенно последние две—три получки.

Прогудит в субботу гудок в 3½ часа дня, остановятся машины, и вдруг на всем заводе настает тишина, это значит, что завод прекратил работу до понедельника, известно, что после получки редко кто согласится работать. Ежедневно, как только заводской гудок прогудит об окончании работ, мастеровые со всех сторон надвигаются быстро к воротам, некоторые из них бегут бегом, некоторые выскакивают из-за углов; сторожа, кряхтя и охая, машинально проводят своими привычными ладонями по корпусу рабочего, но рабочие все сильней и сильней напирают и сторожа начинают торопиться. В субботу же народ выходит как-то медленно, не торопясь и очень маленькими разрозненными кучками. Это значит, что большинство пока осталось в мастерских, ожидая выдачи получки. Но, убедившись, что артельщики еще не приехали из города с деньгами, многие, живущие поблизости, отправляются домой пообедать и, торопясь, опять возвращаются в завод, дабы при выдаче не пропустить своей очереди. Другое дело, если кто живет далеко от завода, тому не придется совсем уходить домой, пока окончательно не покончит с заводом и товарищами всяких дел и не освободится от разных обязательств. Но ждут час, другой, а получки все нет и нет. Время затягивается до позднего вечера, и рабочие, наконец, начинают роптать на администрацию, последняя же совершенно удаляется сейчас же по окончании работ и потому даже спросить не у кого о часе выдачи денег, и роптание становится общим. Но вот часу в восьмом, наконец, появляются артельщики с деньгами; слышится глухой ропот со всех сторон, и местами прорываются ругательства и обещание запустить куском железа в артельщика, видимо являю-

щегося простым козлом отпущения. Артельщик, молча шмыгая, быстро проходит в контору мастерской, и минут через 5—10 начинается выдача денег, иногда заканчивающаяся около половины одиннадцатого. Конечно, окончить работу в 3½ часа дня потом просидеть до десяти часов в заводе, ничего не делая, и уже после этого уходить домой в полной уверенности, что никуда сходить не удастся и даже побывать в бане некогда—все это, естественно, озлобляло мастеровых. Между тем администрация завода продолжала гнуть свою линию злоупотреблений, не обращая внимания на ропот рабочих.

В таком именно виде обстояло дело накануне рождества 1894 г. На другой день после окончания работ, мастеровые собрались около пополудни в завод за получением денег. Ждут час, другой, третий, а денег все нет и нет. Многие жалуются, что нет денег и потому не на что закупить провизию, а завтра, мол, не успеть в один день управиться; другие жалуются, что хотели поехать в деревню, а теперь, пожалуй, не поспеешь и т. п. Наступил вечер, а денег все нет и даже не удастся подробно узнать о положении дел. Некоторые говорят, что хозяева прогорели и поэтому, мол, денег рабочим совсем не дадут. Многие этому начинают верить, и пущенный слух находит почву. Много еще слухов возникает и, конечно, все не в пользу рабочих. Получается что-то очень тревожное. Мастера тоже нервничают, мастеровые ходят поминутно то в мастерскую, то из нее. Около завода на улице образуются кучки из мастеровых и ведут оживленные разговоры о хозяевах и получке, пересыпая разговор всевозможными ругательствами. Могла бы произойти порядочная неприятность, но заводская администрация в 7 часов или около этого часу объявила, что выдача заработка будет производиться завтра в 10 час. дня. Это значит в рождественский сочельник. Хотя все были страшно недовольны, все же определенное заявление подействовало успокоительно, и народ кучами повалил вон из завода, образуя около проходных плотную массу. Скоро и эта масса постепенно растаяла, и завод опять уснул очень мирно до следующего дня.

Почти та же история повторилась и в рождественский сочельник. День клонился к вечеру и на улице сырело, всюду зажигались фонари, и в мастерских горели по верстакам, станкам и на других местах свечи. Всюду слышны были тревожные разговоры. Публика была взволнована и не могла ни стоять, ни сидеть на одном месте и потому переливалась из мастерских на двор, на улицу, а оттуда опять в мастерские. Я тоже ходил от одной кучки к другой, прислушиваясь

к разговорам, и местами сам вступал в разговоры. Вышел на двор, а потом на улицу, всюду было много народу, и, видимо, было немало и посторонних, т.е. не заводских. Они тоже входили в завод, в мастерские и обратно. Потолкавшись немного по улице, я вернулся обратно в мастерскую, как вдруг слышу, что на улице у ворот бунт. Я не верю и говорю, что только что пришел с улицы и что там ничего подобного нет, но и мне не верят. Многие сейчас повскакивали с мест и направились к выходу, я, конечно, тоже решил убедиться в справедливости утверждений и вместе с другими направился к выходу. Около лестницы нам навстречу попался очень взволнованный мастер и дрожащим голосом произнес: «Ребяташки, не ходите на улицу. Сейчас привезут деньги и будут раздавать, пожалуйста не волнуйтесь, я вас прошу успокоиться». Эти слова уничтожили все сомнения, и мастера торопливо побежали вниз по лестнице, спеша к воротам. Сзади нас слышались голоса некоторых рабочих, зовущие уходящих обратно, дабы не попасть в какую-либо кашу. Совершенно напрасно. На этот зов никто не обращал внимания, и мы скоро очутились у ворот. Масса народу оставалась зрительницей происходившего. Пройти через эту толпу не было никакой возможности. Наша проходная подвергалась разрушению. Там били стекла и ломали рамы. С улицы на наши ворота летели камни и палки, брошенные с целью сбить фонари и орла. Фонари скоро потухли, стекла побились, и, кажется, существенно пострадал также и двухглавый орел. После этого было прекращено бросание камней и палок в ворота, и тогда мы смогли выйти со двора завода на улицу. Проходная здорово пострадала и являлась трофеем взволнованной кучки смельчаков. Пробовали ее даже поджечь, но не удалось, и потому она стояла, как страшлище, в которое никто взойти не смел из страха, чтобы его не заподозрили, как сторожа, и не избили, поэтому же, очевидно, она и не была подожжена. Все внимание разбушевавшихся было обращено теперь на противоположную сторону завода, где на воротах никак не удавалось разбить фонари, а разбивать проходную не желали из страха повредить себе, так как в этой проходной хранились паспорта.

Рядом с воротами находилось длинное одноэтажное здание, в котором жил управляющий завода, человек, вызывавший у всех рабочих ненависть. Его-то и хотели наказать рабочие; но как это сделать? Пробовали раскрыть дверь, но не сумели и решили поджечь парадный вход.

— Керосину сюда, скорей! — кричали суетившиеся у парадного люди, но керосину взять было негде. Доставали

из разбитых фонарей лампы, тащили к крыльцу и поливали собранную кучку разных деревянных щепочек.

Нужно сказать, что все это время толпа положительно запруживала улицу, и не было возможности проехать даже извозчику, но паровик с тремя, четырьмя вагонами продолжал ходить все время. Опасаясь нападения рабочих, отчего могли пострадать прислуга и публика, машинист пускал полным ходом поезд, сам садился ниже окон, не наблюдая за путем, пока не минует завода. Рабочие страшно возмущались этим и потому кидали в поезд все, что попадалось в руки. Я видел, как один специально разбивал стекла в вагонах. Он направлял длинную палку, которая барабанила по окнам летевшего поезда, и редкое стекло оставалось цело. Публика от страха падала на пол вагонов и тем избегала возможных ударов от палок и камней. Удивительно, как не произошло при этом катастрофы. Рабочие легко могли положить что-либо на рельсы, и крушение было бы неминуемо. Очевидно, страх, что при этом пострадает много стоящих у завода рабочих, удерживал от такого поступка.

Одновременно с нападением на проходные толпа рабочих направилась и к заводской хозяйской общественной лавке. Эта лавка являлась бичем рабочих, в ней рабочий-заборщик чувствовал презрение к себе не только со стороны прохвоста управляющего лавкой, но и всякого приказчика. Забирающий товар не мог быть требовательным за свои деньги, он получал то, что ему давали, а не то, что ему было необходимо. Особенно это чувствовалось при покупке мяса, когда давали одни кости, а будешь разговаривать, то выкинут из завода. Понятно, что во время такого протеста не могла уцелеть эта ненавистная для всех лавка, и, действительно, ее разгромили. Были побиты банки с вареньем, много других товаров было попорчено; сахар и чай выкидывали на улицу, посуду били и т. д. и т. д.

Таким образом, как я уже говорил, попортили проходную и находящиеся в ней книги, побили фонари, пытались проникнуть в квартиру управляющего, который, запершись со своим семейством в квартире, чувствовал, что жизнь его висела на волоске, потом пытались поджечь эту квартиру и тоже не удалось, разбили лавку, попортили массу товара, начали бить стекла в главной конторе и у директора завода. Здание, в котором помещалась главная контора и квартира директора, находилось во дворе фасадом к улице. В это здание швыряли куски каменного угля. Я тоже, было, схватил кусок угля, но не бросил. Однако, больше всего гнева вызывала лавка. Туда все бежали, давя друг друга

в узком и тупом переулке. Все это продолжалось не меньше получаса.

Первым спасителем для управляющего явилась пожарная часть местной полицейской части, которая, расположившись около ворот дома управляющего, парализовала действия толпы в этом пункте. Вскоре прискакали казаки и встали вдоль улицы против завода. Узнавши о погроме лавки, они направились туда, но теснота проезда не особенно многим позволила в'ехать в переулок и к самой лавке. Несомненно, что распорядившиеся в лавке люди старались по возможности скорее выбраться оттуда, но все же возвращаться пришлось мимо казаков. Часть смогла перелезть через забор и выпрыгнуть во двор завода, избегнув встречи с казаками. Возле лавки было арестовано много публики, не принимавшей участия в погроме лавки, а только глазевшей на любопытное зрелище.

Вскоре после пожарных приехал с.-петербургский бригадир, генерал Паскин. Он направился к корпусу главной конторы, но дверь оказалась заперта. Перетрусившие конторские заправили не скоро впустили генерала, который, не зная сути дела, волновался, нажимая кнопку электрического звонка, и в то же время успокаивал небольшую кучку рабочих, человек в пятнадцать, говоря, что он пойдет в контору и распорядится, чтобы сейчас же начали выдавать жалование. Ему отвечали: ведь мы не бунтуем, а только ожидаем жалование, которого, очевидно, нам не желают выдавать. Наконец, дверь открылась, и генерал почти бегом поскакал вверх по лестнице в контору знакомиться с сутью дела. Публика начала стекаться к конторе, и минут через десять набралось больше полсотни. В это время сбегает с лестницы генерал и выходит к нам на улицу. Лицо у него красное, и, видимо, он в большом волнении. Надо полагать, что он остался не особенно доволен об'яснениями в конторе. Все же, обратившись к собравшимся у под'езда рабочим, он начал совестить нас за произведенный погром проходной, лавки и вообще говорил о нашем безнравственном поведении. Ему довольно резонно отвечал какой-то мастеровой пожилых лет, указавши на то, что весь этот погром вызван не рабочими, и что произведен он местными золоторотцами, которые первые пошли потом громить лавку. Не помню что, но что-то говорил и я, говорили еще человека два, три, потом генерал опять просил быть нас смирными и не волноваться, а что касается выдачи денег, то их сейчас привезут. Они, мол, были уже привезены, но артельщики, испугавшись бунта, уехали опять обратно в город, куда за ними специально послано теперь. Еще раз попросив нас спокойно

обождают скорой получки, генерал торопясь направился в ворота, а потом и к общественной лавке. В это же время, очевидно, прискакали казаки, а через полчаса уже явились артельщики с деньгами. Когда рабочим начали выдавать одновременно во всех мастерских, деньги, в это время в главную контору с'ехали разные начальствующие лица и там происходило особое чрезвычайное собрание...

Мне было очень интересно узнать причину, которая послужила сигналом бунта. По более достоверным рассказам выходило так, что какой-то мальчуган обругал сторожа или бросил в него чем-то. Его тут же схватил городской, которому околоточный надзиратель велел тащить мальчика в проходную контору. Толпа бросилась защищать мальчика, и кто-то разбил стекло. Это и явилось началом общего погрома. Тут же находившиеся сторожа смешались с толпой или скрылись, убегая во двор, стараясь избавиться себя от взволновавшихся мастеровых.

Во время Рождественских праздников в селе Смоленском произошла масса арестов, так как здесь находится наш завод; многих арестовали по указаниям довольно сомнительного свойства. Так, некоторые были арестованы только благодаря тому, что раньше поругались с каким-либо приказчиком или еще с кем-либо из мастеров. Большинство же было арестовано по показанию полиции или, просто, если при обыске находили не раскупоренную одну восьмую или четверть фунта чаю, или сахару—больше, чем было записано в последний раз в заборной лавочной книжке. Так или иначе, а арестовано было много и много таких, которые положительно не вызывали раньше никакого подозрения, что они сочувствуют революционному движению или бунтарству. Все арестованные много и долго сидели до суда, и многие были осуждены далеко не так милостиво.

На Рождественских же праздниках у нас происходило обсуждение вопроса о выпуске листка по поводу этого бунта. Случай был более чем подходящий, и поэтому очень желательно было испробовать начало агитации на данном вопросе. Был составлен очень большой листок, который был потом оттиснут гектографическим способом, шит в маленькие тетради и, таким образом, был готов для распространения. Но тут возник вопрос, как его распространить. Мне поручили руководить этим делом, между тем я даже не знал, как приступить. Рассовать брошюры по ящикам было неудобно, могут заметить. При том для первого раза этих брошюрок было не особенно много. Не помню, в субботу, или в понедельник вечером я разнес часть брошюрок по ретирадам, остальные рассовал, как мог: где сунул в раз-

битое стекло в мастерскую, где в дверь, где в котел, где на паровозную раму. Словом, старался, чтобы они попали по всем мастерским. На другой стороне завода точно также все было выполнено, местами клали в ящики с инструментами, за вальцы, где часто сидят рабочие и т. д. Эта работа оказалась очень простой и легкой, но так как выполнялась она в первый раз, то естественно вызывала некоторого рода робость. То ли, что было очень мало этих листков, то ли, что они появились сразу после бунта, или что другое, но о них говорили очень мало, и при желании узнать впечатление мы не могли ничего выведать. А в одной мастерской нашедший брошюрку-листок передал ее мастеру, который совершенно несправедливо напал на одного старого работника, обвиняя его в распространении листков, тогда как тот уже давно перестал заниматься подобного рода вопросами. Мне было очень жаль старичка за то, что ему приходится выслушивать несправедливые обвинения, но все же отказаться от желания подбросить в их мастерскую листок мы не могли, о чем я ему и сказал. Опыт можно было считать удачным, хотя особых результатов и не было видно. Позднее таким же образом были подброшены листки в мастерские при петербургском порте, где они произвели более сильное действие, чем на Семяниковском заводе¹).

После Рождества мы снова начали заниматься каждое воскресенье у меня в комнате и возобновили ходьбу в школу; кроме того, часто ходил к нам упомянутый П. И. Он продолжал изредка читать нам кое о чем по вечерам, и, таким образом, мы положительно целиком были заняты умственной жизнью.

Во время занятий в кружке происходили иногда такого рода встречи: сидим у нас в комнате и ведем беседу с интел-

---

¹ «Волнение, возбужденное «бунтом» на Семяниковском заводе, тем не менее, не прошло без следа; оно явилось поводом едва ли не к первой попытке социал-демократов оказать воздействие на более широкий круг рабочих, о необходимости чего начали уже поговаривать в это время. На скорую руку была изготовлена агитационная брошюрка в виде тетради с изложением положения рабочих на Семяниковском заводе. Прочитанная на собрании нескольких рабочих, она была напечатана с помощью гектографа и распространена по заводу, хотя и не особенно удачно. Этот новый прием социал-демократов, хотя еще пока в виде отдельного случая, обратил на себя внимание рабочих. Пожилые рабочие стали живо припоминать аналогичную деятельность прежних революционеров, рассказывали о брошюрах, листках и о бунтах, происходивших раньше на этом заводе». Конечно, большинство рассказчиков все сильно преувеличивали, однако эти рассказы сильно влияли на под'ем настроения среди молодежи и подготавливали почву для более широкого распространения нелегальной литературы. (К. М. Тахтарев «Очерк петерб. рабочего движения 90-х г.г.». Петроград. 1918. Изд-во «Жизнь и Знание»).

лигентом соц.-дем. В это время открывается дверь и всовывается чья-то голова, затем она исчезает, а иногда за головой появляется и весь человек. Разговоры или речь лектора прерываются, тогда вошедший просит одного из передовых рабочих выйти с ним и они вместе уходят. Оказывается, что это был народоволец, который почувствовал себя очень неловко, попав к нам в то время, когда в кружке происходили занятия. Но в то же время из этого видно, что расхождение не проводилось слишком резко. В один и тот же кружок иногда ходили соц.-демократы и народовольцы, это объяснялось часто тем, что члены кружка ранее состояли членами кружка народовольческого. В конце концов, народовольцы перестали ходить в наши кружки, так как им не давали новых кружков, а вербовать членов или сторонников в наших кружках им не удавалось. В это время у нас были одна девица и жена одного высланного, которые иногда выражали желание посещать наши занятия или чтения, которые происходили у нас—помимо интеллигентов; как было упомянуто, мы самостоятельно читали Кеннана. В комнате, в которой происходили чтения, помещалось пять или шесть человек, да приходящих было человека два, не меньше, и потому ставился вопрос: не будет ли очень много народу? С этой стороны вопрос решили в удовлетворительном смысле. Тогда я предложил вопрос о том, не окажет ли присутствие особ прекрасного пола нежелательное действие на занимающихся в кружке. Оказалось, что с этой стороны было высказано некоторое опасение, а один из членов кружка даже выразился так: что он за себя не может поручиться, если обстоятельства сложатся так. Этот взгляд был высказан одним фабричным, впоследствии увлекшимся алкоголизмом. В виду всего этого пришлось отклонить желание особ женского пола присутствовать на чтениях, хотя они изредка все-таки посещали нас. Это единственный случай в моей жизни, когда ставился такой вопрос. Такого случая, когда бы женщина или девушка пожелала присутствовать на чтении или занятии, больше не было. Но я уверен, что следующий случай не был бы решен так неудовлетворительно.

Частенько посещал нас и Ф. А. ¹⁾. Очень приятный и симпатичный рабочий, старик—по своей революционной деятельности. Я всегда с особым удовольствием слушал и принимал его советы. Я видел в нем то поколение, которое нам приходится сменять, но я сомневался, будем ли мы настойчивее, сильнее и умнее их. Помню, как ему пришлось отпра-

¹⁾ Федор Афанасьев. *Прим. В. А. Шелгунова.*

виться на год в «Кресты» для отбытия наказания. Это произвело очень тяжелое впечатление на меня. Я никогда не забуду его симпатичного лица, уже, можно сказать, потерявшего жизнь и принужденного еще пойти в тюрьму, отдать часть человеческой жизни прожорливому абсолютизму. Помню, как раз он сетовал на то, что у нас мало поется песен, а они, мол, раньше очень часто и много пели. Это— правда, мы еще мало поем хороших песен и мало их знаем.

Так мы продолжали жить и развиваться. Конечно, к этому времени завязались новые знакомства с рабочими. Время незаметно проходило, и наступила весна. Помню, что у меня к этому времени пошли большие неприятности со старшим в партии: сначала из-за того, что я не работаю вечеров и ночей, а потом, просто, чтобы избавиться от меня. Старший был недоволен мной за мою самостоятельность, начавшую сильно проявляться особенно за последнее время, да еще и за то, что я испортил одного молодого человека, которого он желал выработать по своему, и который служил в качестве мальчика в нашей партии. Эта глухая борьба привела, наконец, к тому, что в один прекрасный день меня перевели в другую, более худшую партию, в которой я проработал месяц с небольшим.

Раз была спешная работа, и всю партию заставили работать ночь. Я и еще трое не пожелали работать; нас пугали расчетом, но я и тогда не согласился работать. Рассвирепевший мастер дал нам прогульную записку на две недели. Это значит, что нас лишили возможности работать целых две недели и, если бы мы, прогулявши две недели, вышли на работу, то нас, очевидно, заставили бы опять работать ночь. Этим способом очень часто достигали того, что рабочий становился довольно податливым. Но я, получивши записку, направился к фабричному инспектору, который, думая отделаться от меня, прикрикнул и взвалил всю вину на меня, а не на заводскую администрацию; но я ему заметил, что пришел к нему за защитой, а не за тем, чтобы на меня кричали и взваливали вину мастера лично на меня. После этого инспектор смягчился и сказал, что он уже несколько раз запрещал практиковать на заводе данный способ, но что, мол, они опять прибегают к нему. Он обещал по приезду на завод разобрать это дело. В результате была проборка мастеру и выдача мне расчета с уплатой вперед за две недели. Этот случай вызвал много толков на заводе, и я даже был некоторое время героем, сумевшим подтянуть мастера. Повидимому, на короткое время там прекратили насильно заставлять работать вечера и полуночи с ночами.

Положение изменилось. Я уже собирался покинуть район и перебраться в какой-либо другой, но потом, получивши работу, опять остался и продолжал действовать, хотя вскоре пришлось переменить квартиру, в которой я прожил продолжительное время, не будучи замеченным полицией. Здесь можно было продолжать вести занятия кружка. Наступило лето, школа закрылась, интеллигенция уехала в разные места, и рабочее движение, как будто бы, прекратилось, но это только так казалось, а на деле оно не прекращалось, а все расширялось, но теперь работа велась, за отсутствием интеллигенции, несколько своеобразным способом.

В это же лето произошло опять общее собрание петербургских рабочих. Оно состоялось на правом берегу Невы за Торнтонской фабрикой несколько левее в лесу. Там говорилось о том, что движение идет тихо и нужно усилить его тем или иным способом. Жаловались на кружковую деятельность и вообще хотели чего-то нового, еще не испытанного, в более широких размерах. Много было споров и крику. Двое молодых рабочих особенно старались на все нападать, все осуждать, упрекать рабочих в халатности к новым веяниям. Особенно один из этих рабочих напал на интеллигенцию за ее, якобы, буржуазность и барские привычки, он говорил:

— Представьте, господа, что кто-либо приедет завтра к нам из заграничных представителей или из какого-либо нашего города и попросит нас указать наших представителей-интеллигентов, вожakov движения. И что же? Мы должны будем низко кланяться в пояс и извиняться. «Извините, мол, господа, наша интеллигенция уехала на дачу, милости просим приезжайте зимой, когда она соберется и приступит во всеоружии своих знаний к делу; да и кружковая деятельность теперь тоже пока распущена на каникулы, потому—за зиму интеллигенты сильно поистощились и поехали поправить свое здоровье, да позапастьсь кое-какими знаниями там, на дачном привольи». Так можно представить нашу теперешнюю интеллигенцию. Нет, если мы, рабочие, желаем поднять рабочее движение и желаем, чтобы у нас не происходило таких перерывов, то прямо нужно заставлять интеллигенцию жить тут около движения и чтобы на лето не прекращалась деятельность, которая ведется зимой; а то это — чорт знает, что происходит! — закончил молодой рабочий.

На этом же собрании досталось немало и тому, кто больше всего сносился с интеллигенцией; вообще это собрание носило характер довольно бурный. Конечно, против интеллигенции настроение в конце концов было общее, и

счастье ее, что она находилась довольно далеко, а то ей пришлось бы очень серьезно защищаться и едва ли удалось бы вполне оправдаться. На этом же собрании был поднят вопрос о посылке венка на могилу Энгельса, который только что умер в это время. Часть стояла за посылку, но большинство было против. Отказ мотивировали тем, что наше движение довольно ничтожно и, если мы пошлем венок с надписью от петербургских рабочих, то это будет совсем неверно. При том мы должны будем пожертвовать человеком, что очень для нас тяжело, а самое главное — мы опоздали со своим венком. Важно было бы ко дню похорон, а не потом, да и вообще лучше мы поступим, если в память Энгельса устроим что-либо другое; увлекаться венками нам не следует. Это умер не какой-либо барон или князь, которому необходим венок...

Этот взгляд одержал верх, поэтому, кажется, был поднят вопрос о телеграмме, но я теперь не помню, в каком смысле решили его. Молодой рабочий оказался самым наилучшим оратором и мог гордиться, что не всякий мог противостоять его доводам. Лично я, хотя был противником некоторых его взглядов, но едва ли был бы в состоянии сбить его с позиции. Впоследствии мне пришлось с ним ближе сойтись, и к моему удивлению он оказался далеко не таким умником, как я о нем думал. Было досадно, когда потом его приводили в пример люди, которые очевидно были введены в заблуждение его речами ¹⁾. Разошлись с собрания все с теми мыслями, что нужно по возможности видоизменить способ пропаганды в более активную сторону. Но это далеко не так легко было выполнить, как того можно было желать. В это время еще приходилось читать гектографированные брошюры, а более порядочной литературы не приходилось не только читать, но и видеть даже самым передовым и развитым рабочим, рабочим-вожакам, поэтому приходилось ограничивать область революционных вопросов очень узкой сферой, с которой был хоть сколько-нибудь знаком рабочий, руководивший в данной местности, районе или даже кружке. Это же явление можно наблюдать теперь по окраинам в провинции, где рабочим приходится выбиваться самим из темного забитого положения, без помощи интеллигенции. Но зато здесь нельзя было указывать на особые стремления обособиться и сделаться самому интеллигентом, что часто служило причиной нападков на кружковую деятельность.

---

¹⁾ Речь идет, очевидно, о Борисе Зиновьеве, молодом талантливом агитаторе, рабочем Путиловского завода.

В это время я и еще человека четыре-пять часто по воскресеньям отправлялись за Неву с какой-нибудь книжкой, которую читали и потом обсуждали; делились своими мыслями и рассказывали друг другу про случаи на заводе и фабрике, готовились к осени, думая основать несколько новых кружков, и уже намечали заранее вполне надежных лиц. Несомненно, в это время существовала касса, но строгого устава выработано не было, и потому трудно припомнить теперь, как распределялись и расходовались деньги. Помню только, что много расходовали денег на книги, но даже упоминания не было о расходах на нелегальную литературу. Что было поставлено довольно удовлетворительно, так это легальная библиотека ¹⁾. Много книг мы получали от учительниц, много покупали сами, а мне постоянно приносил книги П. И. Много пропало ценных книг, составленных из статей разных журналов. Я чувствовал впоследствии всегда недостаток в книгах и только тогда мог оценить настоящим образом, как много помогает хорошая книга в городе, где рабочему приходится двигаться вперед безо всякого подталкивания вперед интеллигентом, и тогда книга сможет служить хорошим руководителем. Теперь новое время и новые песни, всюду проникает или должна проникать литература периодическая, нелегальная, могущая служить руководителем по многим вопросам. Закинутый в глухое место рабочий, имея возможность получить такую литературу, имеет тот якорь, за который может держаться.

Настает осень 95 года, начинают с'езжаться со всех концов интеллигенты, начинает чувствоваться сильный под'ем. Приехавшая интеллигенция желает работать, тем более, что часть ее получила выговор за то, что бросила на целое лето рабочих. И те и другие торопятся возместить летний застой (хотя, по справедливости, летний период назвать застоєм нельзя). Машина пущена в ход во всю; еще зима не наступила, а кружки начинают правильно собираться, и каждое воскресенье в них появляется по интеллигенту и человек по пять рабочих. Чувствуется сильный недостаток в квартирах, все имеющиеся заняты; снимается одна комната специально для занятий и собраний. Вопрос об агитации был решен в положительном смысле, хотя лично я не был доволен этим. Я был частично противником агитационной деятельности. Я опасался за уничтожение кружков, полагая, что агитационная деятельность их совершенно потопит, тогда как плодов этой деятельности я, да и другие, не видели. Тем не менее кружки продолжали правильно функционировать.

¹⁾ Библиотекой заведывала Н. К. Крупская.

и у меня спрашивали еще новых кружков для занятий. Ожидался выпуск листков, которые уже готовились. Приблизительно в это же время за мною начали следить, да и не за одним мною. Причина, вызвавшая особое за мною наблюдение, потом выяснилась. Один из рабочих, бравший у меня нелегальные книжки, дал одну из них своей сестре, а у той увидал книжку отец, который и сообщил об этом жандарму. Вот чем была вызвана тайная слежка за мной, но, очевидно, она никаких существенных результатов не дала, и хотя предупреждали меня о скором аресте, все же я продолжал действовать, хотя принимал все предосторожности, дабы не привести куда-либо жандармов. На самом заводе продолжала появляться нелегальщина, но это все я делал через одного из моих товарищей. Тогда же начались разные недоразумения на суконной фабрике Торнтонна, вызываемые, главным образом, понижением расценок. Было желательно в предполагаемых листках выразить то, что больше всего интересует самих рабочих и, так сказать, оттенить по возможности ярче те требования, которые являлись бы требованиями большинства выбранных руководителей, к организации (социалистической) не причастных. Для этого через одного рабочего их собирали на конспиративной квартире, куда являлся один интеллигент поговорить с ними и узнать точно их настроение. Переговоры не удались, так как торнтоновцы не хотели говорить с человеком, им неизвестным, подозревая какую-то ловушку для себя, и никакие уверения ни к чему не приводили, они просили только составить хорошее прошение к градоначальнику, к которому намеревались пойти. Но писать слезное прошение было не в интересах партии, да и было совершенно напрасно ожидать какой-либо пользы от такого прошения. В виду этого материалы, собранные через одного торнтоновца (теперь прохвоста) были обработаны в виде листка. Листок был признан и этим рабочим и нами удовлетворительным. Он был оттиснут и потом подкинут во многих экземплярах на фабрике. Это было началом энергичной агитации¹⁾.

Вскорости же были выпущены листки на Путиловском заводе, экземпляр для ознакомления был доставлен и мне

¹⁾ «Листки с изложением положения рабочих на фабрике Торнтонна, заключавшие в себе и определенные требования рабочих, были изданы группой Владимира Ильича. Разбросанные по различным фабричным корпусам, мастерским и казармам при посредстве знакомых рабочих, эти листки произвели на массу торнтоновских рабочих необыкновенное, в высшей степени сильное впечатление и привели к забастовке». (Из статьи К. М. Тахтарева — «Ленин и социал-демократическое движение», «Былое» № 24 за 1924 год).

за Невскую заставу. Один товарищ во время работы отправился в ретирад с этим листком и с бутылочкой гумми-арабика. Уловив момент, когда никого не было, он налил на руку гуммиарабик, размазал ладонью по стене и, приклеив листок, сейчас же ушел в мастерскую. Пробыв там около 15 минут, он не мог выдержать дольше и отправился посмотреть, что стало с его листком. Оказалось, что у наклеенного листка стояло человек пятнадцать, и один старался прочесть вслух листок, но у него плохо выходило, и потому, протиснувшись вперед, товарищ громко и с подчеркиваниями прочел присутствующим листок. Все были очень довольны и ретирад набился полнехонек, чтение не прекращалось, всякий уходил в мастерскую и посылал других, хождение продолжалось почти 2 ч., и все ознакомились с листком. Наконец, администрация узнала об этом и приказала листок сорвать, но, пока было много народу в ретираде, сторож боялся срывать, одинаково боялись срывать и многие другие противники. Этот случай особенно расположил меня и товарища к такой деятельности, и мы стали частенько класть в ретирад, в укромное место, брошюрки и листки, откуда они очень аккуратно исчезали, спустя очень короткое время. Очевидно, кто-то ходил и незаметно уносил и даже настолько аккуратно, что наши наблюдения не скоро привели к цели. Зорко присматриваясь, мы, наконец, заметили человека, который незаметно подходил, осторожно совал находку в рукав и сейчас же уходил с нею из ретирада.

В начале зимы произошло одно собрание из выборных рабочих в количестве, кажется, шести человек. На этом собрании читался листок, который вскоре должен был быть напечатан на гектографе и распространен на всех заводах и фабриках, но он еще был не закончен и требовал некоторых поправок. Тогда же было заявлено, что эти собрания должны происходить регулярно, кажется, не реже двух раз в месяц; представителем на эти собрания от интеллигенции являлся тот, кто читал упомянутый листок. В этом можно было видеть, что организация принимала все новые и новые формы, приспособляясь к агитационной деятельности, но в то же время работа велась очень конспиративно, в этом чувствовалась необходимость. Часть интеллигенции была, очевидно, выделена для выработки упомянутых листков и сношений по более конспиративным и организационным вопросам с рабочими, другая занималась в кружках, но точно я, конечно, про интеллигенцию не знал—кто и чем был занят¹⁾

¹⁾ «Я упомяну в немногих словах о тех организациях и группах, которые работали среди рабочих и отчасти соперничали между собою. Во главе всех и по талантам, и по числу, и по влиянию среди рабочих, надо поста-

Важно только, что в то время шла очень усиленная работа как у рабочих, так и интеллигенции. Но все же при столь крутом повороте от кружков к агитации, не замечалось особых недоразумений и споров, очевидно, что продолжая еще более энергично свою деятельность, кружки как раз соответствовали самой правильной постановке дела, и только такая постановка может считаться вполне удовлетворительной. Где при агитации забрасываются кружки, там работа переходит на ложный и вредный путь, который справедливо породил у развитых рабочих резкие осуждения и нападки на интеллигенцию. Это не только не дает развитых рабочих, но и сама интеллигенция без занятия в кружках становится менее культурной и менее знакомой с душой рабочего ¹⁾.

вить группу так называемых «стариков», или «старых социал-демократов», или «литераторов» по терминологии других, из которой развился Петербургский Союз Борьбы. Она то и была главной сторонницей новой тактики. Затем на ряду с ней существовала другая социал-демократическая группа «молодых», к которой, к несчастью, принадлежал известный своим предательством зубной врач Михайлов. Обе эти группы имели сношения с рабочими многих районов. Была небольшая группа, работавшая только за Невской заставой, затем смешанная группа интеллигентов различных оттенков, ограничивавшаяся лишь кружковыми занятиями с рабочими и не задававшаяся никакими организационными целями.

Рабочие, входившие в состав рабочих кружков, организованных Ш-вым и его товарищами, составляли особую группу. Эта группа рабочих Невской заставы имела связи с только-что перечисленными группами социал-демократов. Однако, в своем образе действий она была в значительной степени самостоятельна, находясь под влиянием Ш-ва. Он был ее единственным вождем. (К. М. Тахтарев «Очерк петербург. рабочего движения 90-х годов». Петроград. 1918. Изд-во «Жизнь и Знание»).

1) Об одном из собраний этого времени Тахтарев рассказывает следующее

«Это собрание имело в высшей степени важное значение. Оно было создано в момент окончательного перехода социал-демократических групп от кропотливой кружковой работы к тактике массовой агитации на почве борьбы рабочих за улучшение своего положения, за лучшие условия труда. Целый ряд стачек, удачно проведенных в предшествующем году при содействии рабочих, примыкавших к социал-демократическим организациям, показал, что тактика агитации среди рабочих масс на почве борьбы рабочих со своими хозяевами и администрацией может быть весьма плодотворной, если она будет вестись более организованным образом, и что социал-демократы, вмешавшись в эту борьбу, смогут приобрести в массах большое влияние и даже руководить их движением посредством распространения воззваний, формулирующих требования рабочих. На переходе к этой тактике массовой агитации особенно настаивала группа старых социал-демократов, во главе которой стоял Владимир Ильич, положивший вскоре основание «Петербургскому Союзу Борьбы за освобождение рабочего класса». Были и другие вопросы, которые были непосредственно связаны с этой тактикой массовой агитации. Необходимо было выяснить положение дел на различных заводах и фабриках в различных рабочих районах Петербурга. Необходимо было выяснить условия агитации, учесть пригодные для этого силы, подумать о воссоединении об'единенной кассы

Как год тому назад я положительно целиком был занят восприниманием разных хороших слов и учений от интеллигентов и в школе—от учительниц и, изредка, появлялся на собраниях несмелый и стеснительный, так теперь приходилось всюду проявлять самостоятельность, приходилось разрешать самому всякого рода вопросы, возникающие в кружках, на фабриках и заводах, и в школе. Иногда и чувствуешь, что ты не очень компетентен, но говоришь, советуешь, разъясняешь только потому, что лучшие и умные руководители уже высланы, и раз пала обязанность быть передовым, то отговариваться было невозможно. Не думаю, чтобы с моей стороны не было промахов, но следить за собою самому очень трудно, все же мною была употреблена в дело вся энергия и предусмотрительность.

Отправился как-то я после работы за Нарвскую заставу по делу и увидел в домашней обстановке тамошних деятелей, о которых постоянно говорили, как о людях умелых, могущих быть примерными, да и они сами часто распространялись по этому поводу, и что же? Мое впечатление было далеко не в их пользу. При всем желании увидеть или услышать что-либо новое, что можно было бы перенять и перенести к себе за Невскую заставу, дабы еще лучше шла работа у нас, я там не нашел, словом, ничего свежего, и потому часть веры, питаемая мною к ним, как к примерным работникам, значительно охладела, и потому еще сильнее предался я своему делу за Невской, мало знакомясь лично с работой в других местах. Я в то время хорошо знал положение дела за всей Невской заставой, и потому для меня особенно ярко вырисовался под'ем после первых листков и брошюр, пущенных в широких размерах во всем этом районе. Полученные листки и потом брошюры были распространены по заводам и фабрикам очень удачно, и даже никто не был замечен в распространении, что, конечно, только ободряло нас, и мы ждали все новых и новых произведений для массы. Эта деятельность сейчас же оживила публику, и по фабрикам пошли слухи о скором бунте. «У нас все говорят, что будет бунт после нового года, непременно будет!» — говорил мне один фабричный заурядный рабочий, не принимавший никакого участия в нашем деле. Дру-

---

рабочих различных районов, подобно той об'единенной кассе кружковых рабочих, которая существовала до весенних арестов 1894 года. И со всем этим необходимо было спешить, потому что на многих заводах и фабриках происходило глухое брожение, происходившее на почве в высшей степени неудовлетворительных условий труда и отношений администрации. (Из статьи К. М. Тахтарева — «Ленин и социал-демократическое движение». «Былое» № 24 за 1924 год).

гой, заводский, прямо спрашивал у меня побольше литературы, указывая на то, что на заводе, где я работал, было постоянно мною раскидано много листков и брошюр, а у них — мало. Я не мог дать ему литературы, благодаря тому, что совсем не знал его, и раньше никогда не разговаривал с ним, а спросил на этот раз его мнение исключительно с желанием узнать, как думает заурядный человек, никогда не бывавший ни в какой организации. В то время ставилось требованием, чтобы всякий из нас входил в массу и узнавал ее истинное мнение, эти люди и были для меня, как личности массы.

Думаю, что необходимо упомянуть об интеллигенции, ходившей в наши кружки. П. И. в эту зиму ходил довольно редко и то больше ко мне, но он доставил двух лиц, которые взялись с увлечением за кружки и несли свои обязанности; как люди, преданные делу, они пользовались любовью своих слушателей. Была одна группа, которая настойчиво просила себе кружок; после долгих переговоров ей дали кружок, но вместо того, чтобы быть конспиративными и заниматься в кружке, они являлись постоянно вдвоем ¹⁾ и не столько занимались делом, сколько разными расспросами и наведением критики на неудовлетворительность постановки дела. Руководивший кружком, а потом и слушатели стали настойчиво жаловаться на бесполезность подобных занятий. Интеллигентам было сделано соответствующее заявление, а когда и это не помогло, то им было заявлено прямо, чтобы они перестали ходить в кружок и оставили бы нас в покое. Можно подозревать, что они действовали так под влиянием врача Михайлова ²⁾, который через них надеялся подробно ознакомиться с делом и людьми. Но если ему и удалось что узнать, то далеко не многое; конспирация и аккуратность в данном случае сослужили службу. Третья группа интеллигентов, самая большая, подготовлялась к агитации и была знакома со всеми петербургскими делами. Она руководила агитацией, т. е. доставляла листки, брошюры и знала, где они будут распространены. На местах делом руководили рабочие, которые передавали литературу во все заводы и фабрики для распространения. На каждой фабрике, на каждом заводе действовал только один такой рабочий. Он знал, сколько, куда нужно дать, он же знал день, в который листки будут распространены, и т. д. Упомянутые две группы чрез посредство нас делали попытку к слиянию, но это не удалось, благодаря общему провалу.

¹⁾ Малишевский и Чернышев. *Прим. В. А. Шелгунова.*

²⁾ Провокатор.

В декабре около 5-го ¹⁾ числа сделан был набег, и интеллигенция и часть известных рабочих была взята. Ареста ожидали, но не так скоро и не в таком широком размере. Конечно, это произвело очень сильное впечатление на меня, но не такое сильное, как если бы это случилось раньше, я уже привык к арестам и переносил их довольно спокойно. В школе на лицах учительниц можно было видеть почти слезы и страх, страх скорее за дело, чем за себя. Общее впечатление, конечно, было очень тяжелое; прекратилась работа в смысле доставки литературы и листов, местами на целые районы приходилось смотреть, как на прекратившие всякое существование в смысле революционной деятельности; нужно было вновь завоевать эти места, но сил не было, местами прекратились занятия в кружках, это же частью происходило и у нас. У нас было взято трое рабочих, особенно чувствовалось отсутствие Н. ²⁾. И все же наш край мог продолжать деятельность, не чувствуя особого ущерба в работниках по заводам и фабрикам; недостаток являлся со стороны интеллигенции, которая не могла так скоро оправиться, но все же через неделю уже начались правильные собрания и наладилась связь. В это время товарищам пришлось немало положить энергии, дабы сломить мое упорство. Я положительно восстал против агитации, хотя видел несомненные плоды этой работы в общем под'еме духа в заводских и фабричных массах, но я сильно опасался такого же другого провала и думал, что тогда все замрет, но я в данном случае ошибался ³⁾. Знай я, что будет продол-

¹⁾ Это было в ночь с 8 на 9 декабря 1895 года.

²⁾ В. А. Шелгунова.

³⁾ . . . За Невской заставой у нас остался весьма ценный, по отзывам знавших его, сотрудник—Иван Васильевич Бабушкин, служивший в то время сторожем лаборатории Александровского чугуно-литейного завода. Я виделся с ним, бывая в этой лаборатории у Г. М. Кржижановского, и знал, что последний очень высоко ставит Бабушкина. Через Н. К. Крупскую, учительствовавшую на Тракте, мы условились о свидании с Бабушкиным и явились к нему вместе с Я. М. Ляховским.

Бабушкин несколько будировал. Вместе с В. А. Шелгуновым и другими старыми членами кружков он не без скептицизма и опаски смотрел на начавшуюся полосу лихорадочной агитационной работы, исключавшей возможность солидного организационного строительства. Вот, говорил он нам, стали во все стороны разбрасывать прокламации и в 2 месяца разрушили созданное годами. Не чуждо ему было и опасение, что новая молодежь, воспитываемая этой агитационной деятельностью, будет склонна к верхоглядству. О «Петре и Борисе», которые на рабочих собраниях вышучивали стариков-рабочих с их проповедью медленного постепенного накопления развитых единиц, он отзывался с раздражением. Тем не менее, мы легко сговорились о необходимости продолжать работу в раз начале направлении, дополняя ее кружковыми занятиями для содействия умственному развитию молодых агитаторов. В Бабушкине приятной чертой была его прак-

жаться эта работа после моего ареста, я, конечно, не спорил бы по поводу агитации. Я очень удивился, что меня оставили на свободе; видимо, меня не арестовали с корыстной целью, желая выследить мои и со мной сношения, но это полиции не удалось. Между тем, товарищи меня уломали, и я, на конец, согласился продолжать вести агитацию. Чтобы доказать силу нашей организации, мы распространили на Чугунном заводе, фабриках Максвеля и Паля несколько брошюр. «Кто чем живет?», «Что должен знать и помнить каждый рабочий», «Конгресс» и еще одну, названия не помню, в довольно большом количестве и наделали этим очень много шума. Полиция и жандармы продолжали работать, но это только подзадаривало нас, а уверенность и мужество вселялись в чи-

тичность, умение понять, что возможно, что недостижимо. Вместе с тем, добродушие его характера чрезвычайно к нему располагало. Того впечатления таланта, которое оставляли Зиновьев и Карамышев, от встреч с ним не получалось, говорил он тугим, не всегда складным языком, но глубокая спокойная уверенность в себе и в деле, которому он служил, и авторитет, которым он пользовался среди рабочих, указывали в нем человека, которому суждено еще сыграть роль в рабочем движении.

Ивану Васильевичу было тогда 23 года. Среднего роста, приземистый, с сухими чертами лица и русыми волосами, он внешним видом не привлекал к себе внимания.

— Если надо продолжать выпускать листки, — сказал нам, между прочим, Бабушкин, — то нельзя ограничиться темами о штрафах, мастерах и пониженной плате. Теперь по поводу арестов всюду на заводах вкривь и вкось толкуют о «сицилистах». Надо воспользоваться интересом к этой теме и пустить популярный листок о социализме и борьбе за свободу.

Когда мы с Ляховским одобрительно отнеслись к этой мысли, Иван Васильевич, несколько смущенный, извлек из кармана лист бумаги, на котором корявым почерком был изображен составленный им проект воззвания под заглавием: «Что такое социалист и государственный преступник», подписанного «Ваш товарищ-рабочий». Воззвание нам понравилось, хотя на первый вопрос — о социализме — оно давало менее понятный для масс и менее подробный ответ, чем на второй. Мы заявили, что предложим «Союзу Борьбы» выпустить этот листок, что и было сделано к концу года». (Ю. Мартов. Записки социал-демократа, 1922 г.).

Примечание к примечанию *Мартова*.

В первый же раз, как я приехала в вечернюю школу после ареста «Декабристов», меня отозвал в сторону Бабушкин и передал мне листок, написанный рабочими по поводу арестов членов группы. Этот листок обсуждался на заседании группы, имевшем место через несколько дней после ареста в квартире Степана Ивановича Радченко. Когда листок был зачитан, т. Ляховский с недоумением воскликнул: «Но он ведь написан на чисто политическую тему!» (Обычно листки писались на экономические темы на злобу дня.). Публика немного поколебалась, понятен ли будет такой листок массам, но в виду того, что он был написан самими рабочими, его решили все же выпустить. Он вышел, кажется, 15-го декабря. (Из ст. Н. К. Крупской «Союз борьбы за освобождение рабоч. класса». «Творчество», № 7—10, 1920 г.).

тателя на фабриках и заводах. Пошли разговоры и рассуждения, и, видимо, волна недовольства скоро должна была хлестнуть через борт. Несмотря на то, что в это время через школу ничего не делалось, но старший мастер фабрики Максвеля, Шульц, прямо указывал на школу, как на причину всех этих явлений. Он же все посылаемое ему по почте передавал жандармам и, конечно, следил зорко за своими рабочими. На заводе многих арестовывали или записывали за чтение подброшенного. Интереснее всего, что подбрасывающий действовал во время работы и настолько смело, что просто приходилось удивляться его смелости, и при этом не был ни разу замечен даже своими рабочими по партии, хотя постоянно подбрасывал по всем мастерским один, иногда бросал в котел, в котором сидело человека три-четыре. Эти последние, увидавши брошенное, никогда не спешили посмотреть, кто бросил, а сначала удивленно рассматривали подброшенное и затем, поняв суть дела, осторожно начинали читать, а по прочтении, иногда, уничтожали листки, но это происходило очень редко и у самых боязливых рабочих.

На Семянниковском заводе однажды листки появились, благодаря загадочному случаю, именно: рабочий, полувивший листки вечером, спрятал их в одном месте до утра, но когда утром пошел на работу и хватился листов, то их уже не оказалось там, где он их клал. После этого пришлось быть еще более осторожными, но до моего ареста ничего выяснить так и не удалось, и пропавшие листки возвращены не были. Меньше, чем в месяц, было разбросано довольно много брошюр и листов, и на этой почве даже возникло несколько недоразумений и обид: некоторые рабочие жаловались, что им меньше дают брошюр, чем на другом заводе; оно отчасти так и было, брошюр не хватало, но я был уверен в скорой доставке таких же брошюр и думал тогда шире пустить их по фабрикам. Способ распространения на заводе был разнообразный: некоторым совали в ящик с инструментами или клали на супорт станка, некоторым вкладывали в карман пальто, что было очень легко и просто выполнить, клали в такое место, куда часто за чем-нибудь приходили рабочие, иногда бросали к рабочим в котел (в Котельной мастерской), очень удобно было подбрасывать в разные части ремонтируемых паровозов, где рабочие потом находили и находили иногда спустя несколько часов после начала работ. В это время, начиная от самого Обводного канала, около часовни у моста, где был маленький заводик, и за село Александровское, не было ни одного большого завода или фабрики, где бы не появлялась нелегальная литература, благодаря тому, что всюду были свои люди; особенно много было

своих людей на фабриках Паля и Максвеля и, если оттуда выхватывали одного или двух человек, то дело продолжало идти своим порядком, и вообще за один месяц потери уже пополнялись. Нужен был только хороший руководитель. Между прочим, главную услугу жандармам оказывали сами рабочие: сделавшись прохвостами, они выдавали все и всех, и поэтому, очевидно, приходилось потом все начинать сызнова.

После огромного провала, спустя недели две-три, всюду опять наладилась сношения; всюду закипела живая работа в кружках и агитация листками и брошюрами. Спустя четыре недели после упомянутого провала я получил довольно много листов общего характера, где говорилось о набегах, произведенном жандармами, и о том способе, который правительство употребляет на борьбу с самосознанием рабочих. Получивши эти листки, я почувствовал, что распространение их будет последней моей работой. Постаравшись распределить соответственно по количеству работающего люда на фабрике и заводе, я разнес и роздал известным мне лицам эти листки, узнав, в какой час приблизительно они будут раскинуты. Доверенные лица сейчас же взялись за работу: кое-кто побежал за материалами для составления клея или гумми-арабика, дабы лучше наклеивать листки в общих местах. Раздав таким образом листки, попрощавшись с товарищами и предупредив их о возможности моего ареста, я сказал, чтобы они не приходили ко мне на квартиру, пока я сам не явлюсь к ним. Уже в одиннадцать часов вечера я сел на идущую в парк конку и приехал в село Александровское, направляясь на квартиру к товарищу, где меня поджидали. Отдав листки для Обуховского завода и др. и пожелав им благополучно продолжать работу, я сказал о своей уверенности, что после этих листов я буду наверное арестован, и спокойно отправился домой с полным убеждением, что завтра утром по всему Шлиссельбургскому шоссе на фабриках и заводах будут распространены листки. Конечно, оно так и было. Всюду приходилось полиции усиленно работать, отыскивая виновников этого распространения, и немало непричастных людей попало в подозрение.

Прошел день, вечером я никуда не пошел, остался дома и приготовился к обыску, так был уверен в нем. И, действительно, только что я заснул, как слышу тревожный стук в двери. Хозяин, недоумевая, пошел торопливо открывать дверь, а я мог сказать себе, что больше я за Невской уже не работник. В дверь комнаты ворвался околоточный надзиратель, а потом с извинениями и с лисьим достоинством вошел и либерал-пристав, Агафонов, заявив, что он пришел

только произвести у меня обыск. Но когда при тщательном обыске ничего у меня преступного не оказалось, то он так же ласково заявил, что все же должен меня арестовать, но что, мол, это пустяки и меня дня через два-три выпустят. Я, конечно, ко всему был готов, и это особого действия на меня не произвело.

Когда гасили утром на петербургских улицах фонари, то я с околоточным надзирателем и еще одним арестованным под'езжал к Дому Предварительного Заключения. Я знал что сидевший со мною арестованный совершил единственное преступление: отнес в проходную контору всунутую ему в карман пальто книжку и передал жандарму, и за это его арестовали. Таковы иногда убеждения у жандармов о виновности некоторых лиц. Я знал также, что и другие арестованные столь же мало принимали участия в распространении, как и сидевший против меня молодой рабочий, зато я был уверен, что те, кто распространял на самом деле, те не арестованы и продолжают спокойно спать на своих кроватях. Наконец-то и мы в Предварительном Заключении. Громаднейшее здание внушило с первого же взгляда к себе ненависть, но пришлось поближе ознакомиться с ним и сжиться с его привычками и уставами, а тринадцатимесячное заключение с лишним заставило пережить все волнения, возникавшие за это время. За все это время не пришлось перекинуться ни единым словом ни с одним из товарищей, тут же рядом сидевшими и, подобно мне, одинаково молчавшими, поддерживая гробовую тишину в продолжительные и длинные месяцы. Этим заканчивается мое воспоминание о деятельности в С.-Петербурге за Невской заставой ¹⁾.

---

¹⁾ Рабочий Иван Васильев Бабушкин является деятельным сотрудником в преступной кружковой деятельности последнего, при чем содействовал вступлению Ульянова в руководители этого кружка, посещал сходки, происходившие у Шелгунова, вел сношения с Тахтаревым и Никитиным и, посещая интеллигентов-руководителей на их квартирах, которые не были известны другим рабочим, являлся посредником между ними и интеллигентами и передавал рабочим денежные вспомоществования. ...Обвиняемый Бабушкин на допросе заявил, что будто бы он никого из участвующих в сем дознании лиц не знает и ни на каких сходках рабочих не бывал.... Приговор в окончательной форме: подчинить гласному надзору полиции в избранных местах жительства, за исключением столичных губерний и университетских городов: Ивана Бабушкина — на три года, вменив в наказание предварительное содержание под стражею. (Доклад по делу о возникш. в С.-Петерб. в 1894—95 г.г. преступных кружках лиц, именующих себя «Соц.-Демокр.» Сборник материалов и статей. Изд. Главархива, вып. 1).

Екатеринослав.

В начале весны 1897 г. я поселился в Екатеринославе. После тринадцатимесячного пребывания в петербургской тюрьме проехать свободным человеком, почти через всю Россию, было большим удовольствием, а оказаться в южном городе с началом весны было положительно приятно. Все ново вокруг, и люди совершенно как-будто иные, не те, что остались там далеко в северной столице; суровые тюремные стены не мозолят больше привычного глаза, все дышит свободно, легко, а там—за другой улицей—уже широкая необъятная степь, манящая к себе свободного от работы человека.

По прибытии, я выполнил необходимые формальности, поставив себя под бдительное око местной полиции, при чем имел удовольствие слышать неудовольствие полицеймейстера, обращенное ко мне по поводу избрания мною данного города, и обещание кормить меня не медом, а чем-то другим. Я стал поджидать бумаг из Питера, после прихода каких мне обещали выдать свидетельство на жительство. В ожидании этого я присматривался к местной жизни и заводским порядкам, узнавал о возможности поступления на работу, о заработках; о продолжительности рабочего дня я уже знал, благодаря тому, что поселился в квартире одного рабочего-молотобойца, еврея. Видя, что всюду строятся все новые и новые заводы, я проникся уверенностью, что поступить мне будет очень не трудно, и потому пока спокойно продолжал выжидать выдачи свидетельства.

Спустя недели три, наконец, пришли мои бумаги и за особым № оказались у секретаря полицейского управления, который написал свидетельство и, приложив печать, выдал его мне; я дал подписать его помощнику полицеймейстера и вышел с ним из полиции с надеждою долго не обращаться в это учреждение. Однако, свидетельство оказалось далеко не удовлетворительным и вызывало недоумение паспортистов и квартирных хозяек. Все это доставило мне много хлопот. Мои хлопоты о выдаче настоящего паспорта не увенчались успехом. Пришлось мириться с этим и жить без паспорта.

Еще в самом начале по моем приезде в Екатеринослав я ожидал приезда одного человека, с которым мы условились встретиться на одной из площадей г. Екатеринослава. Напрасно я ходил на эту площадь в условленные дни, знакомый человек не являлся, и я очень жалел о такой неудаче. После оказалось, что он не попал в Екатеринослав, а выхло-

потал себе совершенно иной город. Таким образом единственная надежда встретиться с знакомым человеком одних мыслей совершенно рушилась, а других знакомых — ни единой души, и поэтому не мудрено, что я начал невольно скучать, а к этой скуке присоединилась неудача в поступлении на завод.

Средства начинали истощаться, а впереди—ничего приятного. Вставая утром часов в пять, я отправлялся к какому-либо заводу и уже заставал там громадную толпу безработных людей. Иногда я держался несколько в стороне, иногда входил в самую середину этой толпы и сливался с ней. Большинство, конечно, были приехавшие из деревень, и, главным образом, орловцы. Они имели здесь земляков и надеялись при их помощи получить работу, что в большинстве случаев и удавалось; я часто видел выходящих с работы людей, которые день или два тому назад стояли со мной за воротами завода. У меня никого не было знакомых, и мои обращения к директору или мастеру с вопросом о работе постоянно кончались неудачей.

На другой месяц моего пребывания в Екатеринославе, как-то утром, приходя с ночной смены, квартирный хозяин привел с собой подвыпившего рабочего с завода. Пришедший назвался товарищем и, подняв меня с постели, которая заключалась в тонкой подстилке на полу комнаты, потащил меня на свою квартиру. На этой квартире я встретился с двумя питерцами, попавшими сюда при таких же условиях, как и я. Один из моих новых знакомых был заводской мастеровой модельщик, а другой — фабричный мальчик, но уже в годах (ему был 20-й год). Этот последний мне особенно понравился, как своим простоватым характером, так и теми рассказами, в которых он охотно и с большим увлечением передавал о всех перипетиях известных петербургских стачек и той роли, которую ему приходилось там выполнять. Он первый подробно познакомил меня с широкой волной стачечного движения, прокатившейся по всем петербургским фабрикам, и только тогда я поверил, что начало агитации не было напрасным, и прав был рабочий Максвельской фабрики, когда говорил, что после нового года будет непременно бунт, и, если не произошло бунта, а была стачка, то, значит, мысль рабочих за это время сделала огромный шаг вперед.

А этот простой парень Матюха (назовем его так для простоты) являлся самым типичным представителем массы; он ничего не знал, кроме элементарных понятий, полученных в деревенской школе, и сначала с трудом прочитывал листки, подбрасываемые на фабрике, а потом и сам принял активное

участие в подбрасывании листов и агитировании за стачку. Попавши в высылку, он жалел только об аресте знакомых ему лиц и о том, что это может повредить движению, и весь горел пылом петербургского стачечного воодушевления.

Матюха привлек все мои симпатии, так как я нашел в нем удовлетворение моих живых потребностей в слове и деле. После этого знакомства я почувствовал особую бодрость, и скука совершенно пропала, изредка разве появляясь под влиянием сознания, что я нахожусь без дела. Но меня уверили в возможности скорого поступления на завод, на котором работал человек, разбудивший меня утром на квартире. Позднее я узнал, что из Петербурга выписано несколько рабочих разных специальностей для нужд завода. Выписанные рабочие приехали на свой счет, но никаких особых привилегий на заводе не получили и, будучи, таким образом, одурачены, подумывали о возвращении обратно в Петербург. Не имея денег, они продолжали пока работать, а затем понемногу втянулись в местную жизнь и постепенно стали забывать про Питер.

Познакомившись с земляками и товарищами по мысли, я стал их частенько посещать, приглашая также и к себе, и наделял их книгами из привезенных с собой. Течение жизни пошло живее.

Как-то вечером мне сообщили, что утром я должен пойти на завод сдать пробу. Эта весть была очень приятна. Утром, чувствуя себя очень взволнованным, я отправился на завод с жаждой начать работать. После года и восьми месяцев перерыва в интенсивной работе, я, по понятной причине, волновался и ожидал своей пробы с особым напряжением. Пришел мастер-итальянец, не понимающий ни одного слова по-русски, и товарищ, устроивший мне протекцию, указал ему на меня.

Молча, покуривая сигару, смотрел на меня итальянец, измеряя своим взглядом и делая свои заключения про себя. Минут через десять я получил пробу, т.-е. работу, которую я должен был выполнить насколько мог лучше, дабы, глядя на нее, мастер мог сообразить, насколько я хорошо работаю, и положить, глядя по этому, жалованье. Получивши пробу, я сразу принялся энергично за работу; работать пилой (напильником) по стали довольно трудно. Прошло часа два, и моя работа подвинулась, но, к великому моему удивлению и несчастью, я почувствовал, что выполнить этой работы не в состоянии, и мной сейчас же овладело отчаяние.

Дело в том, что еще до тюрьмы, я продолжительное время не работал напильником, а 13-месячное пребывание в тюрьме окончательно испортило мои руки и сделало их непригод-

ными к работе. Мои руки сделались барскими, трудно на них было отыскать хоть одну мозолилку, а для рабочего мозоли — тот спасающий панцырь, который позволяет безвредно сносить всякие уколы и трение стали об кожу, вызывающие у не-рабочих боли. Не проработав еще и двух часов, я почувствовал на ладони правой руки сильную боль, я старался как можно меньше обращать внимания на это и продолжал работать, однако вздувшаяся мозоль сильно болела и мешала работе.

В этой же мастерской работал только что поступивший бывший петербургский рабочий, сидевший уже 1 год в «Крестах» и отбывший надзор. Он узнал, что я петербургский и притом поднадзорный, только недавно прибывший в Екатеринослав. Перекинувшись несколькими словами, мы поняли друг друга, и я ему передал о моем горе; он посочувствовал и велел бросить работу, но я продолжал работать. Когда лопнула на ладони мозоль и из руки начала сочиться жидкость, я и тут еще не терял надежды довести дело до конца и, обвязав носовым платком руку, продолжал работать. Но все было напрасно: рука потеряла свою силу, напильник приходилось держать несколько иначе, от чего работа могла затянуться. Все же я работал, хотя все сильнее и сильнее чувствовал необходимость бросить работу, наконец, не выдержал и сдался. Я сказал переводчику, чтобы мне позволили кончить пробу спустя дня три-четыре; он передал мою просьбу итальянцу, который понял так, что я испугался пробы и, значит, не могу работать. Догадавшись о его мыслях, я показал руку в доказательство причины, по которой я не могу работать, тогда он поверил и сказал что-то переводчику, который передал мне, что механик просит передать о том, что я слаб для их работы, и потому мне уплачивается стоимость сегодняшней работы, но я им не нужен.

Что я мог возразить против этого? Конечно, ничего, и потому, чувствуя горькую обиду, получил 80 копеек (поденно было отмечено 1 р. 20 коп.) и с отчаянием ушел к себе на квартиру, совершенно упавший духом. «Каким образом, — думал я—поступлю я теперь на другой завод? Ведь там такая же проба заставит натереть новые мозоли, и мне опять будет отказ, как слабому человеку, негодному для заводской работы». Я изыскивал способы добиться мозолей на ладони, но ничего не мог придумать. Моя рука болела недели две; затем я попробовал вертеть ладонью по палке, чтобы натереть мозоли, но это, наконец, надоело, и я бросил.

Как-то, идя по платформе вокзала, я встретил своего товарища по Петербургу, с которым я встречался на общих собраниях петербургских рабочих. Мы обрадовались друг

другу и разговорились; оказывается, живем уже третий месяц в Екатеринославе, а не знаем друг про друга, и только случайная встреча свела нас и заставила вспомнить про наше сиденье в Предварилке и про многое другое. Оказалось, что мы находимся в одинаковых полицейских условиях и в одно время будем ждать окончания полицейской опеки. Поговоривши с ним кое-о-чем, я передал о своем знакомстве с питерцами и обещал как-нибудь его свести с ними; на этот же раз мы встретили рабочего, который познакомился со мной на заводе во время моей неудачной пробы, и мы направились к нему на квартиру. Таким образом оказалось, что нас, петербуржцев, уже трое, и мы скоро сошлись довольно тесно. Наконец, мне удалось поступить на Брянский завод, а знакомый, старый питерец, поступил на маленький заводик мастером и в скорости удалось там же устроить и другого товарища и, наконец, Матюху, так что мы все чувствовали себя довольно хорошо. Скоро мы узнали еще одного питерца, высланного в Екатеринослав на два года и работавшего уже на одном заводе. Часто видаясь друг с другом, мы решили, наконец, устроиться более тесно и для этой цели сняли комнату, в которой и поселились втроем, в том числе и я ¹).

К этому времени у меня произошли недоразумения с мастером, который попробовал стращать меня штрафом, а я заявил, что штрафов не принимаю, и у нас с ним дело кончилось общей схваткой, в результате которой я отработывал две недели. За короткое пребывание на этом заводе я нашел здесь одного хорошего и дельного человека Г. ²). Этот Г. привлекал мое внимание давно, и у меня с ним часто про-

¹) Об этой группе питерских рабочих г. М. Рубач говорит в главе «Первый Екатеринославский Комитет Р. С.-Д. Р. П.» в сб. «История Екатеринославской соц.-демокр. организации 1889—1903 г.». (Изд. Екатериносл. Истпарта 1923 г.):

«Особо важную роль в развитии и углублении с.-д. движения фабрично-заводских районов города сыграла группа питерских рабочих, высланных в Екатеринослав в январе 1897 года. В эту группу входили И. В. Бабушкин, Петр Морозов (Петр Морозов в ссылке в Сольвычегодске занимался под руководством Федосеева), Филимонов, Меркулов, Томигас, Богданов и др. Они, поступив на работу в разные заводы: Брянский, Трубный и др. и имея громадный опыт в организационной пропагандистской работе в Питере, где были виднейшими организаторами питерского рабочего движения, организовали ряд нелегальных кружков и несколько касс взаимопомощи. Они воспитали целый ряд екатеринославских рабочих, которые потом были руководителями не только местного рабочего движения, но и всего Юга России. Это из их кружков вышли твердыми социал-демократами — цвет рабочего класса — Григорий Иванович Петровский, Егор Матлахов и целый ряд других».

²) Григорий Иванович Петровский. Вот как последний характеризует Бабушкина в своих воспоминаниях, помещенных в сб. «История Екатеринославской соц.-дем. организации»:

исходили продолжительные беседы, которые располагали нас положительно жить по-питерски.

В это же время я встретился, через посредство Матюхи, с человеком преклонных лет, с большим семейством, старым работником, хорошим мастеровым, зараженным кооперативным социализмом. Идеалом этого человека было — открыть общественную лавочку, чтобы из нее выросла впоследствии хорошая, прочная и сильная организация, могущая давать средства для борьбы с капиталом. Как и все увлекающиеся люди, этот старичок был увлечен мыслью создать такую лавочку и потому часто говорил со мною на эту тему. Я же задавался целью разыскать все старые силы существовавшей организации и тогда начать что-либо делать, а пока продолжал расширять круг знакомых, что мне легко и удавалось. Воскресенья у меня опять были заняты, я должен был делиться своими знаниями с молодежью, которую мне собирал иногда Г. ¹). Правда, он и сам нуждался во все-стороннем развитии и для этого по вечерам бывал у меня, но тут главным врагом была знакомая мне система сверхурочных часов. Хотя я видел, что Г. физически сильно утомляется от такой работы, но не мог сильно настаивать на непременном оставлении ночных работ, так как он нуждался еще в выучке быть хорошим работником и, кроме того, его заедала семейная обстановка, требовавшая непременной и сильной его поддержки в экономическом отношении. Таков был мой главный помощник в будущем.

Как я уже говорил, месяца три по приезде в Екатеринослав, я ровно ничего не мог делать, за неимением возможности бывать на заводе, а заводить так знакомства не удавалось, да и настроение было не таково, чтобы немедленно броситься в водоворот кипучей жизни. Познакомившись

«Высланный в Екатеринослав из Питера в январе 1897 года, тов. Бабушкин, поступив на Брянский завод, попал в нашу инструментальную мастерскую мостового цеха. Я с ним познакомился с первого же момента. Вскоре он пригласил меня к себе на квартиру, дал несколько книг, среди которых были знаменитые тогда «Углекопы» Золя, «Спартак» и «Кто чем живет».

И дальше:

«Со второго разговора с т. Бабушкиным я полностью оказался под его влиянием».

¹, К этому времени относится самая интенсивная кружковая работа. Первый наш кружок, помню, состоял из Мазанова Павла, Числова, выбывшего теперь совсем из строя, Лавренова и меня. С этим кружком занимался Бабушкин и захватил нас полностью. Прочтение «Углекопы» — Золя, «Спартак» и нескольких нелегальных книжонок окончательно укрепило наше классовое самосознание. (Из воспоминаний Г. И. Петровского, в сб. «История Екатеринослав. соц.-дем. организации», Изд. Екатер. Истпарта. 1923 г.).

с новыми друзьями и начавши жить своей тесной кружковой жизнью, которая была довольно живой и веселой, мы совершенно не заметили, как прошло все лето и наступила осень. Не имея особой работы, я вспомнил петербургские вечера в школе и не вытерпел—записался в вечерние классы черчения и рисования, а за мной и друзья, но это была довольно большая и тяжелая ноша для обремененного человека. Школа была в 40 мин. ходьбы от квартиры, такая прогулка далеко не могла составить удовольствия после дневной суетливой работы. Мои товарищи скоро отстали, и я продолжал один ходить и, может, долго ходил бы, если бы школа была интересной, тогда как она для меня — питерца, избалованного воскресной школой за Невской заставой, являлась далеко не удовлетворительной. При том часто вечером заходили к нам в комнату побеседовать старичок, а потом еще один человек, которого я назову Д. ¹⁾). Этот последний познакомился с нами, уже не помню каким образом, и за последнее время стал посещать нас довольно часто. Он мне, определенно, не нравился, но я, впрочем, этого не высказывал.

С этими-то новыми знакомыми мне и приходилось иногда беседовать. Особенно моими симпатиями пользовался старичок, который, видя неконспиративность нашей комнаты, не очень охотно беседовал и, прощаясь, постоянно приглашал меня к себе. Я заходил иногда к нему, но чувствовал себя у него неважно. Приходишь иногда к нему: он сидит и толкует со своей женой — довольно грузной, сырой женщиной. После приветствия, приглашает меня пройти в переднюю комнату, откуда сурово выгоняет своих детей и затворяет дверь. Когда мы остаемся вдвоем, то говорим вполголоса или шопотом, дабы не только соседи, но и его семейные не могли услышать ни одного слова из нашего разговора. Иногда кто-либо из семейных случайно входил в комнату, тогда старичок ругался, выгоняя их, и запирает на крючок дверь. Беседовали мы с ним и относительно книг, и социализма, и заводских порядков и, вообще, всяких дел; он передавал мне о старом движении в Харькове, где он долго жил и откуда принужден был уехать. От него я узнавал о людях, могущих пользоваться доверием, о лицах, подающих надежды, и людях опасных; словом, я старался извлечь из него возможную пользу. При наших беседах, он часто сообщал о том, как он прячет легальные книги, дабы не заметили, что он, вообще, любит заниматься «этими пустяками».

Разумеется, я видел неспособность этого человека прикнуть к современному движению, да он и стар, чтобы ре-

¹⁾ По словам Г. И. Петровского—это был токарь Дамский.

формироваться, но все же было желательно дать хоть какую-либо работу ему, чтобы не дать совсем заснуть его не глубокой мысли. При случае такие люди смогут оказать услугу движению; при этом, конечно, опасно пойти за ними, нужно, чтобы, хромая и ковыляя, они тащились за тобой, и тогда дело не пострадает. Я именно так и старался поступать со старичком, и дружба моя с ним росла. Вскорости я познакомился еще с одним таким же старичком, только моложе летами, оказавшимся человеком, у которого был план и цель, которые на мой взгляд казались положительно утопичными и никогда не осуществимыми, но разбивать идеал у человека, которому дать другого не сможешь, не стоит.

Так завязывались мои знакомства в Екатеринославе во вторую половину года моего пребывания там. А Д. все продолжал ходить и что-то особенно присматривался к нашей жизни, что меня часто бесило, и я иногда задавал вопрос товарищу: зачем собственно ходит Д. что ему нужно от нас, если он только расспрашивает и ничего не сообщает нам от себя. Если он желает входить в доверие, то пусть и сам постарается быть более откровенным.

Наконец, я решил ему прямо поставить вопрос о цели его посещений, но до этого не дошло.

Как-то раз товарищ сообщил мне о полученной от Д. брошюре, теперь уже не припоминаю, какой именно. Мы решили прочесть эту брошюру сообща, но наша комната была очень неудобна, и мы отправились в квартиру к старому петербуржцу, и, оставшись там одни без хозяина комнаты и квартирных хозяев, познакомились с содержанием брошюры. Это была первая нелегальная вещь, прочитанная нами в Екатеринославе после 6—7 месяцев жизни там, настолько еще слабо было поставлено там нелегальное дело. После этой брошюры появились другие; они мне особенно были нужны, почему я и схватился за них очень цепко. После этого наше знакомство с Д. приняло более дружественный характер, и мы часто делились с ним воспоминаниями о Питере.

Как-то Д. предложил нам собраться и обсудить один вопрос. Я и товарищ охотно согласились и на той же неделе собрались вчетвером в одной комнате, где были поставлены вопросы о желательности сплотиться, о желательности проявить более активно свое существование и приготовиться к собиранию материалов с заводов, касающихся, главным образом, злобы дня. Чтобы не откладывать этого дела в долгий ящик, решили сейчас же приступить к работе. Дальше решили, чтобы всякий не только собирал материалы, но написал бы листок для завода, в котором он работает, и такие листки решено было прочесть на следующем собрании

и, если признаем их годными, то оттиснуть их на гектографе и распространить. На этом же собрании решили, что пока, за неимением большой работы, достаточно собираться втроем; из нас двух выбор пал на меня, и с этого дня, вплоть до благополучного выезда из Екатеринослава, через два года с месяцами, я состоял неизбежным членом таких собраний. Наши собрания стали повторяться довольно часто, и дело всей технической стороны лежало на двух интеллигентах, постоянно являвшихся к нам, как на собрания, так с листками или иными какими делами. Помню, что с самого начала мы отнеслись с полным уважением друг к другу. Я и Д. — рабочие и два интеллигента принимали живейшее участие в нашей организации. Д. являлся уже человеком довольно опытным и работавшим давно, а главное конспиративным и очень аккуратным. Я тоже имел уже опыт Петербурга и знал, как наилучше действовать. Интеллигенты—люди мало выдержанные, сильно горячились, но это могло вредить существенным образом только им, а не нам — рабочим.

Насколько я знаю, до нашей организации, положившей в основу начало широкой агитации по всем заводам, существовала старая организация, которую можно было назвать организацией ремесленного характера и которая ничем особенно ярко себя не проявила ¹⁾. Мы же, раньше чем приступить к активной работе, предначертали программу своих действий, для этого были завязаны связи со многими заводами и даже с находящимся в 30-ти верстах от Екатеринослава Каменским. Происходили правильные сношения с заводами Каменского, готовились отдельные листки, но они приурочивались к одному моменту, т.е. дню, в который листки будут распространены в Екатеринославе.

Еще раньше, чем мы начали агитационную работу, я чувствовал необходимость нанять отдельную комнату, дабы легче соблюдать конспирацию и, хотя в этот момент уже потерял место, все же снял недорогую комнату.

Конец 97-го и начало 98-го г.г. были блаженными временами в Екатеринославе для лиц, распространявших листки. Нужна была только смелость выйти ночью на улицу и, никого не встретив—ни городского, ни дворника, ни провокатора, ни шпиона, которые мирно спали, заняться разбрасыванием листов. Мы хорошо воспользовались этим обстоятельством и благополучно возвращались домой, кой-где иногда встречая ночного сторожа после хорошо сделанной работы.

¹⁾ Очевидно, Бабушкин упоминает тут об'единенную группу виленцев, минчан и витебчан, работавшую главным образом среди городских ремесленников; это подтверждает и т. Лалаянц.

Как-то вечером получились первые листки, предназначавшиеся для Екатеринослава, Заднепра и Каменского. Нужно было в ночь их распространить; нельзя сказать, чтобы их было много, скорее можно сказать обратное, и потому решили добрую половину расклеить. Я передал товарищу, чтобы он приготовился сегодня же вечером пойти со мной на работу не раньше одиннадцати часов.

Порядочный морозец для Екатеринослава скоро прогнал с улиц всякую лишнюю публику, и сторожа стучали изредка в колотушку, давая знать о месте своего присутствия, а постучавши, садились в уголок, чтобы погрузиться в приятную дремоту.

Луна довольно высоко взобралась, когда мы вышли с товарищем, с листками в карманах и с большой кружкой приготовленного клея. Миновали площадь, перешли железную дорогу и очутились в поселке, называемом «Фабрика», населенном рабочими. Осмотревшись и не видя никого, помазали забор, и листок тотчас же плотно пристал к клею. Мы осторожно переходили дорогу, намазывая стены хат и наклеивая листки, потом в разных направлениях положили по листку на землю или воткнули в щели забора. Затем мы продвинулись в другой квартал, где повторилась та же история, только скоро нечем стало мазать, и потому пришлось втыкать листки в щели забора.

Товарищ во время работы распространения и клейки листков сильно волновался и, вообще, чувствовал себя не особенно смелым, но все же продолжал выполнять добросовестно свою работу. Через какой-нибудь час у нас не оказалось ни одного листка, и мы спокойно направились по домам, не обратив, таким образом, ничьего внимания на нашу своеобразную работу.

Утром идущие на работу мастеровые, увидавши валявшиеся на улице листки, подымали или брали с заборов; таким образом, листки скоро были подобраны, и публика начала останавливаться около заборов и читать наклеенные листки. Некоторым листки настолько понравились, что, желая взять их с собой в мастерскую, они старались отодрать листок со стены и порвали, таким образом, большую часть листков, не воспользовавшись сами и не дав возможности читать другим; благодаря этому в дальнейшем мы пришли к заключению, что кленть не стоит, так как довольно много риску, да и медленно идет работа, а толку мало, все равно большую часть срывают. Мы с товарищем взяли только один район, в котором нужно было распространить листки, но кроме нас были еще работники, которые выполняли эту работу в дру-

гих местах, и все же нас было довольно мало, чтобы можно было хорошо и всюду распространить листки...

При самом предположении о необходимости распространения листов был поднят вопрос о возможности распространить листки по заводам, при этом оказалось, что мы сможем распространить их только на двух заводах, тогда как самые большие три завода и железнодорожные мастерские остались бы без листов. Принимая же во внимание, что почти все мы были лица поднадзорные и легко могли навести полицию на след виновников распространения, пришлось употребить тот способ распространения, о котором я упомянул выше.

Полиция узнала о появившихся на улицах листовках только на другой день утром, но в ее руки их попало очень мало. Для первого раза обошлось очень удачно, никто из участников не был замечен.

Так обстояло дело в самом Екатеринославе и на окраинах его, но еще ничего не было известно о Каменском. Наконец, пришло и оттуда очень приятное известие. Это значило, что начало было очень удачным, и понятно, что оно подымало нас выпустить в ближайшее время и другие листки, но мы решили дать успокоиться полиции и аккуратнее посмотреть друг за другом, не водим ли мы за собой шпионов, так как я заметил что-то сомнительное за собою. При внимательном наблюдении я увидел одного простого человека, постоянно шатающегося недалеко от дома, в котором я жил; очевидно, он присматривал за мной, тогда я начал за ним следить и частенько неожиданно выходил из ворот дома и смотрел в его сторону.

Простой человек, в мужицкой шапке, в короткой тужурке или пальтишко, продолжал по дням сидеть или крутиться все на одном месте, по-видимости, не обращая никакого внимания на тот дом, в котором я жил. Чувствуя что-то недоброе, я сообщил, чтобы никто ко мне не ходил, и сам старался высидиваться по целым дням дома, а вечером выходил из комнаты, не гася лампы; на случай, если вздумает кто издали посмотреть в окно, — убедились бы, что я, якобы, дома. Сам же спускался в обрыв по забору, а потом прыгивал и, очутившись сразу на далеком расстоянии от своей улицы, и, зная, что никто за мной проследить не мог, я отправлялся куда мне нужно. Возвращался же домой я обыкновенным путем, так как взобраться вверх по обрыву было очень трудно, но это было не так уже опасно; я часто пользовался этим способом и после. Недели две присматривал за мной упомянутый субъект, но, видимо, дал, кому следует, наи-

лучший отзыв обо мне, и я продолжал спокойно работать и дальше.

Спустя около месяца после первых листков были приготовлены листки для заводов, при чем для каждого завода был специальный листок. Мы были уверены, что они наделают много шума и могут повлечь за собой обыски. Полученные листки были распределены так: одни предназначались для железной дороги, другие — для Брянского, третьи—для гвоздильного, четвертые—для Галлерштейна (завод земледельческих орудий), пятые — для Заднепровских мастерских, кажется, Франко-русских, и последние — для Каменского. В общем, было что-то около восьми разных листков, и каждый отражал всевозможные злоупотребления и беспощадное обирание рабочих на том заводе, куда попадал ¹⁾.

Листки должны были быть разбросаны в ночь и рано утром, и чтобы днем знать о благополучном исходе—каждый распространитель в известном месте должен был сделать знак благоприятный или обратный, если же знака нет—то человек должен считаться арестованным. Знаки ставились мелом в условленном месте на заборе или стене, и при том у всякого был свой знак, чтобы не было однообразия. Этот способ был очень удобен и конспиративен.

Поздно вечером, взявши Матюху, я отправился к одному заводу; спрятавши по дороге часть листков, мы подошли к заводу. Проникнуть внутрь было очень опасно и даже мимо ходить нужно было очень осторожно, дабы не услышала дворовая собака. Подойдя к двух-этажному зданию и перебравшись через решетку, мы очутились у окон здания. Я приподнял Матюху к окну, он растворил форточку и швырнул туда пачку листков. Таким же способом мы продолжали действовать и дальше, и листки были вброшены в три отделения, осталось только два; мы были уверены, что утром они появятся, при помощи самих же рабочих, и в других мастерских. Действительно, как только утром отперли мастерскую

---

¹⁾ В статье: «Екатеринославский Союз Борьбы», помещенной в сборнике «История Екатеринославской соц.-демокр. организации», мы читаем:

«С самого начала своего возникновения „Союз Борьбы“ поставил себе целью вести широкую агитацию среди рабочих на почве ежедневных материальных нужд и потребностей, назревших в рабочей массе. С этой целью „Союз“ завязывал сношения с заводскими рабочими, собирал сведения об условиях труда на заводах и в феврале 1898 г. выпустил одновременно ряд листовок к рабочим 7-ми заводов в количестве 2—3 тысяч экземпляров. В каждом из этих листовок были выставлены наиболее назревшие для рабочих каждого данного завода экономические требования. Были выставлены требования усиления медицинской помощи на заводах, сокращения рабочего дня в субботу и в кануны праздников, как это полагается по закону 2-го июня, повышения расценок, аккуратной расплаты, лучшего обращения и т. п. требования».

и собравшиеся мастерские вошли туда, они сейчас же принялись подбирать листки, валявшиеся на полу, и на верстаках, и через четверть часа листки читались всеми, вплоть до мастера, и хотя до забастовки не дошло, но недовольство было доведено до последней степени.

На другом заводе приходилось разбрасывать листки с большим трудом, благодаря тому, что завод работал целые сутки, и рабочие всюду суетились, препятствуя распространителю, но он оказался настолько терпеливым и сообразительным, что пришлось только руками развести. Отправившись утром на работу и захвативши листки, он спокойно проработал целый день. Когда в семь часов все собрались домой, он тоже собрался с другими, но не вышел за ворота, а прошел к тому месту, где рыли артезианский колодезь, и, спустившись в него, сел на лестницу и сидел там целых пять часов до двенадцати ночи, когда останавливалась машина на ночной обед для рабочих; затем наш добровольный узник осторожно поднялся кверху с приготовленными листками и ждал момента, когда погасят электричество. Этот момент был самый ценный, ради которого он сидел пять часов в яме. Сейчас же после остановки машины, приводящей в ход мастерские, останавливалась электрическая машина для смазки. Лишь только электричество погасло, как товарищ выскочил из ямы и вбежал в мастерскую, быстро разбросал листки, рискуя наткнуться на какую-либо вещь в ночной тьме. Затем он вышел из мастерской и бежал в другую или же вбрасывал листки в разбитые стекла, а потом торопливо помчался к намеченному месту в заборе и уже при электрическом свете перепрыгнул через забор и оказался вне опасности, никем не замеченный.

Электричество гасится на время от трех до пяти минут, и в это время рабочие спокойно сидят на верстаках или на чем другом, не соображая ничего о торопливо идущем человеке, бросающем бумагу; когда же появляется свет, то всякий хватается лежащий на полу или верстаке листок и принимается за чтение его. В это время виновник, перескочивши через забор, разбивал стекло в контору, совал туда листок и уже после этого спокойно приходил домой и ложился спать. Утром, придя на завод, он читал этот листок, как новость завода. Такой способ употреблялся часто.

Ночью все власти спят, и листки отбирать приходят только утром, когда их на заводе остается очень мало, когда они попали частью в хохлацкую мазанку, в Кайдаки или Диевку, или же на Чечелевку, так что полицейским иногда приходилось довольствоваться тремя отобранными листками, что,

конечно, не могло парализовать производимых этими листками действий.

Точно так, приблизительно, подбрасывали листки и на других заводах, и везде обходилось очень удачно, не вызвав никакого подозрения на виновников. На этот раз листки произвели сильное действие, о них знали все рабочие, знала заводская администрация, знала жандармская и городская полиция, но никто из них не знал виновников распространения, и это ободряло нас на продолжение дальнейшей работы таким же путем. На всех заводах между рабочими пошли слухи о скором бунте; рабочие приободрились, благодаря этим листкам, тогда как администрация, наоборот, поубавила заметно свою спесь.

Помню, что на Каменском заводе в разбросанных листках требовалось учреждение больничного покоя при заводе, и на другой же день был вытащен из циркули фельдшер и помещен при заводе; там же требовалось устроить двое выходных дверей—и это было также удовлетворено; было еще какое-то требование—и тоже удовлетворено. Местный пристав (очевидно—становой пристав) вообразил, что должна произойти какая-то стачка и, не зная, чего, собственно, хотят рабочие, он схватился за листок, в котором были выставлены требования, каковые безо всякой просьбы со стороны рабочих были тут же удовлетворены. На некоторых заводах точно также было удовлетворено много требований ¹⁾.

Обычно всякая заводская администрация старается уверить всех о самых наилучших порядках у них на заводе, о довольстве рабочих условиями работы и т. п. И вдруг такое разоблачение безо всяких замалчиваний о разного рода злоупотреблениях! Рабочие, прочтя в листке то, что было на самом деле, и видя наглядно справедливость указаний, проникались желанием положить конец хоть части безобразий. Словом, стоячее болото начало рябиться, так что можно было ожидать сильного волнения.

Странно было слышать толки рабочих о бунте, совершенно противоположные листкам: в листках говорилось очень ясно о нежелательности бунта, который ничего не принесет рабочим кроме вреда, между тем, прочтя листок, рабочий тут же говорит: ведут бунт устраивать. Настолько еще сильны старые традиции борьбы: рабочие еще не предста-

¹⁾ В статье «Екатеринославский Союз Борьбы» (сб. «История Екатеринославской соц.-дем. организации») говорится по этому поводу:

«Листки эти произвели на рабочих благоприятное впечатление, которое еще больше усилилось тем, что на некоторых заводах администрация, опасаясь стачек, поспешила исполнить некоторые из требований, выставленных в листках».

вляли себе возможности стачки без того, чтобы не был побит какой-либо мастер или разгромлена контора. Прислушиваясь к разговорам и входя непосредственно в круг обсуждаемых вопросов, не приходится слышать упоминания о какой-либо стачке, тогда как всякий рабочий расскажет какое-либо воспоминание о бунте и, если при том упоминается о произведенных репрессиях со стороны начальства, то это не производит никакого действия. Такие разговоры всегда заканчиваются невысказанным желанием устроить хороший бунт. При этом, конечно, вспоминают о каком-либо вожаке, которым искренно восхищаются. При таких обстоятельствах, понятно, у массы самопроизвольно идеализируется не стачка, о которой она ничего не знает, а бунт, так как этот способ протеста понятен для каждого.

Листки заставили шевелиться заводскую публику, а у меня прибавилось работы. Во-первых, пришлось собирать больше материалов для новых листков, а во-вторых, нужно было заниматься с моими знакомыми в Кайдаках часто по вечерам. Молодая публика не особенно хорошо усваивала мои мысли и иногда истолковывала мои речи совершенно превратно, один только парень понимал меня так, как и должно быть. Они просили ходить почаще и даже пытались снять отдельную комнату для занятий. В этой группе мне пришлось столкнуться с двумя человеками, близкими к народничеству. Самым сильным и влиятельным аргументом в споре они могли выставить лишь какую-либо фразу Михайловского. Из литературы ценили «Русское Богатство» и вообще ту литературу, против которой я и сам никогда ничего не имел, но выводы из прочитанного они делали самые нелепые, и потому мне приходилось частенько пускаться в критику их неправильных воззрений и даже указывать на то, что они и самого Михайловского понимали недостаточно правильно. Больше всего возмущала меня их заскорузлая система распространять свои взгляды чисто поповским способом, не терпящим ничьего вмешательства. Они сердились чорт знает как, если какой-либо молодой человек начинал выходить из-под влияния. Больше всего они злились на Г. ¹⁾, который, якобы, старается совратить молодых людей на путь ужасных, социалистических и революционных воззрений, и если человек заражался все же этими воззрениями, то они отвертывались от него и при случае подставить ему ногу—считали далеко не бесполезным делом. Работал один из народников на Брянском в механической мастерской, получал приличное вознаграждение, имел собственный домик

¹⁾ Г. И. Петровский.

и жил довольно недурно. Поэтому, видимо, неохотно проникался настоящим социализмом и старался толочь в ступе воду. Я не раз пытался узнать их точные взгляды и нечто вроде их программы, но никогда ничего добиться не мог, только разве что узнал, как они стараются развивать своих хлопцев.

— Раньше чем читать «Спартака», нужно изучить историю Греции, тогда ты в состоянии будешь понять и этот роман,— говорил один из народников молодому мастеровому по поводу чтения им «Спартака». Вообще они сильно напирали на естественные науки, и я, просматривая книги, полученные от этих господ, видел чаще всего или сборник арифметических задач, или курс грамматики, или что-либо в этом роде. Когда же молодежь спрашивала книгу посерьезнее, то ей отвечали, что это еще преждевременно, нужно, мол, раньше географию, арифметику, грамматику знать, а потом уже браться за серьезные книги. После этого понятно будет, почему молодые люди постоянно жаловались на своих руководителей и неохотно штудировали даваемые им книги.

Конечно, нельзя отрицать хорошей стороны и в учебнике, но это должно было быть пройдено в школе, а не тогда, когда человек желает понять суть его социального положения или интересуется рабочим движением. Все же немало было случаев, когда ученики народников забрасывали своих учителей, но не могли отдаться целиком рабочему движению, где требуются жертвы, так как они воспитывались своими учителями в эгоистическом духе копеечной выгоды, тогда как социалистическое мировоззрение требует отказаться от всякой копейки и даже стремиться к осуществлению уничтожения всякой копейки. Помню рассказы товарища, как один из упомянутых народников преследовал его, когда он входил при случае в мастерскую поговорить о ком-либо или воспользоваться случаем и попропагандировать какого-либо знакомого. Бедняге приходилось иногда пускаться на разные ложные приемы, лишь бы только обмануть своеобразное шпионство ретивого народника. При разговорах с народником этого сорта мне постоянно приходила на память фраза петербургского товарища N 1), сказанная по отношению одного рабочего либерала в Петербурге:

«Как либерал, он ничего, очень хороший человек, но как рабочий социалист—он порядочная свинья». Это же самое можно сказать и про этих господ, перефразировав только первую часть фразы. И таких-то господ иногда русские жан-

---

1) В. А. Шелгунов.

дармы преследуют и даже карают! Это только показывает, что полиции и жандармерии всякий пень чортом кажется.

Я решил не входить ни в какие отношения с упомянутыми народниками и просил товарищей не говорить им обо мне, дабы они меня не знали. Я опасался возможности распушения про меня разных слухов, благодаря которым мне трудно было бы остаться неизвестным. Пользоваться же известностью при современных русских условиях очень опасно, что, конечно, я отлично понимал и, оставив в стороне народников, конечно, имея постоянно за ними особое наблюдение, начал похаживать на Кайдаки, где собирались тамошние хлопцы. Пробыв там часов до двенадцати, до часу ночи, я отправлялся домой, провожаемый несколькими чело-веками до какого-то яру, откуда я сам направлялся к Днепру, ежась от сильного пронзительного ветра и мороза и держа наготове небольшой кинжал, так как ходить в таких местах не безопасно, в чем я раз убедился, когда у меня отобрали деньги и еще какую-то вещь. Знакомство на Кайдаках позволило мне потом пустить листки там, где они раньше не появлялись и где они потом не прекращали появляться до самого моего прощанья с Екатеринославом, и уверен, что и после этого.

Настала весна 98 года и мы остались сиротами. Уже вскоре после появления первых листков началась сильная слежка за нашими интеллигентами, и им следовало бы расстаться с этим местом, но, видимо, они были совершенно иного мнения и твердили нам, что за ними никто не следит и продолжали посещать нас и готовить все новые и новые листки для распространения.

Как-то раз у нас была назначена встреча по поводу какого-то вопроса или получения листков. Мы пришли с товарищем в назначенное место, но никого не встретили из своих и только заметили стоящего на углу улицы незнакомого человека. Не обратив особого внимания на это, мы остановились и начали беседовать. Мы стояли на площади довольно долго, и стоявший на углу человек начал подозрительно присматриваться к нам. Обратив на него внимание, мы начали обсуждать вопрос, не шпион-ли это стоит. Я пошел прямо на него, желая посмотреть ему в физиономию. Заметив это, он пошел вдоль улицы, но вскоре свернул в один двор, где и скрылся; дойдя вплотную до ворот этого дома и никого там не заметив, я вернулся и сообщил товарищу, что, очевидно, это случайность, и мы продолжали стоять на безлюдной площади, уже волнуясь и обижаясь на неаккуратность товарищей. Наконец, товарищ пришел, а вскоре за ним явился и интеллигент. Когда нас собралось

четверо и мы приступили к обсуждению какого-то вопроса, то темная личность выросла опять поблизости нас и начала нагло и суетливо бегать вокруг нас. У нас появилось сильное желание спровадить на тот свет шпиона, но ни у кого не оказалось револьвера, тогда как он, видимо, был вооружен. Решили пустить в ход холодное оружие, и все двинулись к нему. Догадался-ли он об угрожавшей ему опасности, или просто думал, что мы будем пересекать площадь, но направился вдоль этой площади довольно скорым шагом. Когда он был довольно далеко от нас, мы круто повернули, быстро прошли часть улицы, а потом перепрыгнули через забор и, пройдя на другую улицу, опять перелезли забор и попали на железнодорожный двор, где среди массы вагонов трудно было проследить за нами. Таким образом, наше собрание прервалось, и мы, перекинувшись наскоро о деле, получили листки и разошлись по своим квартирам. Это было последнее свидание с интеллигентом, так как, как потом оказалось, за ним следили по пятам, и указанная темная личность пришла специально за ним из города. Когда же интеллигент спрятался в пустой товарный вагон, шпион сообразил, что должно произойти свидание на указанном месте и остался поджидать в надежде выследить кого-нибудь из рабочих. Этого ему не удалось, но зато интеллигента жандармы скоро из'яли из обращения.

Припоминая этого интеллигента, могу сказать, что человек он был преданный и слепо верил в скорое осуществление своих взглядов.

Помню, как-то ночью, когда я провожал его домой, мы встретились неожиданно с Д. Кругом нас ни души: опасная часть города не часто видела прохожих в такие поздние часы, поэтому, спокойно расположившись на мостике, мы повели довольно оживленный разговор о нашей работе.

Нас покрывала ночная мгла, и только вдали обширное зарево Брянского завода ясно и внушительно говорило о необходимости работы. Интеллигент, увлекшись, заявил, что еще года три—много—четыре нашей работы—агитацией, и весь этот строй развалится.

Я мысленно ухмылялся наивности увлекающегося интеллигента, этого горячего, не глубокого человека—социалиста, но готового жертвовать собой без остатка, ради своих идей. Все же не хотелось разуверять его, он был ценным человеком для Екатеринослава, он первый начал работать агитационным путем и первый принес листки—долженствовавшие показать и сказать массовым рабочим о их тяжелом житье и вселить жажду революции в их забитые головы. Кажется, продолжи-

тельное тюремное заключение впоследствии совершенно расшатало умственную систему этого пионера.

Итак, он был арестован, были арестованы и еще некоторые интеллигенты, но из рабочих никто арестован не был. Поэтому, хотя поражение было чувствительно и для нас и для дела, но никоим образом эти аресты не могли отразиться более глубоко на работе в массах, так как вожаки—рабочие были целы. Дела шли довольно хорошо, и день-от-дня круг участников распространения литературы расширялся и расширялся, но я несколько забегаю вперед.

Как было упомянуто мною, при самом начале распространения листов, употреблен был способ расклеивания таковых по заборам около проходов и углов, однако полиция вскоре обратила внимание на это, и пришлось этот способ видоизменить. Помню, как-то раз ночью был порядочный мороз, под ногами хрустел снег, когда я и мой товарищ вышли из квартиры с карманами, набитыми сложенными в три угла листками. Мы направились по одной улице, в которой бросили три или четыре листка, потом, дойдя до последних улиц, пошли по двум параллельным улицам, раскидывая по дороге листки, при этом приходилось довольно часто переходить с одной стороны улицы на другую. Наконец, при окончании улицы, мы сошлись и пошли по направлению к Брянскому заводу, стараясь по возможности бросать листки на все тропинки, ведущие к заводу. Пройдя довольно много, мы свернули и, перейдя железную дорогу, пошли в другую местность, и, потом идя отсюда, опять бросали листки, так как путь шел к заводам. Пройдя около забора и побросавши тут, поднялись опять на железную дорогу, прошли под вагонами стоявшего у семафора поезда, и опять на дороге побросали листки. Когда мы увидели, что карманы наши опустели, то повернули обратно и, миновав завод, прошли к очень людной тропинке, ведущей на завод, на которой и посеяли остатки листов. Нас было двое, но мы постарались раскинуть листки на столько путей, что они поневоле должны были попасть на каждый завод. Раскинувши, таким образом, листки и оставшись совершенно чистыми, мы спокойно возвращались по домам, сделав в известных местах на заборе, по соответствующему знаку мелом, для того, чтобы днем заметили эти знаки свои люди и поняли бы, что в таком-то месте все обошлось благополучно, а следовательно, можно пойти к такому-то на квартиру. Утром, являясь на завод, каждый из нас слушал рассказы и толки о листовках.

Интересно, как люди были склонны преувеличивать происшедшее за ночь. Многие толковали, что, мол-де, очень много «их» работает, если в одну ночь всюду появились

листки, и при этом, конечно, слышались разные толки о могуществе и силе «этих людей», их смелости и т. п., что, мол, если и заметить, что они распространяют, то лучше уходи от них, а то они могут прямо убить. Все это выслушивалось с большим вниманием. Впоследствии распространители действительно брали с собою револьверы.

Находя на улице листок, рабочий не подвергался никакой опасности и приносил на завод, где и прочитывали его. Если первое время трудно было подметить, какое впечатление производит листок и что толкуют рабочие, так как было малое количество активных участников, то зато потом на это обращалось особое внимание, и всякому вменялось в обязанность по возможности прислушиваться к толкам и обо всем сообщать в комитет. Кроме того, каждый активный должен был, по возможности, знакомиться и ходить в гости к рабочим, ничего общего с революцией пока не имеющим, для того, чтобы собирать как можно больше точных сведений о заводе.

После трех или четырех листов, распространенных на Каменском заводе (в 30 верстах от Екатеринослава), рабочие, распространявшие этого рода литературу, навлекли на себя подозрение. И вот как-то в воскресенье приезжает ко мне сначала один из распространителей, потом еще один и сообщают о своем намерении бежать в Австрию, где гораздо лучше и свободнее, нежели в России.

Я очень жалел, что люди уезжают в то время, когда как раз начинается работа и всякая сознательная единица очень важна и дорога, когда ничего твердого еще нигде не поставлено, а тут люди как-будто бы, ради только своего «я» стараются улепетнуть — это было очень досадно.

С другой стороны я опасался, что их могут действительно арестовать, а это значит — дать лишний козырь в руки жандармов. В то же время приятно было избавиться от жандармов, отправив этих людей из Екатеринослава и, таким образом, обойти чудовищного врага, открывшего пасть на свою жертву. Я убедительно просил моих каменских товарищей сообщить мне о благополучном миновании русской границы. Они обещали мне это, и я, действительно, вскоре узнал о благополучном прибытии их в один австрийский город, где они вскоре же получили работу. Эти товарищи, уезжая, оставили нам связи, и после их отъезда появление листков продолжалось так же правильно, как и раньше. Это были первые товарищи по революционной деятельности в Екатеринославе, с которыми мне пришлось расстаться. Вскоре после этого случая пришлось расстаться еще с одним другом, с которым мы распространяли по ночам листки и который сидел иногда

в яме колодца. Так складывались обстоятельства, что лишь только где начинается движение, как вскоре же приходится терять товарищей, с которыми пришлось поработать и сойтись по душам.

После этого вскоре мы потеряли несколько интеллигентов, которые до сих пор являлись нашими вдохновителями. Но к чести интеллигенции нужно сказать, что все время она ничего почти самостоятельно не предпринимала раньше, чем не посоветуется с нами, и потому то новое дело у нас так удачно шло и развивалось; за все время между нами не произошло почти ни одного разногласия, это очень важно везде и всюду при начинании такого дела, и это необходимо заметить. И вот приходится терять такую интеллигенцию, которая до сих пор выполняла самую важную работу.

Нужно ли говорить, что это тяжело отразилось на нас, но это еще тяжелее отразилось на деле агитации; некому было выполнить даже технической стороны этого дела, особенно это почувствовалось в недостатке листов, так как составление и редакцию таковых мы, конечно, не смогли выполнить сами. Как несчастье после какого-либо обвала, засыпавшего людей, не позволяет долго обдумывать особых приспособлений для отыскания их, а заставляет скорее схватить лопату и рыть, рыть без усталости, без конца, до тех пор, пока не удастся отыскать живых или мертвых тел, так точно и нам некогда было обсуждать наше положение, и нужно было по возможности скорее принимать наследство.

Товарищу Д. пришлось устраиваться со складом литературы, хотя таковой было не так много, но тем более она была ценной для нас, тем более мы должны были ее хранить настолько возможно тщательнее и осторожнее. Д. нанимает квартиру за два рубля и привозит на эту квартиру литературу в корзине, ставит под кушетку (род деревянной кровати), а сам на другой день уходит, говоря, что ему нужно отправиться по своей службе в отъезд, на самом деле он уходит на ту квартиру, где постоянно живет и откуда не думает уезжать, а на квартиру с литературой он стал ходить один или два раза в неделю, переночевать, дабы не заподозрили чего-либо, или же специально за литературой.

В то же время приходилось искать себе помощников, так как работать вдвоем было очень трудно, да и жутко было брать на себя столь сильную ответственность в руководстве и наставлении больших тысячных масс. Насколько помнится, листки у нас выходили в то время, но уже активность со стороны интеллигенции была в это время очень незначительна.

Не говоря о том, что листки приходилось полностью редактировать мне и Д., но очень часто Д. приходилось писать

оригиналы для гектографа и печатать листки. Мы же должны были руководить и распространением этих листков, но это было легче, так как у нас была очень сильная и серьезная поддержка среди рабочих; достаточно было передать листки, а там распространят и помимо нас.

Наша работа пошла энергично вперед и начала пускать свои корни все шире и глубже.

Нам удалось привлечь к нашей работе двух совершенно новых лиц и образовать, таким образом, довольно тесную группу людей, задавшихся целью руководить всем движением города Екатеринослава, издавать листки по самым различным поводам, отвечая на все вопросы, возникающие на заводах. И наше слово претворилось в дело. Мы готовили листки в большом количестве, и они массами оказывались у рабочих и на центральных улицах Екатеринослава.

Помню, что у нас происходило одно собрание по поводу какого-то вопроса. Как и всякое собрание того времени, оно происходило на воле, где-то за городом. Помню, мы все собрались и ждали запоздавшего товарища. Говорили о разного рода вопросах, сообщали кой-какие слухи и начали беседовать по поводу сегодняшнего собрания, а товарища все нет и нет. Нам надоело ждать, но все же, не зная причины отсутствия, мы теряли всякое терпение и почти решили разойтись. В это время товарищ появился, мы встретили его далеко не ласково и начали сурово допрашивать о причине его запоздания, он же отвечал как-то отрывисто и вообще чувствовал себя очень возбужденно. Наконец, он пообещал сообщить нам кое-что особенное, что сильно нас порадует и порадует всю русскую землю и всех русских рабочих. Он видимо составил план, как бы подействовать сильнее на нас. Мы молча слушали его и ожидали, когда он скажет суть самого главного, и что, наконец, это самое главное? Наконец, он торжественно объявил, что все «Союзы Борьбы за освобождение рабочего класса» слились в единую партию, и названа она «Российской Социал-Демократической Рабочей Партией». Он вынул выпущенный по этому поводу манифест от Партии, который мы сейчас же прочли стоя, в честь Партии ¹⁾. Тут же на собрании мы объявили себя «Екатеринославским Комитетом Рос. Социал-Демократической Рабочей Партии». Признаюсь, меня порядком удивило то место в манифесте, где говорилось о представителе на съезде от г. Екатеринослава, между тем как я знал, что у нас не было такого интеллигента, которого можно было послать на

¹⁾ Интеллигентом, объявившим о состоявшемся I съезде партии, был И. Лалаянц.

с'езд. И на прежних собраниях не было ни разу упомянуто о человеке, который мог бы туда поехать. Все это довольно неприятно и тяжело подействовало на меня. Мне было ясно, что тут была допущена неправильность со стороны интеллигенции, которая, послав представителя от города, поступила неправильно и даже преступно против рабочих, так как она рабочим даже не заикнулась о представительстве на с'езде. Это в глазах внимательного рабочего, принимающего участие в движении, не могло не вызвать некоторого пренебрежения к такого рода приемам. Нужно было быть действительно преданными делу, чтобы не подымать по этому поводу споров и не потребовать отчета; притом же мы, назвавшие себя «Екатеринославским Комитетом», даже и теперь не видели представителя, объяснившего бы нам суть с'езда, но дисциплина была так сильна, что и после этого ни разу не подымался вопрос об этом ¹⁾).

Как-то вечером, сидя у себя на квартире с Г., я неожиданно был приятно удивлен. В комнату, в сопровождении одного петербургского товарища, вошел П. А. Морозов, вернувшийся из ссылки в Вологодской губернии. Конечно, как старые друзья, мы скоро сошлись с ним почти во всех вопросах. Принимая во внимание, что П. А. был человек очень развитой и бывалый, выдавший много разных людей, разные способы работы, а следовательно, могущий во многом нам помочь, я решил, что его следует ввести к нам в Комитет. Такое свое желание я передал другим и получил согласие всех. Оно и понятно, так как нам тогда были страшно нужны люди, бывшие уже в работе, имевшие богатый опыт деятельности и могущие несколько помочь нам в редакторстве разных листков. Всем этим требованиям П. А. Морозов отвечал как нельзя лучше и значит являлся самым желательным человеком. Он был принят членом в Екатеринославский Комитет.

Перед тем как встретиться с П. А. Морозовым и до того, как Екатеринославская группа «Союза Борьбы за освобождение рабочего класса» переименовалась в «Екатеринославский Комитет», у меня велись усиленные переговоры за Днепром в мест. Нижнеднепровске с моим старичком, который уже переехал в те края. Часто я отправлялся туда вечером или в воскресенье, и мы устраивали у него собрания вдвоем или втроем; наши собрания не носили революционного ха-

---

¹⁾ Делегатом от Екатеринославского Союза Борьбы на I с'езде был Петрусевич. По возвращении со с'езда в Екатеринослав, он успел сделать краткий доклад лишь одному члену Комитета, И. Лалаянцу, по приходе от которого домой он был тут же арестован.

рактера, тем не менее они были конспиративными и происходили очень тайно, так что никто из обитателей квартиры не смел входить в комнату, в которой мы заседали. Конечно, я руководствовался или мною руководила мысль чисто революционная...

Мой старичок давно носился с мыслью основать кооперативную лавочку. Он был уверен, что дело быстро пойдет в гору и таким способом удастся собрать порядочную сумму, которая нам даст возможность двинуть сильнее дело революции вперед. Я уже был знаком в то время с деятельностью кооперации, особенно с Брюссельским народным кооперативом, и это, конечно, позволяло мне надеяться, что возможно поставить дело удачно, и тогда можно будет извлекать из кооперации средства на революционную работу. Не могу сказать, чтобы я не увлекался этим делом.

План старичка был—открыть мелочную лавочку около завода и, следовательно, покупателей у нас будет достаточно, особенно, если постараемся тем или иным способом сделать ее популярной; затем он уверял, что с торговым делом он знаком и потому ручается, что никакого ущерба мы из-за лавочки нести не будем, а в крайнем случае, если произойдет какая-либо неудача, то не бог знает, какие мы потеряем деньги на этой лавке. Мы решили вычислить, как можно точнее, сколько процентов риска и сколько процентов, подтверждающих наши планы. У нас было несколько собраний чисто интимного характера, и, когда вопрос об устройстве данной лавочки был уже решен, то и тогда никто об этом не узнал. Как-то на одном из таких собраний мы решили данный вопрос окончательно. Оставалось только собрать часть денег на первое обзаведение; хотя лавочка предполагалась небольшая, все же цель ее создания—добывать средства, а если не будет денег на покупку необходимых товаров, то план наш положительно рушится. Я оказал давление на своих товарищей, чтобы дали по пять рублей на создание одного учреждения, это с моими собственными деньгами дало мне всего пятьдесят рублей. Пришлось просить одного из наших, имевшего около двухсот рублей, чтобы он ссудил нас, хотя бы под вексель. Человек он был не особенно преданный, но под вексель старичку дал 100 или 150 рублей, точно не помню.

Старичок и еще двое, кроме меня, принадлежали к какой-то организации. Повидимому, эта организация возникла на почве экономической борьбы, и когда некоторые члены ее были арестованы, то привлекались как уголовные. Вина их была в том, что они побили кого-то из администрации. Для ведения их дела и для помощи им была собрана сумма, по

тогдашним временам, довольно порядочная. Остаток от этой суммы составлял 30 руб., каковые пока расходовать было не на что (арестованные были высланы на родину), а потому решили пустить их в оборот с условием, чтобы можно было получить одну треть при первой же потребности на помощь арестованным за распространение листовок или за участие в кружке. Эти деньги решили, как я сказал, пустить в оборот лавки. Всего денег собралось около 200 рублей, но потом еще прибавилось около полсотни, и с этими-то деньгами мы решили пуститься в плаванье по коммерческому морю.

Юридическим хозяином был избран старичок, он должен был ведать не только лавкой, но положительно всеми делами этой лавки. При получении денег он должен был выдавать векселя, как гарантию от какой-либо случайности. Таким образом в самом начале была установлена юридическая обеспеченность собранной суммы. Затем старичок обязывался давать периодически правильные отчеты контролеру как за книгами по торговле, так и за количеством наличности товара. Контролером в этом роде был избран я, а следовательно, на меня ложилась порядочная доля ответственности в этом предприятии. Было решено периодически устраивать наши общие собрания, где бы мы знакомились с делом и, смотря по обстоятельствам, предпринимали то или иное решение. Решили также, что лавочку открываем пока на три месяца, по истечении которых наше общее собрание должно решить, быть или не быть лавке. И, наконец, что каждый обязуется приискивать покупателей, но стараться в долг никому не давать.

После этого собрания, получивши деньги и общее согласие, наш доверенный приступил к поискам подходящего помещения, какового долго подыскать не удавалось — это было начало наших разочарований; главная причина состояла в недостатке материальных средств. Помещения находились, но с условием на год за сумму 250 и 300 рублей. Взяв во внимание, что при таком помещении можно жить с семейством, занимая порядочный дом, это было довольно выгодно и очень удобно, так как можно было расширять постепенно торговлю. Однако, при всем нашем желании это для нас было положительно невозможно из-за недостатка наличности средств, и на это приходилось смотреть, как на приятное будущее. Спустя месяц, было нанято помещение в базарной местности за 18 рублей в месяц, но условие заключено на полгода, и плата—за три месяца вперед. Пришлось согласиться на эти условия при невозможности подыскать более выгодные условия, и тут же пришлось израсходовать почти одну четвертую всего нашего капитала; дальше

приходилось выправить торговые свидетельства, а за ними шли всевозможные мелкие расходы, очень быстро уменьшавшие наши средства. Когда все это устроили, то пришлось закупать товар на наличные деньги, каковых у нас была ничтожная сумма, и они-то должны были приносить нам доходы. Тут уже сразу разрушались всякие надежды на особую помощь от лавочки, но затраченные деньги требовали наших усилий, надо было как-нибудь их потом вернуть.

Помню, как то в воскресенье отправился я поздравить нашего фиктивного хозяина с открытием лавки и подробно осмотреть ее внутренний вид. Помещение было достаточное, место очень бойкое, покупателей много, хозяева, как-будто очень солидные, беда только, что почти нечем было торговать: за каких-либо полчаса в моем присутствии отказали четверем или пяти покупателям по тем соображениям, что пока, мол, еще не купили этих товаров. И верно, расставленные по полкам ящики были совершенно пусты, кое-где торчавший товар был в самом ничтожном количестве, одна стена была совершенно пустая и в ней не было вбито ни одного гвоздя. Несколько бумажных мешков заключали в себе по два—по три фунта разных круп, четыре-пять стеклянных банок, на вырубке содержали сласти, конечно, не в большом количестве, тут же висело два фунта колбасы и только за дверями на крыльце лавки был целый боченок сельдей, да порядочная связка тарани, там же лежал хлеб и еще кое-что для деревенского покупателя хохла. Мое впечатление было довольно тяжелое, и только сообщение о сумме, на которую торговали первые дни, позволило надеяться на благоприятное будущее. Узнав, на сколько куплено всего товара и сколько находится денег, в чем больше чувствуется недостаток, и чего купят на первую выручку, я собрался уехать в город, забрав, конечно, всего, что можно купить в нашей лавочке для своих потребностей, но и тут меня просили кое-чего не брать, а оставить для какого-либо местного покупателя. Таково было наше кооперативное начало и, хотя начало было самое неудовлетворительное, все же я был того мнения, что такая лавочка возможна в каждом городе. Только одно было плохо, что у нас нет возможности объявить такую лавочку кооперативной, и данная наша лавочка окружена со всех сторон конспирацией, что само собой не могло ей служить на пользу, притом открывать такую лавочку с такими средствами никогда не следует, если только не частным образом. Нужно сказать, что хотя и ничтожная лавочка, а она требует присутствия в себе человека не меньше, чем в продолжение 14—15 часов, и, поставив человека, мы обязаны были ассигновать ему известное вознаграждение; при нашей бед-

ности все же мы назначили десять рублей. Следовательно, минимальный расход доходил у нас до 30 рублей в месяц: помещение — 18 р., услуга — 10 р., сторожу — от 60 коп. до 1 руб., затем освещение и непредвиденные расходы, а товару всего на 60—70 рублей.

Хотя я жил в восьми верстах от лавочки и никуда по ее потребностям не ходил, все же она отняла у меня довольно много времени, когда оно страшно дорого было для революционной работы. Приходилось ценить жертвы с этой стороны, тогда как ранее я никогда не обращал внимания на время. Наконец товарищ Д. стал прямо указывать мне, что я слишком много времени расходую для лавки, когда оно так дорого. Жалея время, я все же должен был являться туда хоть раз в неделю и выслушивать все растущее и растущее сетование на холодное отношение к этому учреждению даже самих учредителей и что, мол, человеку в преклонных годах очень тяжело вести это дело. В словах такого рода я отлично видел упрек себе и, поэтому, говорил прямо о невозможности отдавать больше свободного времени для нашей лавки в ущерб революционной работе, а если и другие не помогают, то поправить дело очень трудно и уходил, не сделав даже особой проверки, чувствуя в этом сильное оскорбление для человека, руководившего этим делом; я же просто верил в его честность.

Революционная деятельность шла своим порядком довольно правильно. У нас также систематически происходили собрания, выпускались изредка листки, прибавилась и другая литература.

Приходится вернуться опять несколько назад.

После провала мы, как я говорил, взяли к себе и склад литературы, но способ, которым мы хранили, был довольно рискованный и очень неудобный, поэтому мы с Д. начали придумывать новый план хранения, и в конце концов решили передать корзину Г., который бы хранил у себя. Об этом я с Г. говорил уже раньше, и мы решили вырыть под домом большую яму, куда можно было бы спустить эту корзину. Конечно, никто об этом не должен был знать.

Решили действовать. Я стоял у ворот проходного дома, поджидая извозчика с корзиной и Д., при этом, конечно, пришлось испытать своеобразное чувство тревоги. Но вот показался на углу извозчик с Д. и корзиной, ехавшие довольно тихо. Извозчик остановился, Д. начал расплачиваться, а я, взваливши на плечи корзину, отправился через проходной двор на другую улицу, а потом и на третью, где у дома уже поджидал меня Г., который взял корзину, и мы

вместе вошли в квартиру, заперлись в комнате и принялись знакомиться с содержимым корзины. Хотя склад был довольно бедным, но я все-таки нашел много интересного для себя, а Г., вообще читавший мало литературы, был сильно удивлен разнообразием и, конечно, тоже пожелал прочесть чего не читал.

Приведя в порядок книги и сделавши список всего имевшегося, мы поставили корзину к стене. Г. несколько раз по вечерам и ночью слазил под дом и попробовал вырыть яму, но мы пришли к заключению, что это очень неудобно, да и не так безопасно, тогда как явилась возможность отправить эту корзину в совершенно безопасное место, куда она вскоре и была переправлена в качестве корзины, набитой запасной одеждой. Все это удалось нам очень хорошо, и мы убедились, что слежки за этими местами нет.

Помню, как-то Г. явился ко мне в женском платье, я даже не сразу понял, кто собственно ко мне явился—такая осторожность, конечно, не была излишней, если много функций самого важного характера падает на поднадзорных людей. Приходилось иногда осторожно выходить из ворот поздно вечером, а иногда и ночью, дабы лучше осмотреть нет ли кого около дома, иногда же приходилось ходить и наблюдать за домом, где живет товарищ, дабы случайно открыть слежку, если таковая существует.

В конце лета выбыли у нас из комитета два человека, один собственно по трусости, а другой бежал в Лондон, и поэтому пришлось дополнять комитет новыми людьми. Наш комитет, состоявший из одних рабочих, проработал с полгода, и, пока провала не последовало, собрания происходили большей частью в открытом месте за городом, где мы ни разу не были замечены. При такой конспирации мы привлекали в комитет только очень осторожных и выдержанных людей. Как раз в это время я познакомился с человеком, бывшим также под надзором и работавшим раньше в одном из больших городов. Он давно разыскивал людей, близко стоявших у дела, и желал сам принять участие в работе. Пока получили сведения о его надежности, мы, хотя и продолжали вести с ним знакомство, но в организацию не вводили, а потом ввели и в комитет; затем в комитет был введен и Г., так что мы пополнили свой ущерб людьми, безусловно преданными делу, и комитет продолжал правильно выполнять работу ¹⁾. Как-то в то время приезжал к нам представитель от

¹⁾ В своих воспоминаниях, помещенных в сб. «История Екатеринославской соц.-дем. организации», Григорий Иванович Петровский рассказывает:

«В 1898 г. я уже вхожу в группу, состоящую из Бабушкина, Бычкова (Бычков Ив. Зиновьев. Впервые подвергнут дознанию при Киевск. жанд.

одного большого города и привез нам своего знакомого, который должен был войти в наш комитет. Новый товарищ был интеллигент, но, хотя он был и с высшим образованием, все же, увидавши нашу самостоятельную работу, к которой мы привыкли и в которой хорошо ориентировались, он почувствовал себя очень неловко и признал слабость своих сведений по рабочему вопросу. Поэтому мы дали ему кружок молодых людей, но все же просили его принимать участие в комитете, где он и бывал несколько раз. Это был первый человек из интеллигентов того времени, который занимался в кружке. Таким образом настала зима 98 года; агитация принимала правильно регулярный характер, тогда как кружки почти не собирались и не было интеллигентов, которые могли бы заниматься в кружках. Заниматься же систематически самим комитетским рабочим не было никакой возможности, за неимением свободного времени, и притом с этого времени было постановлено, чтобы комитет собирался обязательно один раз в неделю. Это постановление было одно из самых наиболее полезных для всей деятельности. Хотя раз собраться в неделю—это было работой, потому каждый на собрании давал объяснения по поводу мастерской или завода, в котором он работал, и всякий особый случай подчеркивался и иногда постановляли осветить его листком. Если произойдет стачка в маленьких размерах или какое столкновение, комитет должен был обо всем знать и, делая постановления, приводил их в исполнение. Комитет, понимая трудность своего положения — был благодарен тем интеллигентным единицам, которые в то время иногда появлялись, но помощь их была слабая, так что мы являлись людьми, работающими без всякой интеллигенции. В этом же году был арестован мой товарищ Д. — это было большой потерей для комитета, потому что он был самый старый из всех нас и, следовательно, лучше всех знал организацию. Он вел сношения с интеллигенцией или, как мы выражались, с городом, так как в городе постоянно существовали один или два лица, при помощи которых мы получали всякого рода литературу. С арестом Д. мы на время потеряли связь с город-

---

управлении в 1897 году, был активным с.-д. пропагандистом среди рабочих завода Эзау), Морозова (Морозов Петр Андреев. Был послан за революционную пропаганду среди петербургских рабочих и организацию кружков в Вологодскую губернию. В ссылке в Сольвычегодске он был в близких сношениях в 1897 г. с одним из основоположников марксизма в России Н. Е. Федосеевым. После ссылки жил под надзором полиции в Екатеринославе, где был активным рабочим пропагандистом с.-д.) и интеллигента, державшего с ними связь. С городской группой кружок устраивал правильные периодические собрания, на которых обсуждались положение рабочих на всех заводах и меры пропаганды и агитации среди них».

ской группой, доставлявшей нам, кроме литературы, также и деньги и людей для ведения кружков.

Оказавшись же без всего этого, мы, екатеринославцы-рабочие, старались по возможности больше употреблять усилий, дабы не было заметно нашей слабости. Между тем, во время моего пребывания в Екатеринославе наставали не раз моменты полнейшего обезлюдения в интеллигентных личностях. После ареста Д. (он был арестован не по екатеринославскому делу) мне пришлось часто сноситься с городом, и эта лишняя работа отнимала у меня много времени.

Так как я выполнял эту работу недостаточно хорошо, то было предложено принять одного человека из города, как представителя от интеллигенции. Такой человек скоро нашелся, так как в это время уже начали приезжать новые люди из бывших ссыльных, которые желали войти в организацию. Оказалось даже, что группа таких интеллигентов образовала в городе свой комитет. Наш комитет первое время ничего не знал об этой новой организации интеллигенции, которая, естественно, хотела принять на себя руководство работой. Вышло довольно странно, что в то время, как правильно функционировал старый (назову его рабочим) комитет, который собирался еженедельно, обсуждал разные вопросы, издавал листки, тут же рядом с ним вырос новый комитет, который, конечно, не мог удовлетвориться работой по выполнению разных постановлений раб. комитета, как-то: доставкой литературы, средств и печатанием готовых листков.

Как я уже говорил, интеллигентам желательно было взять в свои руки писанье листков, редактирование таковых и руководство движением вообще. На этой почве происходили разные инциденты в раб. комитете, вызываемые, главным образом, представителем от города, т.-е. от интеллигентского комитета. Инциденты первое время являлись случайными и скоро улаживались, но постепенно они стали принимать неприятный оборот. Росло общее недовольство и увеличивались раздоры, от чего существенно страдало дело.

Помню, что интеллигенты часто нападали на нелитературный язык издаваемых листков и, кажется, один из листков был несколько изменен и сокращен в гор. комитете. Это вызвало прямое столкновение и грозило полнейшим разрывом рабочих с интеллигенцией.

Интеллигенты заявили, что они могут совсем отказаться выполнять техническую сторону изготовления листков, на это рабочие ответили, что они сами на своих квартирах будут оттискивать листки, и тогда не будет надобности прибегать к услугам интеллигенции, таким образом, дело могло, действительно, кончиться разрывом.

Прошло порядочно времени, а раздоры не уменьшались. На каждом собрании комитетом предлагались разные меры, клонившие комитеты к соглашению друг с другом. Предлагалось созвать оба комитета и на общем собрании выбрать лиц по одинаковому количеству от обоих комитетов, которые бы, слившись, и представляли единый комитет. На это городской комитет не соглашался под предлогом того, что общее собрание будет слишком большое и можно навлечь подозрение, избрать же по равному количеству лиц для слившегося комитета (предполагаемого) тоже почему-то не пожелали, а выход из натянутого положения был необходим для обеих сторон.

Наконец, соглашение состоялось на следующем компромиссе: 1) собрания рабочего комитета происходят в старом порядке, и на собраниях присутствует один представитель от интеллигенции с правом голоса, но этот представитель не может меняться и не может приводить другого члена городского комитета без особого каждый раз согласия от рабочего комитета; 2) точно также городской комитет обязан сообщать о своих собраниях члену рабочего комитета, избранному для присутствия на их собраниях, и уже представитель от рабочих передает в рабочий комитет о вопросах, обсуждавшихся в городском комитете и о принятых решениях; 3) писать для рабочих какого-либо завода или вообще для Екатеринослава могут одинаково оба комитета, но окончательная редакция данного листка и признание своевременности и необходимости такового принадлежит раб. комитету. На этом произошло соглашение, и впоследствии эти вопросы почти не вызывали никаких столкновений, и рабочий комитет очень часто принимал листки, писанные городским комитетом, безо всякого изменения ¹⁾.

Зимой 98 и 99 года Екатеринослав кипел во всех частях и районах революционной пропагандой и агитацией. На всех заводах были свои люди, которые собирали сведения, следили за настроением и указывали на всякого рода злоупотребления. Особенно рабочие были недовольны черкесами, которые служили в качестве сторожей на некоторых заводах. Черкесы — это темный и грубый народ, вооруженный холодным оружием, а иногда и огнестрельным и дико готовый защищать всякого мастера, начальника, а директора и помощника тем более; они при первой возможности выхватывали оружие и готовы были броситься на рабочих. Точно такими же дикими исполнителями приказаний являлись они

¹⁾ Представителем от городского комитета в рабочем комитете был Лалаянц, а представителем рабочего комитета в городской входил Бабушкин (сообщил Лалаянц).

во время работы; если кто-либо повздорит с мастером, последний по телефону вызывает из проходной казака и, грубо издеваясь над рабочим, приказывает черкесу вывести бунтовщика или «пьяницу» за ворота, что тотчас же и приводится в исполнение. Благодаря этому и дикому нраву черкесов, рабочие их просто не замечали, и на этой почве происходили постоянно недоразумения, требовавшие вмешательства полиции и уездного начальства.

Борьба на этой почве сильнее всего происходила за Днепро-м и, главным образом, на заводе Франко-Русского товарищества вагонных мастерских. С самого начала функционирования этого завода он являлся самым беспокойным и революционным: на нем часто происходили забастовки, вследствие недовольства администрацией. Черкесы же были бельмом на глазу у всякого рабочего.

Еще в 97 году весной, идя к этому заводу от станции Нижне-Днепровск партией человек в 12, я был свидетелем довольно неожиданной встречи. Мы приближались к заводу, когда оттуда вышел черкес, оказавшийся старшим сторожем. Он, очевидно, направлялся к станции, а оттуда в город. Заметив его, наша группа оживленно заговорила о желании побить этого черкеса. Я, конечно, прислушивался к разговору, но не допускал возможности, чтобы рабочие вздумали бить его на самом деле. Когда наша группа стала приближаться к черкесу, то все разошлись по сторонам рельс ж. д., но один, упрекая остальных в трусости, шел между рельс прямо на черкеса и лишь только поровнялся, как ударил последнего по уху. Черкес схватился за оружие, но в это время в него полетели со всех сторон песок и камни. Он бросился к забору, и, как дикая кошка, моментально скрылся. Как только мы подошли к заводским воротам, у которых стояло уже человек двадцать народу, в тот же момент из завода вышел урядник в сопровождении побитого черкеса, и они оба стали выискивать в толпе виновника. Черкес сейчас же узнал обидчика, но тот отказался, заявив, что он не ударял, и отказался пойти с урядником; как свидетели пошли двое, которые сказали какую-то выдуманную фамилию, на этом дело и кончилось, но черкес все время твердил, что он будет помнить и, если не он, то его дети отомстят за него. Нужно ли говорить, что тому рабочему нечего было и думать поступить на этот завод.

Точно так же, кажется, в 98 г. я подходил 1-го мая или накануне к этому заводу повидать своего товарища, вдруг вижу, что в заводском дворе происходит что-то необыкновенное. У ворот завода я узнал, что часа два тому назад побили помощника директора. Тогда уже у ворот стоял не

черкес, а сторож в полицейской форме. После произошедшей истории он был так перепуган, что когда я проходил в завод, то он и не подумал меня остановить. Подойдя в заводском дворе к главной конторе, я увидел кучу рабочих. человек в 100 и перед ними исправника, говорившего что-то начальническим тоном. Я заинтересовался и протиснулся в середину рабочих. Исправник долго говорил перед рабочими и советовал им начинать работать. Один из рабочих очень возбужденно и резко отвечал исправнику, и рабочие его поддерживали. Исправник, ничего не добившись, ушел в контору.

Оказалось, что рабочие, собравшись со всех мастерских во время работы, попросили к себе помощника директора, который вышел к ним и начал говорить сначала довольно резко, но, увидавши себя окруженным злыми лицами рабочих, стал говорить в ином духе и, очевидно, думал вывернуться при помощи стоявшего рядом с ним урядника. Его маневр не удался, так как в это время кто-то накинул на его голову мешок, и тут же один из рабочих ударил его чем-то тяжелым, от чего он присел. Поднялась суматоха, и рабочие, давши гудок, ушли из завода, помощника же внесли с окровавленной головой в контору, у которой я и застал собравшихся рабочих. После этого рабочие два дня не работали и чрезвычайно волновались; ходили разговоры о том, что нужно добиться освобождения арестованных. Но начальство припрятало на случай волнений в сарае солдат, о чем рабочие узнали. После этого в субботу сократили работу до двух часов. Это было удовлетворением требования, которое они выставили до того, как был побит помощник директора ¹⁾.

Черкесы за Днепром вывелись, и их не видно было ни на одном заводе, но в самом Екатеринославе, на Брянском заводе, черкесы продолжали вызывать своим присутствием ненависть в рабочих.

Как-то поздно вечером, идя с работы из смежного трубопрокатного завода, рабочие взяли доску из забора Брянского завода: стороживший черкес погнался за рабочими и, догнавши, пытался отнять доску. Завязалась драка, и к месту происходившей истории сбежались со всех сторон рабочие. Конечно, тут досталось бы черкесу, но на подмогу последнему из завода выскочили другие черкесы, и один из черкесов ударом кинжала убил одного рабочего. После этого рабочие страшно остервенели, ворвались в Брянский завод, разрушили и подожгли сторожевые будки для черкесов, уничто-

¹⁾ См. корреспонденцию автора в 1-м № „Р. Дела“ из Нижнеднепровска (Екатеринославской губ.) в приложении, стр. 145.

жили их имущество, а другая часть рабочих, более многочисленная, набросилась на главную контору, произвела там ряд разрушений и старалась вскрыть кассу. Был принесен большой молот (кувалда), которым, наконец, удалось взломать, кажется, малую кассу, часть денег тут же была взята и брошена в толпу рабочих. В это время контора об'ялась пламенем от произведенных с разных сторон поджогов и сгорела до тла.

Почти одновременно с этим в поселке Кайдаках (где черкесом был убит рабочий) разгромили казенную винную лавку, выпили всю находившуюся там водку и, очевидно, взломали вырубку, не встретив препятствия ни с чьей стороны. Часть подгулявшей взволнованной массы рабочих, поджигавших контору, направилась к общественной лавке, которую одинаково разгромила, как и винную, и начала уничтожать товары. Отделившаяся часть, человек около тридцати, направилась на Чечелевку, к главной общественной лавке, где, встреченная револьверными выстрелами, отступила, ударив несколько раз по железным ставням лавки. В это время подошли пешие войска, вызванные из лагерей. Они оцепили разгромленную общественную лавку, которая этим была спасена от поджогов, хотя из опасения повредить рядом живущим рабочим ее все равно не подожгли бы.

Когда рабочие разгромяли главную контору, то часть рабочих желала войти в ворота и, очевидно, намеревалась произвести разгром и в самом заводе, но этому помешали рабочие ночной смены: они высыпали все к воротам и, опасаясь, чтобы их не побили, вооружились кусками железа. Приехавший в это время полицеймейстер кричал на околоточного, почему тот не усмиряет рабочих; когда тот ответил, что очень опасно, тогда, желая доказать трусость околоточного и свою храбрость, полицеймейстер протискался в середину рабочих и что-то начал кричать, но в ответ сейчас же получил удар камнем в голову, от которого свалился, и его пришлось увезти домой. Часам к четырем утра беспорядки почти совсем прекратились. Сейчас же после беспорядков, мы выпустили к рабочим Брянского завода листки с объяснением бесплодности таких жертв и призыв к правильно организованной стачке ¹⁾. Черкесы были вскоре удалены, и завод начал строить каменную контору.

¹⁾ „В июне, после бунта, разразившегося на Брянском заводе, во время которого была сожжена заводская контора и разгромлены казенный винный склад и потребительский магазин (Подробности о бунте, а также о некоторых стачках, происходящих в течение 1898 г., см. „Рабочее Дело“ № 1), был выпущен листок к рабочим Брянского завода. В этом листке указывалось на весь вред для рабочего дела от таких диких вспышек, вроде не-

Характерно, что во время процесса на суде инженеры, да почти и вся заводская администрация, старались взвалить всю вину на деятельность революционеров и на листки, которые вызывали у рабочих желание бунтовать. Но один инженер держал себя на суде хорошо и показал много интимных сторон заводской деятельности (хотя, как начальник, он, конечно, был прохвост из первых). Этот инженер говорил, что в листках всегда пишут о понижениях расценок, о нежелательном отношении заведующих лиц к рабочим и разных других злоупотреблениях, что, естественно, находило всегда отклик в сердцах рабочих.

В то время стачки стали явлением очень обыденным, но они не были большими по размерам и кончались большей частью без вмешательства лиц фабричного и горного надзора или немедленным удовлетворением требований рабочих, или же взаимными уступками с той и другой стороны.

Помню, что во время процесса над бунтовщиками Брянского завода, рабочими нарасхват раскупалась газета «Приднепровский Край», но она не могла удовлетворить рабочих ничтожными сведениями, что вызывало довольно частые толки о листках, в которых должно быть все подробно сообщено.

«Что там читать газету, вот подождите, наверно скоро выйдет свой листок, там уж их отделают как следует и там все узнаем. Долго только что-то нет, уж не случилось ли чего с ними?»...

Такие толки показывали, что рабочие относились к листкам с безусловным доверием и понятно, после этого, что листки производили постоянно хорошее действие ¹⁾.

Одно плохо обстояло — это кружковая работа. Мы постоянно требовали занятий в кружках, но нам из города отвечали, что нет людей для этой работы. Помню, как-то в городе на собрании я поставил ребром этот вопрос и тут же убедился, что ни один из присутствующих в кружок не пойдет, частью по причинам психологического характера, частью потому, что — женщины, а, главное потому, что боль-

---

давно происходивших, говорилось о борьбе рабочих в других городах России, и, в заключение, рабочие призывались на стойкую и спокойную борьбу за улучшение своего положения". (Из статьи „Союз борьбы за освобождение рабочего класса“ в сб. „История Екатеринославской Соц.-Дем. Организации“).

¹⁾ В статье „Первый Екатеринославский Комитет Р.С.Д.Р.П.“ в сб. „История Екатеринославской соц.-дем. организации“ читаем:

„Те самые рабочие, которые участвовали в стихийном бунте на Брянском заводе, на суде, при допросе в качестве обвиняемых и свидетелей, говорили языком прокламаций, по марксистски объясняя причины бунта“.

шинство не обладало даром слова. Чем там будут заниматься? — Ведь у нас нет литературы, — говорили они. Вот подготовим литературу и тогда начнем. Оказывается, они начали писать брошюры. Конечно, писание брошюр не согласуется с деятельностью комитета, когда там есть другие неразрешенные вопросы и потребности. Все же, видя невозможность найти сразу человека, желавшего пойти в кружок, приходилось ограничиться заявлением о необходимости найти таких людей поскорее.

Вскоре после этого мне предложили одного молодого человека, желавшего заниматься с рабочими. При свидании мы назначили воскресенье, когда я должен свести этого господина с рабочими, с которыми ему придется заниматься. Я взял с собой одного товарища рабочего, который должен был свести прямо на квартиру к ожидавшим товарищам человека, желавшего с ними заниматься. Оставив товарища несколько в стороне, я подошел к интеллигенту, и он тут же попросил меня объяснить ему его положение в кружке. Оказалось, что он не желал положительно никакого над собой контроля и говорил все время демагогические слова. Он соглашался заниматься в кружке только на полных автономных началах, я же предложил свои условия, на которые он не согласился, и мы расстались навсегда. Пришлось опять разочаровать собравшихся рабочих, тем более, что я лично не мог пойти туда и поговорить с ними в это воскресенье.

В это же лето (98 г.), часто бывая в Нижнеднепровске по делу нашей кооперативной лавки, я присматривался к тамошнему движению, которое проявлялось в виде частых вспышек и столкновений, на подобие вышеуказанного случая с помощником директора на Брянском заводе. При помощи моего старичка, я познакомился с двумя личностями, которые и стали в дальнейшем вожаками движения в Нижнеднепровске. Первоначально я просил их собирать разный материал о жизни рабочих, но так как они сами не особенно любили писать, то мне приходилось записывать все происшедшее на месте. Тут же я убедился в неудовлетворительности того развития, которым наделяли раньше (95 и 96 г.г.) рабочих. Такие рабочие представляли из себя пуганую ворону и в них не было ни выдержанности, ни умения, ни смелости, и потому, стараясь развивать кого-либо из своих же товарищей рабочих, они им ничего не могли передать практического, все же они вкладывали в рабочие массы хотя свой чуть жив-дух, и вот с этим-то чуть жив-духом мне и пришлось познакомиться.

После того, как пришлось забросить окончательно лавку, я продолжал там бывать, и даже чаще, чем раньше, и мне

удалось заставить работать этих людей над приисканием товарищей и распространять брошюры. Они ожили, и особенно энергично взялся за дело один токарь Вьюшин. Это был очень смелый и бойкий горожанин; прошлое его в этом городе таково: он работал на всех заводах и почти всюду рассчитывался с какой-либо историей, но его потом брали опять на эти заводы, как очень хорошего работника. Работал он в то время в Нижнеднепровске на Эстампажном заводе и хорошо зарабатывал. Квартировал он в отдельном домике, и семейство его состояло из жены, ребенка и хохлушки девушки, прислуги. У этого-то Вьюшина мы и собирались втроем, а иногда, и вчетвером, где я старался проводить в жизнь революционные идеи и, хотя Вьюшин почти ничего не знал, тогда как другой товарищ был хорошо знаком с интеллигентами, попавшими в ссылку по Екатеринославскому делу, все же он являлся самым бойким и развитым человеком и к нему впоследствии перешло руководство всеми делами этого района. Приблизительно осенью они собрали довольно много народу, потребовали устав для кассы, и появилась необходимость в более правильном руководстве движением. Был выработан «устав кассы» в резко революционном духе, и в одно воскресенье сделали общее собрание в квартире Вьюшина. Когда я явился туда, то в большой светлой комнате «зале» было много рабочих, для меня уже частью знакомых. Пришлось подождать остальных, время проходило в кое-каких разговорах, но большинство молчало, устремив на меня свой взгляд. Конечно, им было сообщено довольно много обо мне, помимо всякого моего желания. Постепенно публика собралась вся, за исключением двоих.

— Ну, что же, господа, я думаю можно считать собрание открытым? — сказал я.

Все согласились, так как самые влиятельные были налицо и всех собравшихся было, кажется, 18 человек. Раньше чем предложить устав, я, конечно, говорил о рабочем движении, о необходимости организации и т. п. Потом прочел предлагаемый устав и спросил: подходит-ли он, и могут-ли они его принять. При этом пришлось говорить о необходимости распространения нелегальной литературы и, вообще, противоправительственной деятельности. Все высказались за принятие устава. После этого приступлено было к чтению по пунктам и спрашивалось, ясен ли таковой, не следует ли дополнить или раз'яснить его. После общего опроса, каждый пункт считался принятым. Я особенно волновался за пункт, в котором говорилось, что всякий член обязуется распространять легальную и нелегальную литературу, если это будет необходимо. Оказалось, что этот пункт прошел без возражений,

а дальше, конечно, все пошло своим порядком. Наконец, прочитан и принят весь устав. Организация была названа «Началом», после этого приступили к выбору должностных лиц, главным образом кассира. На меня, как приезжающего, не могли возложить какой-либо сложной ответственности, все же обязанности контролирования были мной приняты. Сейчас же, после всех этих процедур небольшая часть постепенно стала выходить из квартиры, а большая часть решила поздравить себя с организацией кое-чем посущественнее. От участия в этом я уклонился, но уничтожить эти приемы угощения не мог ¹⁾.

Помню, как-то я приехал поговорить с ними по поводу рабочего движения. Мы собрались в одной мазанке человек 7, и я произнес речь, как умел: говорил довольно долго часа два, не меньше. Меня все внимательно слушали, восторгались моими знаниями и, видимо, проникались слышанным, но когда я кончил говорить и мы решили обсудить кой-какие вопросы, то они (слушатели) не выдержали и попросили извинения, заявив, что желают выпить. Конечно, большинство из них были отцы семейств, или по крайности в этих летах, и я отлично знал, что до моего с ними знакомства они исключительно занимались проведением времени в пивных. Поэтому-то и приходилось часто иметь дело с человеком, слабо державшимся на ногах. Знаю такой случай, что один из таких рабочих как-то уехал на какой-то районный завод (в районе около Екатеринослава) к знакомым и, повидимому, желая пропагандировать, захватил с собой несколько нелегальных брошюрок, с которыми и был арестован. Когда по телеграфу дали знать адрес квартиры, то в квартире кроме пивных бутылок жандармы ничего не нашли и потому сейчас же его освободили. Бывали аналогичные случаи еще не раз. В виду таких обстоятельств, я особенно не напирал на

---

¹⁾ „Через неделю все вышеупомянутые лица собрались у меня в квартире, в доме Стенцеля № 41, в Нижнеднепровске. Бабушкин прочел нам привезенный рукописный устав кассы „Начало“, который оставил на хранение у Ашанова, установил тогда-же ежемесячный взнос в кассу, в размере 3% с каждого заработанного рубля: содержание этого устава я не помню. На том-же собрании Бабушкин предложил выбрать кассира и библиотекаря, при чем кассиром был выбран Шилов, а библиотекарем я. На обязанности кассира лежал сбор и хранение денег, я же обязан был хранить и давать членам кружка для чтения те легальные книги, которые Бабушкин вскоре купил на деньги, взятые из кассы. Кроме упомянутого устава, Бабушкин принес с собой штук шестьдесят разных запрещенных брошюр, из коих помню: „Как взяться за ум“, „Что должен знать и помнить каждый рабочий“, „Морозовская стачка“ и т. д., и роздал эти книги на руки членам кружка для прочтения и передачи знакомым рабочим с той-же целью“. (Из показаний арестованного Вьюшина. — Дела департамента полиции, 4 делопр. № 234—1900 г. вх. № 20268).

трезвость, но они и сами чувствовали неловкость, и я знаю, что некоторые совсем бросили употребление водки, а другие старались воздержаться.

Когда я возвращался домой с большого общего собрания, то было темно, и, желая обезопасить себя от неприятной возможности (это место считалось принадлежащим другому уезду, куда я не имел права являться), я держал наготове писанный устав, дабы при случае его выбросить, и, что-же? он у меня пропал из кармана, — это не на шутку меня встревожило; к счастью имелся черновик, с которого удалось после списать, и о пропаже никто не знал. Разумеется, приходилось часто ездить в Нижнеднепровск и возить литературу, на которую был спрос. Читатели уже научились хорошо хранить такие вещи, так что все шло хорошо. Некоторые рабочие отстали, испугавшись устава; все же, работая вместе, они знали про лиц, работавших рядом. С ними старались держаться осторожно, предохраняя друг друга от опасности. Большинство этих рабочих работали на заводе Франко-Русского товарищества, благодаря чему постоянно этот завод волновался и часто доводил администрацию до комического положения. Фабричному инспектору частенько приходилось ездить туда для умиротворения сторон; не раз давал он честное слово защитить депутатов от расчетов и арестов, что потом и доказывал на деле.

Начиная с лета 99 г. почувствовался недостаток в работе, и зимой на заводах начали сокращать количество рабочих: рабочие заволновались. Возникшая в то время около завода Франко-Русского товарищества особая организация агитировала за сокращение штата служащих и уменьшение жалованья директору и другим лицам. Не желая считаться с фактом, которым собственно одухотворяется капиталистическое предприятие, организация требовала, чтобы завод работал полным ходом. Мне тогда приходилось не мало вести споров с горячностью и непродуманностью рабочих и доказывать им, что удовлетворения таких требований добиться невозможно. Как водится, на меня старались нападать и обвинять в сочувствии капиталистам. Все же, зная меня хорошо, постоянно прибегали к моим услугам для объяснений по разного рода вопросам. Комитет выпустил листок, который как нельзя больше был своевременным.

В один прекрасный вечер,—это было осенью 99 г.,—сидя после работы за вечерним чаем, я был несколько удивлен, увидев торопливо вошедших в комнату двух молодых людей из этого завода. Обоих, конечно, я знал довольно близко и хорошо. Они объяснили, что у них назначили очень многих ж расчету, больше полсотни; по этому поводу избраны депу-

таты (количество таковых не помню, кажется 13 челов.) для ведения переговоров, которые завтра пойдут на работу. Явившиеся товарищи были из числа депутатов и я их хорошо знал. Нужно ли говорить, что поневоле пришлось почувствовать некоторое удовлетворение. Ведь переговоры будут вестись людьми, распространявшими идеи социализма, так как почти все избранные депутаты являются социалистами, что безусловно доказывает не бесплодность работы и мы начинаем выступать, как руководители на деле. Беда была та, что это движение на заводе в данный момент носило характер не боевого движения, а оборонительного; приходилось думать не о том, что мы выиграем, а о том, что с меньшим ущербом можно уступить и при том, чтобы не дать жертвы жандармам. Один из депутатов сильно горячился, доказывая, что можно потребовать от правительства заказа, денег, отказа от расчета рабочих, уменьшения жалованья директору и всем мастерам и т. п.

Понятно увлечение со стороны молодого человека, мало читавшего, но верившего в силу рабочих и социализм. Приходилось его охлаждать и доказывать невозможность достигнуть в данном случае, чего он хочет. После всего этого они оба заявили, что так как они избраны депутатами, то пришли сюда за инструкциями, как им завтра разговаривать с директором. Советы, конечно, уже были готовы и частью были указаны в листках: первое требование—никого не рассчитывать, а второе — сократить рабочий день на два часа; таким образом, если заработок и упадет, но зато никто не будет уволен ¹⁾.

Заводская администрация согласилась на условия, предложенные депутатами, и завод начал работать не по 10 час., а только по восемь. Желая воспользоваться этим, на тот

¹⁾ „В ноябре произошло волнение на Франко-русск. вагонном заводе по следующему поводу. Администрация завода заявила рабочим, что, в виду уменьшения заказов, будут уволены 250 рабочих. Рабочие в ответ заявили, что если администрация вздумает увольнять рабочих, то весь завод забастует. На завод явился фабричный инспектор, и после переговоров с рабочими было вывешено объявление о том, что впредь до увеличения заказов рабочий день будет сокращен до 8 час. в сутки, а рабочая плата поденщиков будет понижена на 20%. Рабочие же, опасаясь, что даже при этих условиях многие будут уволены, продолжали настаивать, чтобы все осталось по-старому. По этому поводу Комитет выпустил листок, в котором рабочим советовалось согласиться пока на предложение администрации, но требовать, чтобы никого не увольняли, и лишь в том случае объявить стачку, если администрация не согласится на это требование. На следующий день все взыались за работу, и никто из рабочих не был уволен. (Из статьи „Первый Екатеринослав. соц. - дем. комитет“, сб. „История Екатеринославск. социал-демократич. организации 1889—1903 г.“).

предполагаемый случай, когда у завода явятся заказы, чтобы постараться удержать восьмичасовой рабочий день, мы работали соответствующие условия. Случай этот, действительно, произошел, но я тогда уже уехал и не знаю результатов; мне известно только, что администрация потом выписывала рабочих из Твери, а местных, как беспокоящих, рассчитала. Однако, недолго пришлось заводу работать со спокойными рабочими; когда меня везли жандармы в Екатеринослав, то я видел тихо стоящий завод с запертыми воротами и мастерскими. Он прекратил свою деятельность, благодаря общему кризису на юге России. Конечно, во всех волнениях на этом заводе принимал участие и Вьюшин, являясь одним из самых сознательных рабочих того района.

Около того же времени у нас с Морозовым происходили разговоры о создании местной газеты. На издание первого номера нам предлагали сто рублей. Конечно, самое главное было для нас — это достать шрифт, каковой мы и начали разыскивать, что удалось очень скоро, оставалось только получить и сделаться его фактическим хозяином.

Очевидно, приблизительно в это же время зародилась мысль о создании вообще органа для южного района. Мне приходилось говорить по этому поводу с одним интеллигентом, и не раз мы устраивали конспиративные встречи для обсуждения этого вопроса ¹⁾.

Возвращаясь к зиме 98—99 года. Распространение листов к этому времени сильно было затруднено, благодаря сильной слежке полиции, и потому принимались более существенные предосторожности. В то время, как в самом начале листки распространяли в Екатеринославе всего три—четыре человека, теперь количество распространителей доходило от двадцати до тридцати и более человек. Где много было народа, там шли четыре человека по одной улице (по каждой стороне два), один совершенно чистый шел впереди и сигнализировал об опасности, второй же шел с нагруженными карманами или кошелкой и бросал в каждый двор по листку через забор или ворота; если же улица была тихая и время позднее, тогда заходили во дворы и вбрасывали листки в коридоры или клали их за ставни окна, так, что даже, если полиция вздумала бы искать, то и то не всегда смогла бы найти подброшенное. Когда идущий впереди замечал сторожа и давал сигнал, тогда идущий сзади прекращал работу и спокойно продолжал идти по намеченному пути. Если же четырех не было, тогда шли трое, и сигнальщик шел по середине улицы, осматривая обе стороны. Пройдя улицу, перехо-

¹⁾ Интеллигент—И. Х. Лалаянц.

дили на другую, третью и т. д. Раздавались листки для распространения на все районы одним человеком; он знал, где и кто работает, он же назначал заранее момент начала разброски. И вот лишь только настает этот час, как в один момент высыпают на улицу по всем районам рабочие с листками и начинается работа, не пройдет и часу, как многие возвращаются совершенно чистыми по домам и спокойно засыпают. Только в больших районах, как Кайдаки, приходилось ходить иногда больше двух часов.

Однажды, во время такой работы, мы проходили по улице Кайдак и кидали листки. Я шел несколько отставши от других товарищей и, наметив один дом, подошел и бросил листок, идущие впереди товарищи заметили патруль и дали мне знать, но я продолжал свою работу. Когда солдаты оказались на коротком расстоянии от меня, я, притворившись выпившим, остановился, посмотрел на них и, когда они миновали меня, прошел быстро вперед и опять приступил к работе. Товарищи же попросили у солдат защиты, якобы боясь итти по улице и, когда получили успокоительный ответ, что никого нет, тоже прошли вперед и продолжали сыпать по дворам листки. При такой осторожности более чем в два года не попал в полицию ни один разбрасывавший листки на улице, ни в заводе, и это до того приучило нас к распространению, что не чувствовалось почти никакой жуткости. Часто эти же листки вбрасывали в окна солдатских казарм и около лагерей, заносили иногда и на кирпичные заводы и клали под навес или под кирпичи, так что, убирая таковые, рабочие, несомненно, находили их. Словом, не оставалось такого места, куда бы не заносили этих листков.

Как было упомянуто выше, путем переговоров и сношений с некоторыми лицами, я напал в одном месте на существование шрифта. Понятно, что я был очень рад такой находке и поторопился сообщить об этом Морозову. После кратких соображений пришли к заключению, что его нужно поскорее взять от этих людей, иначе они легко могут провалиться, а вместе с ними провалится и шрифт. Я взял на себя ведение дипломатических переговоров по поводу получения шрифта. Лица, имевшие у себя такую драгоценность, были людьми далеко не выдержанными и воображали о себе больше, чем они были на самом деле. Я знал хорошо одного из владельцев шрифта и ценил его агитационные способности, но за болтовню страшно не любил и старался держать его в стороне, хотя, пользуясь влиянием в ремесленных организациях, он часто просил меня связаться с ними и, если окажется там что-либо неудовлетворительное, указать способ исправления. Из чувства осторожности, я отказался, тем более, что

я был завален со всех сторон работой, которая требовала к себе отношения не случайного и мимолетного, а очень внимательного и серьезного. Тогда он попытался проникнуть в наш заводский комитет (Екатеринославский). Это ему не удалось, и впоследствии, когда другие люди делали давление с этой же целью, все же ему попасть туда не удалось. С этим-то человеком и пришлось вести переговоры и в самом начале таковых пришлось столкнуться с неожиданным заявлением, что шрифт принадлежит не одним нам, а еще такому-то, и они сами желают издавать газету. Такого оборота я не ожидал, а мысль, что они не на шутку вздумают выпускать газету, меня испугала, тем более, что у них во всяком случае не хватило бы умения и сил для этого; между тем пока что, они могли под разного рода предлогами не дать шрифта. Пришлось пускать в ход дипломатические извороты, приходилось говорить и с одними, и с другими, но дело не ладилось. Хозяином считал себя тот, у кого этот шрифт находился. Толкуя о разного рода планах по изданию газеты, я узнал от них, что кроме шрифта они ничем не обладают, тогда я вызвался сделать кой-какие приспособления для печатания, но поставил непременно условие отпечатать их шрифтом один листок. Это их подзадорило, и они охотно согласились сделать такое одолжение.

Теперь, когда удалось разыскать шрифт и переговоры клонились в благоприятную сторону, когда нужна была только помощь со стороны городского комитета, то последний почему-то через своего представителя выразил желание, чтобы мы не входили ни в какие соглашения с этими людьми и что они сами хлопочут в одном месте относительно шрифта, представитель из городского комитета сказал, что довольно скептически относились к этого рода сообщению.

Между тем, в скором времени предстояло выпустить майский листок, который во что бы то ни стало мы желали напечатать шрифтом, представитель из городского комитета сказал, что можно напечатать гектографическим способом. У меня зародилось подозрение, что городская публика со своей стороны предпринимает ряд шагов, чтобы достать тот самый шрифт, относительно которого я вел переговоры. Боясь возможности получения шрифта городскими товарищами, мы с Морозовым чувствовали, как ускользает почва у нас из-под ног и, естественно, начали употреблять усилия, дабы опередить городских товарищей. Наскоро, не теряя ни одной удобной минуты, делал я на заводе рамку, в которой был бы включен шрифт. Не раз мастер видел, как я что-то работаю лично для себя, но что именно, — он не мог догадаться, а при натяну-

тости отношений он не желал вызывать какой либо выходки против себя, да, очевидно, и опасался кое-чего более худшего. Так или иначе, я все же рамку сделал, и ее предстояло вынести из завода. Прodelать эту операцию я попросил одного из знакомых мастеров, который и выполнил это самым наилучшим образом, конечно, не зная, для чего мне нужны эти бруски. С готовой рамкой я отправился к владельцам шрифта, и было уже время, потому что приближалось 18 апреля, а листки во что бы то ни стало нужно было отпечатать шрифтом. К нашему желанию забросить гектограф присоединилось еще желание доказать городу возможность печатать шрифтом и скорее и не более опасно, чем работа на гектографе, тем более, что листок, отпечатанный даже неважным способом на шрифте, выигрывает не меньше, чем на 50%. Когда я добился согласия на получение шрифта, тогда город согласился дать все, что он имел, и обещал содействовать, если это потребуется. Содействие было необходимо в рецепте для составления валика, которым бы можно было наводить краску, так как имевшийся валик у городских товарищей оказался очень мал.

18 апреля был второй день пасхи и, следовательно, нужно приготовить до пасхи листки, дабы их можно было сейчас же пустить в ход. За три недели до пасхи рабочий комитет на своем собрании постановил, чтобы к следующему собранию окончательно были написаны и представлены листки от всех товарищей и, конечно, в том числе и от интеллигенции (придерживались того правила, чтобы всякий член комитета писал сам и уже на собраниях комитета решалось бы, какой листок более удовлетворителен и подходящ, это было очень полезно для всех нас). Насколько помнится, спустя неделю на раб.-комитетское собрание листка от интеллигенции доставлено не было, по той причине, что, мол, очень хороший листок будет доставлен для нашего города от Партии. Мы плохо верили в это ¹⁾ и гнули свою линию. На собрание доставили три листка, из которых два были найдены очень подходящими, и решили из двух составить один, редакцию же возложили на двоих и, главным образом, на Морозова. Хотя Морозов сам не окончил листка, предназначавшегося к 1-му мая, и был противником обоих признанных листков, все же должен был подчиняться большинству и ре-

¹⁾ В данном случае, опять непростительный поступок со стороны город. комитета именно: ожидаемого листка они непоказывали раньше рабоч. комит. и потому получилось, что листок от рабочих был распространен, а доставленный позднее пришлось уничтожить.

дактировать листок; редакцию какого должен был окончить не позднее, как дня через два ¹⁾).

Оставалось ровно две недели до пасхи, и мне приходилось поторапливать публику и самому много бегать. Прежде всего нужно было приступить к разборке шрифта. Этим мы занялись у товарища в комнате (у владельцев шрифта). Как это было неприятно, если взять во внимание нахождение шрифта у человека, которого весь город знает, и немало людей знает про содержание его чемодана, но время было горячее, особенно осматриваться было некогда, и одного длинного вечера и ночи было достаточно для разборки. Разобранный шрифт завязали в свертки и положили опять все в чемодан, у которого даже не было замка. Проредактированный листок, после прочтения членами комитета в одиночку, я отнес для набора, где и пролежал около трех дней, после чего набор твердо был заключен в железную рамку и легко переносился с одного места на другое.

И вот в это горячее время пошла одна неудача за другой. Первое — то, что пустили слух о моем и Морозова желании завладеть навсегда этим шрифтом. Слухи сильно подействовали на обладателей такового, и они наотрез отказались выдавать для работы шрифт, и, чтобы легче избегать переговоров со мной, редко находились дома, так что трудно было и поймать этих людей. Кто, собственно, в критический момент так легко подставил нам ногу, я так впоследствии и не мог узнать, но, несомненно, какие-то шашни были пущены в ход. Рядом с этим приходилось отливать из массы валики, но тут при всей моей беготне не удавалось разыскать довольно правильного круглого сосуда. При полной неудаче в поисках, я, наконец, купил два пористых горшка для электрических батарей, которые при работе оказались очень неудачными и раньше времени разбились. Масса же для отливки валика, составленная из обыкновенного столярного клея 1-го сорта и патоки, довольно долго не удавалась и, налитая в сосуда, не застывала... Отправившись к товарищу (члену комитета), я просил употребить все средства и выточить (расточить) трубу, хотя бы пришлось влопаться с нею перед грозным начальством мастерской. Товарищ на другой день остался работать ночь, кажется, самовольно. И вот глубокой

---

¹⁾ „В первый раз политические требования были выставлены в воззвании к 1-му мая, написанном и напечатанном самими рабочими. Воззвание это, в количестве 3 тысяч экземпляров, в ночь с 17-го на 18-е апреля было разбросано и расклеено по всему городу и по всем предместьям и произвело на рабочих сильное впечатление“. (Из ст. „Первый Екатерин. соц.-дем. ком. История Екатеринославской социал-демократической организации 1889—1903“).

ночью, в отсутствие начальнического ока, закипела на станке работа, и часа через два с небольшим—цилиндр был готов, расточенный довольно хорошо и с маленьким конусом; оставалось только вынести из завода. Недолго думая, товарищ отправляется к забору, и через минуту труба уже вне завода, а рано утром — у меня на квартире. К двенадцати часам я с ней отправляюсь на Амур (местечко за Днепром), в квартиру Морозова. В квартире на шестке стояла разная посуда с составами клея и патоки, на полу сосуды с отлитыми валиками, всюду признаки беспорядочности и государственного преступления. Тут же были и ручки и стальные оси для предполагаемых валиков, сделанные уже в третьем заводе и третьим членом комитета.

Была суббота, и времени оставалось ровно неделя, приходилось не зевать и стараться как можно энергичнее. Я был без работы и потому все время мог употреблять для этих целей, но Морозов и другие товарищи должны были усиленно работать перед пасхой, а ночи трудиться не менее усиленно для предполагаемых майских листков. Отливши в этот день на ночь валики, я отправился домой, надеясь, что Морозов займется завтрашний день этим делом и, кажется, там же предназначалось последнее собрание перед пасхой.

В понедельник на страстной неделе я пошел и купил три стопы бумаги, которые принес домой, а вечером отправил на квартиру, где предполагалось печатание. В тот же день я отправился за покупкой зеркала, которое долго искал, и, наконец, нашел подходящее по размерам и толщине. Помню, что долго я торговался с купцом-евреем, желая купить насколько возможно дешевле. После долгого препирательства я купил зеркало, вынутое из рамки, и этим выгадал, кажется, рубль. Прибавив еще один лист белой жести для краски, отправился к себе домой. Осталось только достать набранный шрифт, и с этой целью я отправился в назначенную квартиру, т.-е. в ту квартиру, где мы рассортировали его и там же набирали. Видимо, владельцы допускали возможным печатание у них в комнате, лишь бы только им можно было присутствовать при этом. Нужно ли говорить о невозможности допустить это, но зная, что они не желают дать нам шрифта, приходилось действовать на них не столько дипломатией, сколько заманчивостью и разными обещаниями, особенно приходилось напирать на честное слово, даваемое им. После продолжительных несуразных разговоров удалось расположить их в свою пользу и потом забрать не только набранный и заключенный в раме шрифт, но и вообще весь остаток и приспособления. Взявши втроем по порядочному грузу на человека, но чтобы не было особенно заметно, мы отправились

на мою квартиру, где поздним вечером производили опыты печатания и исправления корректуры. Рядом в комнате жили мои квартирные хозяева и не подозревали о производстве столь опасных манипуляций с шумом жести и прокатываемым валиком по шрифту.

Оказалось, что опыты были очень удачны, и я, довольный достигнутым, отправил своих помощников по домам. Была глубокая ночь и, зная, что рядом за другой стеной спит домовая хозяйка, которая при первой подозрительности может довести полиции о моих проделках, и, опасаясь шпионских выслеживаний, я осторожно и крадучись прибрал все под кровать и в чемоданы и тревожно заснул, опасаясь нашествия. На другой день, лишь только начало темнеть, мы с товарищем забрали весь шрифт и все принадлежности и переправили все на своих плечах в конспиративную квартиру, т.е. опять же к товарищу, члену комитета, и там уже расположились совершенно свободно. Оставалось получить валики для накатывания, краски, которые и были принесены от Морозова. После долгих неудач, удалось отлить два валика очень удачных, но уже не боялись, что их не хватит для всей работы, потому что перелить было нетрудно.

Кажется, в среду с утра я начал работать при помощи одной женщины, хозяйки квартиры, предварительно завесивши все окна и заперши двери. Конечно, дело шло не так быстро, но все же поддавалось, и вскоре по растянутым ниткам висели отпечатанные листки, от которых приятно было на сердце, а душа чувствовала успокоение, что дело подвигалось вперед. Вечером пришел товарищ с работы, а потом и еще один, и дело закипело на всю ночь. Работали весело, шутили и в то же время присматривались и изучали, чего, собственно, не хватает в нашей машине. Оказалось, что шрифт был старый и потому не могло выходить настолько хорошо, чтобы удовлетворить нас; все же можно было улучшить кое в чем, но не было пока времени и средств. Последних особенно было недостаточно, так как из города получено было на все дело, на все расходы десять рублей и с этими деньгами пришлось обернуться и купить зеркало и бумагу.

В четверг я продолжал работать один с хозяйкой, но уже к четырем часам собрались товарищи и в том числе Морозов, на которых я свалил тяжелую работу. Эта работа состояла в том, чтобы прокатывать деревянным валиком, обтянутым холщевым полотенцем, по раме, но так как валик был очень легкий, то каждый раз приходилось нажимать его, наваливаясь всем корпусом, что при быстроте работы довольно тяжело. Работали так: один наводил краску и нажимал валиком, другой клал и снимал бумагу, третий развешивал и уби-

рал высохшие листы, четвертый отдыхал или складывал листы. Ночью на страстную пятницу мы кончили печатать и все разом принялись складывать листки в треугольники, а один накладывал комитетскую печать. Хозяйка, измученная за эти дни, скребла стол и места пола от попавшей краски и начисто вымывала комнату. Валики разобрали, и массу решено было зарыть в землю. Словом, все приводилось в порядок, и на случай жандармского набега комната была очищена от всяких подозрительных предметов ¹⁾.

Оставалось распределить количество листков на район, которые и были вскоре разложены на кучки по 200—300—400 штук, всего было около 3000 штук. После того, всякий брал в свой район определенную связку и уходил. Кроме того, нужно было часть листков развезти в некоторые места и условиться относительно телеграмм. Всего районов было около 10. Морозов жил тогда на Амуре и должен был взять с собой 300 шт. и распространить, для каковой цели были обещаны ему помощники.

Взяв эти листки, он направился к одному знакомому, откуда перед вечером ушел. В тот же вечер мне сообщили об аресте Морозова на вокзале ²⁾. В виду этого, приходилось экстренно передать шрифт владельцам и убрать листки, предназначенные для некоторых районов. Все это и удалось отлично выполнить.

Теперь возникал вопрос: какие показания даст Морозов жандармам, что предпримут жандармы, и не будет ли устроено всюду ловушек для распространителей. Вопросы очень щекотливые, все же при обсуждении решили, не откладывая дела, распространить листки в субботу поздним вечером (начиная от $\frac{1}{2}$ двенадцатого) чтобы утром в Пасху, встав рано утром, всякий находил майский листок. При этом

---

1) По сообщению Гр. Ив. Петровского, печатание происходило у него на квартире, на Шляховке. Участвовали в этой работе: Бабушкин, Морозов, Бычков, Душкан, Петровский и его жена.

2) В начале января в Сычевке, Смоленской губернии, умер от болезни, нажитой в тюрьме, петербургский агитатор Петр Морозов (ткач). В 1894 г. Морозов был арестован в Петербурге и, после полутора года заключения в провинциальной тюрьме, был сослан в 1896 г. в Вологодскую губернию на три года. По окончании ссылки Морозов поехал в Екатеринослав и, несмотря на совершенно расшатанное здоровье и тягостные условия труда, за который ему пришлось взяться (он поступил кожегаром на завод), тотчас же принялся за революционную работу. По какой-то случайности он очень скоро (перед 19-м апреля 1899 г.) был снова арестован с несколькимистами прокламаций. Пребывание в Екатеринославской тюрьме его добило окончательно. Летом 1900 г. Морозова, уже безнадежно больного, выпустили и выслали в город Сычевку. Покойный принадлежал к числу лучших агитаторов нашего движения. („Искра“, № 4 Май 1901 года. „Смерть П. Морозова“).

решили употребить особую осмотрительность при распространении. Все обошлось очень хорошо, и никто нигде не был замечен. Возвращаясь домой ночью, недалеко от моего дома, я встретил обход из солдат и по их спокойному виду убедился, что они ничего не знают, тогда как почти в каждом доме во дворе лежит по листку. Чем же объяснить непредусмотрительность жандармерии?

По рассказам самого Морозова, он дал такое показание жандармам: что найденные листки он получил от неизвестного человека, который просил принести их в субботу в лесок, около железнодорожного моста, на лесном берегу, в котором будет происходить собрание, и на собрании решат, как поступить с этими листками. И вот жандармский начальник (он вел дело Морозова в Петербурге) поверил словам Морозова и с раннего утра нарядил жандармов и часть полиции в статское платье и, преобразившись сам, пошел ловить преподаваемых социалистов. Прошло не мало времени, а собрания нигде не видно, не видно и никакой публики. Боясь, что его кто-нибудь узнает, начальник переодевался несколько раз; это не помогло, и изловить или схватить за хвост крамолу не удалось. Между тем, день клонился ближе и ближе к сумеркам, наконец стало совсем темно и сидеть под мостом не только надоело, но было глупо и смешно. Оставив зоркие посты до утра, сам он удалился домой, недовольный и сердитый на социалистов. И что же, в эту самую ночь раскинули по всему Екатеринославу, его районам, уголкам, и закоулкам, листки в таком большом количестве, как никогда. Это были те самые листки, какие он видел накануне у Морозова. Разъяренный жандарм вызвал Морозова из тюрьмы к себе, и лишь только тот поспел войти к нему в кабинет, как он крикнул:

— Обман-н-нул, сукин сын...

— Как? когда?.. — еле удерживаясь от смеха, спрашивает Морозов.

— А кто вчера говорил, что будет собрание? не ты?!

— Почему же я знаю, оно может и было?

— Да, как же было. Я сам вчера под мостом просидел целый день, три раза переодевался, и ни один мошенник не явился. Все это ты насочинял.

— Не знаю, может, они отложили пока свое собрание...

— А листки-то как явились по всему Екатеринославу?

Одураченный жандарм решил искать типографию, в которой были напечатаны листки, но искал он ее не в Екатеринославе, а в Твери, и хотя по его распоряжению кое-кого и обыскали и даже арестовали в Екатеринославе, по типографии, печатавшей екатеринославские листки, не нашли. Владельцы

шрифта также обманулись, когда пришли на другой день ко мне на квартиру за своим детищем, и тоже не нашли его. Конспирация была соблюдена вполне потому, что люди, работавшие в типографии, все до одного были преданными работниками, пересидевшими в тюрьме и хорошо закаленными. Интересно, что, когда был обыск у Морозова в квартире, то кроме бумаг ничего не нашли, хотя все горшки с массой и клеем были в квартире, да и кроме этого было много запрещенного. Чтобы не пало подозрение на Морозова, что у него были листки для распространения, пришлось из разных мест убавить листков и распространить их на Амуре, это удалось довольно хорошо. Так кончилась наша работа с майскими листками, и тогда же мы попрощались с типографией, имея хороший опыт, который, конечно, не будет лишним ни для одного из нас. Однако, после случайного ареста Морозова дело все же пошло на убыль. Из рабочего комитета выбывали каждый месяц товарищи, и к осени в нем остался один человек из старых работников, но он и сам тяготел уже к городскому комитету, который являлся в данный момент вполне удовлетворительным. Только строго придерживаясь принципа сохранения рабочего комитета, мы употребляли все усилия, чтобы не позволить уничтожения рабочего комитета во вред правильному движению. Мы ни в коем случае не хотели жертвовать одним комитетом в пользу другого.

Хорошо не помню вспышки на железной дороге в мастерских, но, кажется, дело было так. Предстояло отпраздновать день 25 июня в честь Николая I-го, положившего начало открытия жел. дор. До этого года рабочие работали в этот день только до двух часов или только до двенадцати, и это считалось за целый день. На этот раз администрация решила, как говорится, «честь спасти и капиталец приобрести». Она пожелала, чтобы рабочие явились на молебен после двенадцати, а к часу с половиной явились бы на работу с тем, чтобы работать до 6 час. вечера. Конечно, если бы администрация пожелала упразднить этот день, как напоминание о торжественности, то следовало бы только умолчать о молебне или устроить его в самых мастерских (что, пожалуй, само собой вызвало бы празднование), а не приглашать рабочих в церковь, да еще в таком духе, что приглашение являлось приказанием, — тогда, пожалуй, рабочие и отработали бы целый день. Рабочий, вообще, любит царские дни, как отдых, но если такое празднование выражается в понукании рабочих пойти в церковь молиться за царя в свое время, а не в назначенное, т.-е. во время рабочих часов, тогда покойникам царям да и всей их челяди приходится

ворочаться в гробу от той матерщины, которую в избытке отпускает всякий рабочий. Это самое и произошло 25 июня 99 г. Когда перед вечером 24-го вывесили об'явление о том, что завтра работать должны от 6½ утра до вечера, с перерывом на обед и, что после двенадцати в церкви будет отслужен благодарственный молебен, на который приглашаются все рабочие, то среди рабочих появился такой ропот, какого никоим образом нельзя было ожидать. Рабочие положительно возмущались об'явлением, и почти каждый отклонялся, если ему говорили, что вот, мол, день работай, а в обед иди молись богу за умерших царей. Неужели мы такие дураки, что позволим молча пропустить этот случай?

Придя вечером домой 24 июня, товарищ, работавший в мастерских, забежав ко мне, но не застав меня дома, решил на свой страх еще с одним товарищем экстренно написать, при посредстве переводной бумаги, около двадцати прокламаций, подписав именем Екатеринославского Комитета (эта подпись являлась очень влиятельной и производила на рабочих хорошее действие). Утром раскинули эти, чуть видно написанные и в ничтожном количестве листки по одному и по два в мастерскую. Это произвело магическое действие, и листок читался в каждой мастерской до тех пор, пока не истрепался совсем (после комитету не удалось достать ни одного экземпляра). В листке требовалось окончить работу ровно в двенадцать часов и не ходить в церковь, а всем идти домой обедать, после обеда не являться на работу. Большинство вполне согласилось с листками, и в 12 часов рабочие пошли по домам, за исключением нескольких человек, направившихся в церковь. Товарищи не дремали, и вскоре на воротах появилась грозная надпись мелом, что, если кто осмелится пойти на работу после обеда, тому придется жалеть о своем поступке. Дальше следовало не менее грозное предостережение тому, кто осмелится стирать с ворот мел. Около часу дня собралась кучка рабочих человек в 50 около ворот, но надпись удерживала всех от желания пойти в мастерския; мало этого, сторож, видя столько народу, боялся исполнить приказание отметчика и жандарма и не стирал написанного на воротах. Из кучи собравшихся раздавались иронические восклицания, настроение было целиком за написанное, и многие восхваляли написавших, хотя виновники стояли тут же и продолжали настраивать толпу. Прогудел последний гудок, но ворота все были заперты. Наконец, явился жандармский офицер и открыл ворота, но желающих работать оказалось очень мало, да и те, которые вошли во двор, чувствовали себя очень неважно, и их в скорости выручил тот же жандармский офицер, выгнавши на улицу, и мастерския за-

крылись до завтрашнего дня. Редко бывали в году такие дни, когда железнодорожные мастерские стояли без рабочих. Бывало, суббота ли, воскресенье или другой какой большой праздник, работы все равно производили, как сверхурочные, а тут на тебе: все мастерские без живого существа, это довольно выразительно. Комитет собирал сведения о настроении: чувствовалось что-то особенное и все ждали другого дня.

На другой день волнение продолжало расти, и работы продолжались только фиктивно. Стояло большинство верстаков, станков, горн, вагонов и паровозов. Браться за работу никто не хотел. Вскоре появилось объявление о том, что за целый день 25 июня платить не будут, а только за полдня. Это окончательно прекратило всякую возможность продолжать работу, и часть мастеровых, а потом и все, побросали работу и ушли домой. От комитета появились в большом количестве листки; полиция и жандармы были на ногах и пускали в ход зубатовские приемы. Работы возобновились,—однако, волнения не прекращались всю неделю и, кажется, перекинулись через воскресенье на следующую неделю. За это время полиция и жандармы продолжали высматривать более беспокойных рабочих и записывать их фамилии. Наконец, волнения начали затихать, и все предвещало мир и спокойствие, но все это было нарушено жандармами. Окончив вечером работу, мастеровые со всех сторон торопливо спешили к выходным воротам. Лишь только часть их подступила к воротам, как на встречу выбежал офицер с обнаженной палашкой и крикнул: «стой». Рабочие оторопели, солдаты с ружьями оцепили рабочих, и тут же, как из-под земли, выросли пристава, и началось деление рабочих: записанных в книжках у приставов рабочих отводили в сторону и оцепили солдатами; другую часть рабочих выпускали за ворота, где они натыкались на солдат с ружьями на перевес и на команду: «налево», «направо» и т. д. Выйдя из мастерских, рабочим не позволяли останавливаться около ворот и гнали дальше. Около железной дороги всюду образовались кучки рабочих, они ожидали, когда поведут рабочих в тюрьму или в другое место, и, возможно, что произошла бы кровавая стычка, так как пробовали бы отнять арестованных. Жандармы, чтобы избежать этого, продолжали делать вид, что держат рабочих в мастерских около ворот, в то время, как сами торопили рабочих, окруженных солдатами, двигаться совершенно в обратную сторону, и окружным путем повели их через весь город к тюрьме. Прошло около часу в ожидании, когда рабочим удалось узнать о судьбе своих товарищей. Чувствовалось страшное разоча-

рование, и обида закипела у всякого рабочего, но что делать? Собравшиеся рабочие вышли на небольшую площадь, на углу Трамвайной улицы, кто-то бросил камнем в раму одного дома. Стекла зазвенели, толпа готова была уже разрушить дом, в котором жили сами же рабочие и часть евреев. Находившийся в этой толпе один из членов комитета сейчас же остановил толпу от этого, указавши на то, что в этом доме живут «ваши же братья рабочие». Толпа повернула в сторону от этого дома, соглашаясь со словами крикнувшего товарища. На встречу шел молодой парень-еврей, но, видимо, ничего не подозревал, когда кто-то из толпы его ударил и ему, видимо, грозила сильная опасность, когда опять тот же товарищ выбежал вперед и крикнул, чтобы не трогали его, поясняя толпе невинность этого человека, которого полиция жмет не меньше, чем их в данный момент.

— Что вы делаете? Вы направились освободить ваших братьев от врагов, полиции и жандармов, ваши товарищи отправлены в тюрьму, туда вы должны идти и освободить их.

Толпа с криком направилась в сторону тюрьмы, все время провожаемая полицией, которая дала знать о направлении идущей толпы. И когда толпа подошла к тюрьме, к этому времени у тюрьмы выстроилось войско, а арестованные рабочие находились уже внутри тюрьмы. В это время был арестован один из членов комитета, благодаря одному поступку, который выделил его из остальной массы. Особой стычки с войском не происходило, а стянувшаяся со всех сторон полиция старалась рассеять собравшихся рабочих ¹).

---

¹ „В июне месяце произошло волнение среди рабочих железнодорожных мастерских, которое продолжалось в течение нескольких дней (с 25 июня до первых чисел июля). Во время этих волнений комитет выпустил листок к железнодорожным рабочим, который, формулируя их требования, призывает рабочих продолжать стойко начатую борьбу. Настойчивость и тактичность, обнаруженные рабочими во время этих волнений, очевидно, сильно поразили администрацию и полицию, и они решили в свою очередь поразить рабочих своей наглостью и пристрастием к интересам эксплуататоров: они пригнали в мастерские взвод солдат, направили против ничего не ожидавших рабочих солдатские штыки и арестовали 50 человек. Но этими мерами представители царского правительства только лишний раз показали рабочим, кто их истинные враги. Немедленно после этой истории комитет выпустил листок ко всем екатеринославским рабочим, в котором указывалось, что для успешной борьбы за улучшение своего положения рабочим необходимо начать борьбу за политическую свободу. (Из ст. „Первый Екатерин. Соц.-Дем. ком.“ сб. „История Екатеринославской социал-демократической организации 1889—1903 года“).

После этого еще долго озлобление у рабочих не проходило, но вскоре стали освобождать рабочих и недели через две почти всех до одного освободили без особых последствий. Работавшие в железнодорожной мастерской товарищи, распространявшие листки, не были замечены, таким образом, мы и тут не пострадали. Только один член выбыл из комитета, и то, благодаря своему увлечению, в трудную минуту не выдержав роль до конца. Другой же, находившийся все время в толпе, благополучно продолжал работать. После этого как будто чувствовалось спокойствие.

Было лето—и комитетские собрания происходили на воздухе в разных местах. Помню, как в одно воскресенье мы собрались около лесных складов на берегу Днепра в центре города. Когда все собрались, то чувствовали большую неловкость сидеть на виду у всех, мимо проходящих людей, в то время, как приходилось часто прибегать к карандашу и бумаге. Не найдя укромного местечка между досок и бревен, мы забрались в пустую барку и открыли на ней очень удобное помещение, расположившись в котором приступили к обсуждению своих дел и благополучно закончили собрание. В другой раз мы поехали на лодке в окрестности; в следующий раз—в другую местность и так каждое воскресенье продолжали благополучно собираться и совещаться. Особенно часто подымали вопрос о печатании листов шрифтом, так как после майских листов опять пришлось пользоваться гектографом, благодаря отказу со стороны города делать листки иначе, а также благодаря отсутствию квартиры для этой работы. Я и товарищ положительно находили возможным печатать где-либо в отдалении от города в кустах берега, но со стороны города не могли добиться согласия в получении шрифта, каковой был у них. Что же касается неудовлетворения не только нас, комитетских рабочих, но и самых заурядных мастеровых, способом печатания на гектографе, то об этом свидетельствовал такой случай. На одном заводе (трубном) мастеровые, читая листки, говорили о неудовлетворительности типографии, а потому собрали в получку 10 р. с копейками и просили передать на улучшение типографии—и только на это.

Не поспела сгладиться история волнений на железной дороге, как разразившийся бунт в Мариуполе приковал все внимание рабочих Екатеринослава. И было о чем говорить. Сведения, получаемые оттуда, волновали всякого, но досадно, что долго не удавалось получить сколько-нибудь достоверных сведений. Свои люди были арестованы, между тем были нужны прокламации, как для Екатеринослава, так еще больше для самого Мариуполя. Наконец, это удалось,

и распространенные листки удовлетворили потребность рабочих¹). Особенно важно иметь в виду, если только в данной местности часто появляются листки, то, чтобы они своевременно выходили и говорили более подробно о произошедшем явлении, не преувеличивая и не умаляя. Если удастся возбудить доверие рабочих к листкам, то во время стачки или волнения они охотно соглашались со всем, о чем говорится в листке, а это и есть тот рычаг, которым удается направлять движение к намеченной цели.

Первое время, когда было мало еще людей, принимавших непосредственное участие в пропаганде и агитации, тогда гораздо легче было следить за конспиративностью отдельных лиц, но как только круг рабочих, принимающих участие в движении, расширился, то сейчас же стали заметны промахи отдельных личностей. Но и при этих промахах жандармам редко удается узнать что-либо подробное о том или ином лице, а обо всем деле—еще меньше. Мне часто приходилось неприятно поражаться, что какой-либо недалеко-видный товарищ рассказывает про меня или кого другого своим молодым друзьям и, когда с ними встречаешься, то узнаешь, что хотя их и не знаешь, но они тебя знают. При этом теряется склонность к конспирации, и, если человек горячий и увлекающийся, то он позволяет себе просто удивительную смелость. Так один молодой товарищ прямо читал в мастерской во время работы нелегальную книжку собравшимся рабочим, и, когда мастер подошел и вырвал ее из рук, то он ничуть не смутился и только жалел книжки. Конечно, это могло причинить массу неприятностей, но мастер был хороший знакомый наш, и хотя—прохвост, но ради знакомства не позволил себе сделать нам пакость. Другой товарищ устраивал в мастерской трибуну, с которой говорил мастеровым. И только благодаря тому обстоятельству, что почти до одного человека в этой мастерской все люди были сочувствующими или причастными к движению, то они, конечно, молчали о таких выходках со стороны некоторых невожатых людей. Все это мне сообщали, и я ничего не мог против этого поделать, потому что слишком расширился

---

¹ „После стачки в гор. Мариуполе, кончившейся, как известно, столкновением между рабочими и войском и имевшей своим последствием убийство нескольких рабочих, был издан листок ко всем екатеринославским рабочим и распространен (в первых числах октября) в количестве 3-х тысяч экземпляров. В этом листке комитет дал освещение мариупольских событий, указал на вред для рабочего дела таких приемов борьбы, как разгром завода и ломание машин и, в заключение, призывал рабочих на борьбу за политическую свободу.“ (Из ст. „Первый Екатериносл. Соц.-Дем. ком.“ сб. „История Екатеринославск. социал-демократич. организации 1889—1903“).

круг знакомств и, следовательно, мало имелось времени, чтобы беседовать подольше с такими горячими головами. Других же они или не слушались, или прямо игнорировали, вызывая этим своего рода неудовольствие, которое впоследствии приходилось улаживать.

К этому времени в Нижнеднепровске, благодаря одному рабочему, возникла новая группа. Эта группа с самого начала встала в контр комитету и никоим образом не желала (главным образом, этот рабочий) пойти на какие бы то ни было уступки. Приходилось вести борьбу сначала словами, но, когда из этого ничего не вышло, группа пожелала наименовать себя тоже комитетом и выпускать листки специально для завода Нижнеднепровских франко-русских мастерских, тогда пришлось войти в нее и начать работать в ее лагере над тем, чтобы по возможности парализовать ее влияние в среде рабочих во вред комитету. Притом приходилось сильно опасаться за неконспиративность этих людей и за легкость провала, который несомненно потащит и нас за собой, и дело сильно пострадает. Образовавши у себя кассу, они наименовали организацию «Рассветом». Несомненно, у них, как у рабочих, было достаточно денег, и они принялись их расходовать на листки. Они непременно хотели выпускать каждый день по листку или хотя один листок в неделю, но их непрактичность все время мешала им мало-мальски хорошо поставить технику. Между тем часть средств они уже израсходовали впустую.

В это время я созываю собрание их группы и настойчиво прошу, чтобы на собрании присутствовал и их вожак, который каждый раз систематически уклонялся от встречи со мной. В то же время, если мне удавалось кое-чего добиться, то он за моей спиной старался разрушить. Такие штуки ему почти всегда удавались, так как я очень редко приезжал в Нижнеднепровск. В его непримиримости большую роль играла его ненависть к интеллигенции, с которой он положительно не желал встречаться и почему-то меня считал тоже интеллигентом. На это собрание он тоже не явился, и мне пришлось говорить опять помимо него, с другими членами «Рассвета». Я указал им на невозможность работы помимо комитета и на ту неосторожность, с которой они работают, на пустую трату с трудом собранных денег и на то, что мы положительно откажем им во всякой иной литературе, а с одними листками они будут чувствовать себя очень скверно. Часть членов была безусловно на моей стороне и до собрания, так как в этом же духе действовал Вьюшин, который, конечно, знал о собрании, но на собрании не был, а только подготовил собрание в мою пользу. Я предложил

присоединиться их группе к комитету и обещал тогда дать им и литературы и интеллигента, для руководства работой, но чтобы они сами не смели ничего выпускать помимо комитета. Собрание со всем согласилось и решило в положительном смысле все поставленные мною вопросы. После этого, являвшийся туда интеллигент продолжал действовать в том же направлении, и всякий сепаратизм был уничтожен. Это было как раз перед сокращением работы на этом заводе (см. выше), когда нужно было правильное руководство при возникавших почти ежедневно столкновениях с администрацией.

Возвращаюсь на минуту к кооперативной лавке.

Прошло три месяца, в течение которых внимание к лавке сильно ослабело со стороны главных членов-инициаторов, в том числе и меня. Как я указал уже, при самом возникновении лавки, капитала было слишком мало, а притока в дальнейшем совсем не происходило, за исключением разве грошей от самого старичка, который не только не брал, но постоянно вкладывал остаток своего заработка в это дело. Он жаловался на индифферентность причастных лиц и один самостоятельно выполнял все обязанности по закупке товара, ездил в город, сидел в лавке каждую свободную минуту и видимо сильно тяготился этим предприятием, да и семейное положение как будто смущало его. Мне было ясно, что у нас сидит человек в лавке, который только тогда сможет хорошо выполнять работу, когда увидит, что работает лично для себя, а не для других. Сидела же в лавке жена старичка, привыкшая покорно исполнять желания мужа и только. Понятно, что, как только она узнала скрытую сторону этого предприятия, так охладела к своим обязанностям. Мы же постепенно убеждались в невозможности вести дело и только смотрели, как оно катилось под гору.

Прошли три месяца, и мы вновь все (5 человек) собрались для обсуждения столь важного для нас вопроса. Поставлен был вопрос: ликвидировать ли дело, или продолжать торговать дальше: как для первого, так и для второго требовались средства. Дело обстояло так, что нужно было платить за помещение, или при прекращении торговли уплатить 50 руб. неустойки—это одно. С другой стороны лавка распустила в долг товару на 80 руб., которые никак не удавалось собрать (не давать в долг товару было положительно невозможно, потому что в других лавках рабочие забирали тоже в долг), притом выяснилось, что некоторые евреи торговцы продавали товар дешевле нас и даже иногда в убыток или за свою цену. Это положительно сбивало с толку нашего заправилу, хозяина, и, при некоторой наблюдательности, наконец.

удалось выяснить причину. Оказалось, что, продавая дешевле нас, они давали неполный вес и, иногда, крали фунтов до 7-ми с пуда. Хотя мы открыли, таким образом, причину конкуренции, но, конечно, не могли ничего поделать и, понятно, что большинство покупателей неохотно шли в нашу лавку, если рядом видели более дешевую, совершенно не подозревая, что дешевое выходит поистине дороже дорогого. Мы же от этого чувствовали только большой ущерб, и бойкое место ничуть не выручало нас из беды. Итак, приходилось часто отпускать товар в кредит, это в свою очередь приводило к тому, что перед получкой жалованья наша лавка пустовала от всяких товаров, и только во время получки притекшие деньги позволяли делать кой-какие закупки. Словом, наше предприятие спотыкалось ежеминутно и постоянно грозило сломить себе голову. Теперь приходилось решать очень сложную дилемму и желательно было выйти из затруднения с честью. Самыми сильными кредиторами лавки оказывались в данный момент старичок и его лучший друг-приятель, поэтому при ликвидации им пришлось бы нести наибольший ущерб. После краткого ознакомления с положением, пришли к заключению, что дольше продолжать торговлю на кооперативных условиях невозможно, если же прекратить торговлю, то пришлось бы понести неустойку и был риск не получить 80 руб. долгу. Товару в лавке находилось на 100 руб. с небольшим. Как поступить?

После некоторого обсуждения, предложили старичку взять эту лавку в частную собственность с условием выплаты затраченной суммы из общественных капиталов, равно и уплаты по данным векселям, не менее чем по 10 руб. в месяц. Хотя старичок как будто неохотно согласился на наше предложение, но лучшего выхода не предстояло, и он согласился на наши условия, выговорив заранее, чтобы ему дали свободу не платить ничего в первые два-три месяца. Мы согласились, и вот наше кооперативное учреждение перешло в частные руки.

Впоследствии это создало не мало неприятностей для меня, хорошо знакомого с душой этого предприятия. Многие прослышали, конечно, что лавка основана на кооперативных началах, но как именно она основана, они этого хорошо не знали, да и узнали-то слишком поздно, когда лавка уже перешла в частные руки и когда за деятельностью ее не могло существовать никакого контроля. Старичка стали упрекать прямо в глаза, что он открыл лавку на общественные деньги, которые он как будто бы присвоил себе самым бесчестным образом. При этом, как доказательство справедливости таких взглядов, ставилось ему на вид, что он теперь мастер (он

в это время был мастером). Понятно, что человек должен был сильно обижаться на такого рода отношения к себе и очень часто горько жаловался на такие обиды. Сколько мог, я старался втолковать своим знакомым несправедливость их обвинений, все же устранить их совершенно я не мог. Я продолжал находиться в хороших отношениях с этим старичком и, однажды, попросил поместить у него в мастерской одного знакомого мастера. Он удовлетворил мою просьбу, но видимо впоследствии, сильно каялся в своем поступке. Дело в том, что вновь поступивший товарищ был страшно самолюбивым человеком и считался только с моими замечаниями, других же он игнорировал и, вообще, держал себя довольно несимпатично. Обо всем этом мне сообщали, и при встречах я ставил ему это на вид. В конце концов, у него произошла стычка со старичком, как с мастером данной мастерской. В пылу ругани мастеру пришлось вынести массу оскорблений и он, не найдя ничего лучшего, приказал вывести за ворота товарища, а потом назначил ему через две недели расчет. По этому поводу я принужден был съездить к старичку и дружески убедить его отказаться от своего намерения. Я настаивал, чтобы он не рассчитывал товарища, он же настаивал на своем решении. Хорошо помню, как этот старый семейный человек заплакал передо мной, очень молодым, в сравнении с ним, человеком. Он старался доказать мне, что не может оставить товарища продолжать работать, и в то же время сам чувствовал невозможность употреблять такие способы по отношению к рабочим. Вся эта история была наглядным доказательством того, что служить двум господам невозможно, в чем он вскоре и убедился. Он часто сообщал мне о секретных собраниях мастеров с директором, о вопросах, которые они обсуждали, и т. д. Словом, продолжал оставаться все тем же старичком, каким я его встретил. Но это была моя последняя встреча с ним. Он тогда же уплатил мне остаток суммы, собранной мной для кооперативной лавки. Уходя от него, я увидел, что по отношению ко мне, по отношению к делу, поскольку оно являлось общим, он оставался в течение двух лет совершенно честным человеком. Но я видел его слезы, видел его тревогу и многое другое. Извлекать из него пользу и в дальнейшем мог бы умелый и осторожный человек, потратив лишний час для беседы с ним. Время же было слишком горячее, и всякая свободная минута ценилась и, притом, нам нужны были люди посильнее этого старичка; люди, умеющие жертвовать всем и собою, и вот, попросившись дружески, я ушел от него, но изредка все-таки приходилось его тревожить. Вскоре последовавшее сокращение заработков заставило

его изворачиваться побыстрее, но даже его друзья прониклись недовольством к нему, к тому же и мой знакомый не был рассчитан и, понятно, неудовольствие росло. Как-то я должен был иметь свидание с человеком из этой мастерской, которого я знал довольно давно. На состоявшемся свидании (на проспекте) он изложил общее неудовольствие мастером, хотя он был его друг, и спрашивал совета, как им поступить. Мне думалось, что если мастером состоит свой человек, который замаскированно поддерживает протест, он будет полезен, но коль скоро мастером состоит свой человек, который старается заглушить протесты и, по необходимости, частицами уступает администрации, в то же время, как свой человек вызывает семейное неудовольствие, а не ненависть, такой мастер для движения вреднее прямого врага. И потому я посоветовал собраться на частное собрание человекам пяти-шести и пригласить на это тайное собрание мастера и на нем дружески попросить его отказаться от мастерства. Впоследствии мне удалось узнать, что он ушел из мастеров и даже сидел 3 месяца в тюрьме. Этим я и закончу о старичке.

Приблизительно в начале зимы 99 г. князю Святополк-Мирскому почему-то взбрело в голову основать какой-либо легальный рабочий союз. И вот, не долго думая, он отряжает свою княгиню с поручением к одной либеральной госпоже, руководительнице вечерней школы для рабочих, по фамилии Журавской. Поздненько вечером княгиня пробиралась по довольно захолустной улице к Журавской и, явившись туда, дружески пригласила последнюю к князю для беседы по этому поводу.

Журавская была приглашена к князю на свидание. Последний передал ей свое желание об устройстве рабочего союза, но, боже сохрани, чтобы туда не попал какой-либо из беспокойных рабочих. «Вы, конечно, меня понимаете», — говорил князь. Надо думать, что г-жа Журавская понимала истинно доброе желание князя и сделала все, что могла. Какими путями, не буду передавать, но мне сообщили обо всем этом, и тут же мы обсудили с сообщившим, как воспользоваться нам этим самодурством князя. Трудно было решить, что или кто направил мысли князя в эту сторону. Несомненно, конечно, одно, ведь не из сочувствия же к рабочим С.-Мирский вздумал побаловать их союзом. Как бы там ни было, а нужно воспользоваться этим случаем и лишь направить все не так, как хочется князю, а как нужно нам. Мы знали, что от Журавской обратились к упомянутому выше одному народнику, который и должен потрудиться в духе князя. Пришлось узнать кое-что из намерений народников

и кое-что придумать от себя. Однажды, вечером было назначено общее собрание еще неизвестных рабочих, кое-кто получил повестки по почте, кой-кому передали по рукам через рабочих, но можно было явиться и не по повесткам. Делалось это все, можно сказать, домашним образом, и редко, редко кто из рабочих мог узнать о предстоящем собрании. Помещение для собрания уступил богач, пивовар Бош, в громадном каменном здании. Конечно, важно было, чтобы на первом собрании было побольше от нас публики, дабы пущенный на голоса какой либо вопрос был решен в желательном нам смысле. Сам идти на собрание я не решился, но просил пойти одного из товарищей с просьбой руководить остальными людьми из нашего лагеря, с другой стороны, пришлось послать рабочих из других заводов, чтобы придать собранию жизненную силу.

Все обстояло хорошо, только перед самым собранием за день я узнал от человека очень сведущего, что наш князь скоро будет назначен шефом жандармов и, понятно, зародилось предположение, не воспользуется ли этот «милый человек» для своего дебюта созданным им же рабочим союзом. Осторожность никогда не мешает, а в данном случае она требовалась особенно. И вот в тот вечер, когда должно было состояться собрание, я, дорожа своими товарищами, встретил их при переезде из-за Днепра и убедил не ходить на собрание. В числе этих приехавших находился и Вьюшин. Не помню теперь, кто именно пошел из приехавших, но, хотя я уговорил не ходить часть публики, все же на собрании часть была. Наше предположение оправдалось как нельзя лучше. На первых же шагах возгорелась борьба между нашими и народниками. На этом собрании и на следующих, при выработке устава, народники особенно резко показали свою трусливость и далеко не маленький эгоизм. Им казался этот союз чем-то вроде кассы взаимопомощи, существующей лишь для улучшения положения члена союза, и только. Все вопросы ставились узко, и на каждом шагу предполагались препоны пробивающемуся сквозь узкие рамки социализму из той предосторожности, что если, мол, допустить то или это, тогда не утвердят устава, да и вообще мы можем навлечь на себя подозрение и т. п. Однако, оказалось, что народникам не под силу побороть нашу сторону, тогда они попробовали перенести обсуждение вопросов на частные собрания, где нашему товарищу приходилось воевать с ними, они же старались переубедить его. Все было тщетно. После нескольких собраний приступили к выработке устава, при чем народники желали провести устав харьковского общества взаимопомощи и даже с некоторой тенденцией

сделать его еще более умеренным. Словом, они все желали свести на узкое товарищество. При всем их старании устав был выработан довольно радикальный, и перед моим отъездом передано князю.

Во время этих собраний один из народников постоянно пакостил нам, руководя своими друзьями, хотя сам ни разу на собрании не был. Они были настолько злы на нас, что у одного из них даже вырывались такие фразы, когда ему приходилось на работе находить листки: «жаль, что не попадаетея он (раскидывавший) мне, я бы ему показал, как раскидывать»,—говорилось это в угрожающем тоне. Бедные народники! Всегда и всюду они всего боялись и боятся, и все же нередко приходится им иметь дело с жандармами, и не всегда без последствий.

В эту зиму у нас комитет настолько обновился, что из старых остался только один, остальные все были свежими для Екатеринославского Комитета. В эту же зиму в комитет был введен Вьюшин, который знал всех и, впоследствии, предал, ибо только с этого момента стало потом известно существование комитета жандармам (они, конечно, знали и раньше о его существовании, но не знали, из кого он состоял вплоть до этого времени). Видимо, Вьюшин не был ни настоящим предателем, ни шпионом, ни провокатором, а просто раскаявшимся грешником. Конечно, это ничуть его не делает порядочным человеком и, если бы пришлось ему пойти в высылку, то отношение к нему должно быть самое жестокое, т.-е. презрение. Он, конечно, все сообщил жандармам о районе Нижнеднепровском и настолько подробно, как мог знать только он. Человек, стоявший в центре своего района около года, он держался очень умело на свободе, был всегда одним из лучших того района, одним из самых развитых и бойких. И вдруг, при первом маловажном аресте, начинает все рассказывать. Это просто сбивает с толку, и затрудняемся положительно об'яснить причину.

Начиная с осени 99 года усиленно торопили печатание новой газеты. Я лично знал обо всем этом, но не знал, где она будет печататься, хотя считал возможным, что она напечатается в самом Екатеринославе, не знал я также названия предполагаемой газеты. Все это хранилось в строгой тайне. Помню, было созвано собрание городского комитета, на котором читались некоторые статьи, помню одну—о рабочем движении в Екатеринославе и потом стихотворение «Беснуйтесь, тираны». Все это было принято. Тут же обсуждался вопрос о посылке делегата на социалистический конгресс, но это было только предварительное ознакомление,

а выбор такового зависел от некоторых обстоятельств в дальнейшем. Это было в конце 99 года.

Если взглянуть на год с лишком назад, то общий рост движения за 98 и 99 г.г. чувствовался сильно. Рабочая масса была уже до некоторой степени избалована прокламациями и начала пред'являть спрос на более серьезную литературу и на лучшую постановку технической стороны. Плохо отгектографированные листки читались уже не так охотно. Начали критиковать работу и, конечно, не прочь были бы и помочь делу, если бы дело не было так конспиративно. Приходилось забросить старый способ печатания и придумать новый. В общем мы все соглашались с тем, что прокламации отжили свое время и выполнили свои обязанности. Нужна газета более содержательная, чем все листки, об этом говорит всякий.

И вот в январе 1900 года, наконец, вышла долгожданная газета «Южный Рабочий». На рабочем комитетском собрании она была частично прочитана. Новинку пожелали sprysнуть и устроили маленькую выпивку; тут же условились, когда и где распространить ее. Разумеется, всякий рабочий хватался за газету с особым интересом, а приученный листками, он неохотно отдавал ее полиции или мастеру.

На Брянском заводе в прокатной рабочие нашли один номер газеты и были очень удивлены содержанием:

— Смотри, да это как настоящая газета! Вон и хроника и корреспонденция!

И тут же пошли в укромное место почитать эту газету. Эта первая газета осталась у них на долго в памяти и подняла настроение, так как они увидели, что, несмотря на аресты, деятельность не только не сокращается, но, наоборот, все становится более умелой и сильной.

Нужно сказать, что в течение двух с лишним лет рабочие воспитывались на прокламационной литературе, и за это время не происходило арестов среди самой массы, хотя, конечно, это было бы желательно, так как приучало бы массу к такого рода случаям и не производило бы того ошеломляющего действия, которое всегда и всюду можно наблюдать, если аресты произойдут неожиданно. Плохо, конечно, опять же, если арестуют кого-либо из руководителей — это приостанавливает деятельность, чего не следует никогда допускать, как говорится, лезь из кожи, но не давай виду, что ты или твое дело пострадало от того-то и того-то.

Еще в начале зимы я чувствовал особый надзор за собой и потому старался быть крайне осторожным. Сделанный на меня в это время жандармский набег ничего им не дал, и они оставили меня на свободе, о чем после очень

жалел жандармский начальник. Приходилось ожидать каждый день нового набега, от которого я ожидал худших последствий, но уехать все же было нельзя, и я положительно считал дни, которые мне оставалось прожить в Екатеринославе. Наконец, желанный день настал, и, заранее связавши вещи так, чтобы не знала домовая хозяйка, я пошел и взял извозчика. Только тогда домовая хозяйка узнала о моем выезде. Она сделала верное предположение о том, куда именно я еду и сейчас же после меня пошла в часть и сообщила, куда я уехал. Ее за это поблагодарили и все записали в книгу.

Поезд мчался по Николаевской жел. дороге, приближаясь к Питеру, и я вскоре должен был увидеть знакомые мне улицы, а потом и людей. В боковом кармане у меня находился настоящий паспорт одного благонадежного лица, и с ним я смело мог появиться в любом месте.

Этим и закончу я свои воспоминания о Екатеринославе. Напрасно было бы искать в них систематичности и широкого психологического анализа настроения масс. Я не старался об этом, да и для этого потребовалась бы совершенно иная форма изложения.

Настоящие воспоминания, как относительно Петербурга, так и Екатеринослава, я отдаю в полное распоряжение архива «Искры», и только с согласия последней можно ими пользоваться, и с моего согласия в отдельности.

Продолжение воспоминаний относительно центра России я могу обещать написать, но не здесь.

Приложения.

I.

КОРРЕСПОНДЕНЦИИ И. В. БАБУШКИНА В „РАБОЧЕЕ ДЕЛО“ и в „ИСКРУ“.

Из Нижнеднепровска (Екатеринославской губ.).

19-го марта 1898 года рабочие вагоно-строительного завода Франко-русского анонимного общества пред'явили главному уполномоченному этого общества, г-ну Оксу, следующие требования:

1) Сократить рабочий день в субботу и кануны праздников до 8 часов в сутки.

2) Установить новые расценки, соображаясь с действительной стоимостью каждой сделанной вещи и временем, затраченным на ее производство.

3) Усилить врачебный персонал на заводе и ввести более человеческие отношения между администрацией и рабочими.

Требования эти уже не раз пред'являлись администрации завода, но та всегда давала на них лишь уклончивые ответы. На этот раз рабочие уже решительно потребовали удовлетворения своих требований, угрожая в противном случае забастовать.

Окс обещал в тот же день вызвать по телефону фабричного инспектора и с его разрешения изменить правила внутреннего распорядка в духе, желательном для рабочих.

19 и 20 марта рабочие, в ожидании инспектора, спокойно работали, а 21-го в субботу, известили г-на Окса, что согласно с его обещанием они будут работать сегодня только 8 часов. Окс ответил им, что «сегодня инспектор прибудет наверное». В 2 ч. рабочие прекратили работы и разошлись по домам. Инспектора на заводе и в этот день не было. 22 марта рабочие повторили свои требования вернувшемуся на завод тов. директора Белоножкину, на что тот ответил им приблизительно следующее: «дело рабочих не устанавливать правила внутреннего распорядка, а исполнять то, что приказывает им заводская администрация»... Во избежание

дальнейших недоразумений он считает нужным предупредить рабочих, что более беспокойные из их среды будут немедленно же удалены с завода, если только рабочие не перестанут настаивать на своих требованиях. Тогда рабочие настоятельно потребовали вызова фабричного инспектора, как это обещал им Окс.

На этот раз инспектор уже не заставил себя долго ждать, и явился не один, а вместе с главным фабричным инспектором, г. Фейниным и в сопровождении Окса. Оба инспектора сначала старались убедить рабочих отказаться от своих «незаконных» требований, слушаться заводской администрации, которая «желает им добра»; потом напомнили рабочим о наказании, которое грозит им, как бунтовщикам. Но рабочие продолжали «упорствовать». Тогда инспектора предложили им выбрать депутатов, надеясь, что вкрадчивыми речами и обещаниями им удастся склонить депутатов на уступки. Расчет инспекторов однако не оправдался. Депутаты не поддались ни на ласковые обещания, ни на угрозы; «рабочие,, избравшие нас, твердили они, не давали нам полномочия отказываться от выставленных ими требований». Инспектора вынуждены были уступить и обещать рабочим изменить правила внутреннего распорядка на заводе, согласно с их требованиями. Рабочие возобновили работы. Белоножкин же стал подыскивать случая рассчитать депутатов. Один из депутатов был уволен с завода в конце апреля за то, что он был, по словам Белоножкина, подстрекателем во время мартовской стачки, «и остальные депутаты,—прибавил при этом Белоножкин, — будут тоже рассчитаны».

Возмущенные этим поступком Белоножкина, рабочие собрались 1-го мая возле конторы и потребовали обратного приема незаконно рассчитанного депутата-рабочего. Белоножкин вышел к рабочим в сопровождении полицейского надзирателя, старательно его охранявшего, и произнес «пламенную» речь следующего содержания: «Господа, чего хотите от меня? Сколько раз вы уже собирались здесь и требовали невозможного. Вы знаете, что я желаю вам только добра, что я все готов сделать для вас... но теперь вы требуете невозможного... Скоро-скоро я оставлю вас, и вы будете жалеть своего доброго начальника... Если бы мне не жалко было вас, то я бы сейчас же оставил вас»... Мастеровым оставалось только поблагодарить г-на Белоножкина за его доброе намерение оставить их, что они тотчас же и сделали. Кто-то из присутствующих накинул Белоножкину мешок на голову... Надзиратель бросился в толпу... Рабочие заволновались, повалили Белоножкина и побили... Белоножкин вырвался и убежал в контору, а рабочие отправились на

завод продолжать работы. Но работали они недолго. Послышался гудок о прекращении работ (гудок был дан не во время) и рабочие разошлись. В 4 часа гудок опять звал рабочих на работу. Оказалось, что приехал судебный следователь... 2, 3 и 4 мая завод стоял. 5-го рабочие вышли на работу, а начальство в это время припрягло солдат в одном сарае... В ночь с 4 на 5-е мая были аресты по квартирам. 5-го приглашали рабочих в контору и там их арестовывали. Всего арестовано было 10 человек.

Рабочий.

На вагоностроительном заводе (за городом) рабочие явились к начальнику мастерских и потребовали повышения платы. Начальник посоветовал им выбрать депутатов. Выбрали 6 человек — их арестовали. Это всех возмутило. Рабочие встретили помощника директора и спросили его, за что пострадали выбранные рабочие. Тот в ответ стал им грозить. Тогда рабочие накинули ему на голову мешок, вывезли на тачке и поколотили.

Несколько человек были по этому делу привлечены к суду, но, за отсутствием улик, всех их от наказания освободили.

Повышения заработной платы рабочие не добились, но добились окончания работы по субботам в 2 часа.

(„Рабочее дело“ № 1—апрель 1899 г.,
Женева, Орган Союза Русских Соц.-
Демократов).

Орехово-Зуево (местечко Никольское). Раньше, чем приступить к описанию больничных порядков у Саввы Морозова, считаю нужным сказать несколько слов, характеризующих местное положение. Для нас, орехово-зуевских рабочих, небезынтересно познакомить через рабочую газету «Искра» как своих рабочих, так и рабочих других городов и других профессий с нашими иногда чудовищными порядками. Не говоря уже о том, что всякий сознательный рабочий должен интересоваться рабочим вопросом, но есть много людей, которые сами не рабочие, а все же интересуются этим вопросом и сочувствуют классовому рабочему движению... Как бы ни держали нас в невежестве своими хитросплетенными софизмами пресловутые попы, идущие рука об руку с капиталистами и властями русского правительства — рабочие все же видят свое жалкое рабское положение.

В местечке Никольском работает до 25 тысяч человек у двух фабрикантов, Викулы и Саввы Морозовых, а все население Орехова состоит из 40 тысяч человек, живущих

на расстоянии девяти квадратных верст. И при таком количестве и такой скученности населения рабочее движение, тем не менее, очень тихое и сонное; эта сонность происходит, главным образом, от полной умственной голодовки. У нас нет литературы, которая встречается в столицах и других больших городах, к нам не попадают и рабочие из таких городов и, благодаря этому, мы не знаем, где и как ведется дело. Взяться же самим у нас не хватает смелости и отчасти знания. Вот образчик наших порядков и нашего материального положения, который мы приводим без всяких преувеличений и в полном согласии с фактами.

У нас есть две больницы: одна Викулы, другая Саввы Морозова. Постараюсь описать больницу для рабочих Саввы Морозова. Больница находится около чугуно-литейного завода (завод служит для фабрики) и жилых рабочих помещений (казарм). Место вредное и для жилых помещений, а для больницы тем более. Морозов сдал свою больницу за известную сумму одному эскулапу, доктору Базелевичу. С больными доктор Базелевич обращается как настоящий живодер. Труды его даром не пропадают,—он отлично умеет сдирать шкуру с изнеможенных рабочих. Чаю и сахару больным не полагается, а есть только кипяток и тот только до шести часов вечера. Пища очень скверная и то не в достаточном количестве. К ужину подают кислые щи или другую такую же похлебку. Больные голодают в буквальном смысле слова. Только те и сыты, которых навещают родные и знакомые. В виду полуголодного содержания больных Базелевич не возбраняет приносить в больницу все, а потому родные несут и кислую капусту, и селедки, и хлеб, и квас, — одним словом, все, что есть. Кормят больных по несколько (4—5) человек из одной посуды зараз. Белье содержится очень грязно и всегда можно заметить на простынях и наволочках очень сомнительные пятна. Вот как рассказывает один рабочий о своем посещении: «Раз я пришел в числе посетителей в больницу. Подходя к знакомому, я обратил внимание на рядом лежащего больного. Это был молодой человек в длинной грязной рубаше, в коротких грязных кальсонах и разных чулках (один белый, другой красный). Больной страдал ногами. Когда я беседовал, то молодой человек жадным, измученным взглядом смотрел на меня и, наконец, произнес: ради христа, дай кусочек хлеба, я чуть не умираю с голода, так как меня никто не посещает».

Лечение в больнице возмутительное — одной водой и дешевенькими порошками. Сам Базелевич очень редко принимает больных. Он нанял двух врачей, а сам только следит за выдачей лекарств.

Тут же существует родильный приют, который замечателен своей нелюбовью к пациенткам — больных принимают только дня за два до родов, отговариваясь тем, что они слишком рано приходят есть хозяйские харчи. В январе этого года был такой возмутительный случай: акушерка отослала назад домой беременную женщину. Отойдя немного от больницы, женщина родила на дороге.

Как видите, товарищи, наше положение в больнице у Саввы Морозова не из приятных. Наше здоровье, наши силы превратились в частицу морозовских миллионов. Морозов богатеет, а мы принуждены проводить последние дни жизни, протягивая руку за куском хлеба. Ну, а если мы попадем в богадельню? В следующем письме мы увидим, чего можно ожидать там.

(„Искра“ № 4, май 1901 г.).

Из Иваново-Вознесенска сообщают о целом ряде мелких фабричных протестов, которые показывают, что обострение нужды, вызванное кризисом, и ведущаяся местными социал-демократами агитация не проходят бесследно.

После Пасхи 12 рабочих на ткацкой фабрике Зубкова, уволенных за беспокойный нрав, потребовали и добились от фабрики уплаты за две недели, как это требуется законом. Как водится, фабричный инспектор не только не поддержал законное требование рабочих, но и пытался запугать их окриками и бранью. Только настойчивость рабочих, грозивших жалобой на самого инспектора, побудила этого «охранителя закона» исполнить свой долг.

На фабрике Дмитрия Бурылина рабочие отбили попытку фабриканта отнять у них праздник 8-го мая (Ивана Богослова), доселе бывший на этой фабрике нерабочим днем. Там же женщины пытались добиться повышения своей заработной платы, но безуспешно.

На фабрике А. И. Гарелина 4-го июня все рабочие отправились к фабричному инспектору и пред'явили ему требование об удалении надоевшего им табельщика. Требование было пред'явлено настолько энергично, что фабричный инспектор посоветовал управляющему его удовлетворить, что и было в конце концов исполнено.

На чугуно-литейном заводе Калашникова (200 чел.) сокращение расценков привело к уменьшению заработков вдвое. 15-го мая натянутое положение между литейщиками и администрацией завода приняло самый острый характер. Получив месячный расчет, литейщики, в количестве 70 че-

ловек, заявили о своем нежелании заключать договор на условиях, предлагаемых администрацией завода, и потребовали возвращения к старым условиям — полугодовому найму (вместо месячного) и зимним расценкам. Заводуправление отказало в требовании литейщиков, угрожая заместить их рабочими из других городов. Литейщики дружно отказались от возобновления найма и отправились к фабричному инспектору просить о посредничестве. Фабричный инспектор отказался от всякого вмешательства в это дело, так как-де хозяин имеет право изменять принятую систему найма и расценки.

Заводуправление стало вербовать рабочих в Шуе и Москве. Из Москвы выписано было десять рабочих, от которых при найме скрыли, что зовут на места стачечников. Обещан им был хороший заработок: 75—80 руб. и больше в месяц. Но когда москвичи прибыли в Ив.-Вознесенск и увидели, на какую роль их приглашают, они заявили иваново-вознесенцам, что привезены обманом и, если бы знали о стачке, то не приехали бы. «С этого времени между ивановцами и москвичами установилась полная солидарность, и вскоре же москвичи отправились к фабричному инспектору с жалобой на завод. И хозяева, боясь осложнений, тут же отправили одного из беспокойных литейщиков обратно в Москву».

В Шуе нанятые было литейщики, как только узнали о стачке, отказались ехать. Тогда Калашниковский завод сдал часть своих неотложных заказов заводу анонимного общества в Шуе, администрация которого состоит в родстве с администрацией завода Калашникова. Рабочие зав. Калашникова обратились к Ив.-Вознесенскому Комитету Соц.-Дем. Партии с просьбой о воздействии на шуйских рабочих. Комитетом были выпущены прокламации к рабочим завода анонимного общества. Прокламации вызвали забастовку, и рабочие потребовали, чтобы от Калашникова заказы не принимались. Администрация обещала удовлетворить это требование, приглашая не прерывать работы и ожидать приезда хозяина. По приезде последнего рабочие получили «угощение» водкой, а те из них, которые не работали до приезда хозяина, получили расчет, либо штраф.

Стачка на Калашниковском заводе продолжалась полторы недели и кончилась частичной уступкой — повышением расценок до зимней нормы. Москвичи отправились домой, и Калашниковские литейщики устроили им сбор на дорогу. «Хозяйские забегалки, пишет корреспондент, ознакомили своих рабочих с москвичами и тем оказали им некоторую услугу».

показав, что экономические потребности здешних рабочих много ниже, чем в других городах».

Понятно, что все эти проявления протеста не могли не вызвать вмешательства царских опричников. «Полиция, пишут нам, за последнее время стала особенно чутка и наблюдательна за рабочими, а первого мая не было места, где бы не встречался полицейский». В ночь с 17-го на 18-е мая над Иваново-Вознесенском пронесся жандармский ураган, который выразился в аресте девятнадцати человек рабочих. Из арестованных удалось узнать следующие фамилии: Г. Ляпин, Н. Голоухов, Белов, Королев, Филиппов, Жаров, Баринов, Боголепов, Мокруев, Воробьев, Соколов, Гаравин. Арестованные содержатся частью в местной тюрьме и по фабричным арестантским. Таскают многих в тюрьму на допрос; из них задержали троих. Дело ведут местный полицеймейстер и жандармский ротмистр, ведут очень глупо, подчас забирают безграмотных. Интересно,—нам удалось узнать,—что за несколько времени перед арестом Баринов был приглашен к полицеймейстеру, который предлагал ему поступить к жандармам в шпионы. Баринов отказался, говоря, что его все знают и могут скоро прикрыть. На это в утешение полицеймейстер предлагает два-три револьвера, но и это не соблазнило Баринова. Спустя два дня Баринова уже приглашает жандармский ротмистр, который уже предлагает рублей на 5 больше, чем полицеймейстер (последний предлагал 15 р.), и просит Баринова, чтобы он указал главных деятелей. Баринов отказался. Теперь его арестовали, очевидно подозревая, что он самый главный.

Не знаем, жалеет-ли Баринов, что он не получил 15 руб., но за то уверены, что ротмистр и полицеймейстер очень жалеют, что за 15 руб. им не удалось узнать главного.

Просят остерегаться конторщика Колычева на фабрике Гарелина (черный, сутуловатый, говорит басом). Будучи однажды арестован, рассказал все, что знал, благодаря чему многих забрали.

* * *

Хотя услуга нам при нужде дорога,
Но за нее не всяк умеет взяться...

Именно такого рода услугу оказала рабочим Иваново-Вознесенска для первого мая в прошлом году С.-Петербургская организация, а в нынешнем году в этом же направлении трудились, очевидно, другие доброжелатели. К стыду первых должны признать, что они были скромнее нынешних доброжелателей, но все же мы не думали сообщать о том,

что было в прошлом году, если бы и в этом году не было такого же печального поползновения.

В прошлом году доставили в Иваново-Вознесенск достаточное количество майских листков из Петербурга. Доставили, но не дали совета, как наилучше распространить эти листки. И вот местные рабочие, не работавшие раньше листками, разделили на несколько человек эти листки и, придя к фабрике, стали раздавать выходявшим рабочим упомянутые листки. (Способ очень хорош в будущем и, может, им очень воспользуются, но там, где только начинают такую деятельность, это невозможно по очень многим соображениям.) Конечно, раздать им удалось достаточное количество, но в конце концов их всех забрали и отправили к жандармам. Дальше — процесс, и почти все арестованные выдавали, а некоторые наговорили больше, чем знали сами. Это было бы полбеды, если бы сами листки стоили, чтобы их распространить. Но тут-то и есть главная беда. Оказалось, что распространенные листки вызывали негодование рабочих против тех же листков. И это очень понятно: в Ив.-Вознесенске работают девять часов чуть-ли не на всех фабриках (хотя и не все рабочие), а им предлагают требовать девятичасового рабочего дня... Эх, господа составители, писатели и доброжелатели, этак можно очень много натворить пакостей рабочим!!

В нынешнем году был доставлен также листок в готовом виде и в большом количестве, и это, может, будет повторяться еще и еще, и не только в Иваново-Вознесенске, а и в других местах, и вот почему я, рабочий, протестую против такой скверной (извините за выражение!) постановки дела, против таких отживших и предосудительных приемов!

Раньше, чем напечатать и доставить листок, его нужно доставить для обсуждения местной рабочей организации, какая бы она ни была, и если она его одобрит, то она, наверное, его и распространит, и тогда не повторится такое печальное явление, как с листком в Ив.-Вознесенске, который доставлен был для распространения, а не доставлен был для обсуждения. Благодаря этому, его как-будто доставили для того, чтобы уничтожить не только как не удовлетворяющий, но и как вредный листок. И в самом деле, выставить требование девятичасового рабочего дня, когда здесь работают столько же часов—разве этим возможно заинтересовать рабочих?! Опять же, требовать суда присяжных над стачечниками! Разве это не есть смешная ирония? Это значит, что мы будем признавать справедливым преследование стачек. Для нас нужен не суд присяжных над стачечниками, а полная свобода стачек, — даже больше, — покровительство стачечни-

ков. Очень жаль, что уничтожены все упомянутые листки. Мы не преминули бы познакомиться с полным подлинником.

Рабочий за рабочих.

Из Шу и пишут о возмутительных порядках на ситцепечатной, ткацкой и прядильной фабрике Павлова (до 3.000 ч.). На этой фабрике хозяин с сыновьями в полном смысле слова — развратники, и один из сыновей доразвратничался до сумасшествия и теперь находится в психическом недомогании и получил дурную болезнь. Благодаря всему этому, трудно какой-нибудь девушке остаться в полной безопасности от этих наглых бесстыдных представителей русского капитализма и столбов отечественного правительства. Хозяин имеет особых работниц, которые стараются совращать молодых девушек. Из фабрики Павлов сделал своего рода гарем. Глядя на хозяина и его подлых сыновей, и служащие позволяют себе мерзости... На фабрике есть много станков, покрытых рогожами, потому что хозяин боится нанимать на свою фабрику мужчин из страха перед бунтом, женщины же на этих станках работать не могут по недостатку физической силы.

У всякой работницы и работника сердце ноет от тех порядков, которые творятся на фабрике Павлова.

* * *

Из того же города сообщают: «У нас в городе недавно были обыски и аресты. Арестовывают ночью, и теперь есть у жандармского ротмистра целое дело. Конечно, в других городах арестовывают, потому что находят подпольные книжки и газеты, а у нас арестуют потому, что находят цензурные книги, хотя бы одну или две. И вот на допросе, чинимом жандармским ротмистром, он вопрошает:

— Это у тебя зачем?

— Читать купил.

— А почему купил именно эту, а не житие? Или: почему читаешь, а не спишь? Или: не ведешь такой бесстыдный образ жизни, как он, шуйский ротмистр. Он, ротмистр, с фабрикантом Павловым напиваются до положения грязной свиньи и потом в таком виде целуются публично и изливают свои взаимные чувства на глазах удивленной публики. Павлов же для таких случаев приказывает которой-нибудь свахе (таких он имеет несколько на своей фабрике) приготовить такую-то девушку, и это выполняется, точно речь шла о том, как зажарить цыпленка. И это делают представители русского капитала и представители жандармской власти. И потому-то они стараются удержать в темноте массу, поэтому

нельзя рабочему пройти по городу с книгой под мышкой, чтобы такую не вырвал полицейский и не посмотрел: «это что за книга?» Это особенно бывает часто около читальни.

Раз представитель капитала, Павлов, представитель правительства, жандармский ротмистр, представитель русских попов-инквизиторов, Евлампий, отправились с целью напиться до осатанения за много верст от Шуи. И точно что напились (были, конечно, с ними и другие), начали безобразить и чуть не подрались. Потом все заставляли попа Евлампия задать в своем поповском балахоне плясового трепака, но поп Евлампий, напившись, сделался строптив и ни за что не хотел итти плясать. Тогда разгневанные друзья выгнали пьяного попа, и поп пешком уже верст девять отмахал к Шуе (по какой-то случайности не завалился в канаву), и только на десятой версте догнала много спустя посланная подвода и довезла строптивного попа до дома.

Из Орехово - Зуева нам пишут: 19-го марта в местечке Никольском были произведены аресты. Арестован Рудаков, выпущенный через несколько дней. Обыски сделаны у Иванова ткача и Агафонова уборщика, по слухам, также в доме Солнцева. Причина такого набега, как нам удалось узнать, — деятельность шпиона-provокатора Ниткина (настоящая фамилия Дмитриев). Этот Дмитриев был привезен новым директором фабрики Викулы Морозова Скобелевым месяцев восемь тому назад. Он и действует с ведома Скобелева, получая от него деньги на разные расходы. Дмитриев-Ниткин живет среди рабочих в казарме. Приметы: лет 33, рост выше среднего, плотного телосложения, большой лоб, мутные серые глаза, говорит мягко, при разговоре на лбу делаются морщины, смотрит исподлобья.

(„Искра“ № 6, июль 1901 г.).

Из Богородска (Моск. губ.) нам пишет местный рабочий:

Есть, конечно, в России рабочие центры, как-то: Спб, Москва, Варшава, Киев, Харьков, где рабочие живут культурной жизнью, где социализм находит себе пути, улицы и переулки к жилищам рабочих; там есть много сознательных рабочих, и они делают свое дело, которое становится все тверже и могучее. Там есть интеллигенция, которая способствует этому движению... Но есть еще в России такие рабочие центры, куда прямые пути для социализма затруднены, где культурная жизнь искусственно и усиленно задавливается. Там рабочие живут безо всяких культурных потребностей и для их

развлечения достаточна одна водка, продаваемая хозяином (теперь казенная монополюшка), да балалаечник или плясун из рабочих. Такие места напоминают стоячую воду в небольшом озере, где вода цветет, и цвет садится на дно, образуя всякую грязь, которая втягивает в себя все, что на нее попадет. К такой категории можно причислить и Глуховскую мануфактуру (около Богородска). Тут культурной жизни почти нет и трудно ей на первых порах упрочиться, если только удастся зародиться. Интеллигенция тут отсутствует (употребляю слово «интеллигенция» условно: чиновники и т. п. с цензом образования не есть еще интеллигенция, это только глаженная, клейменная публика — «благонадежный»), рабочие культурные очень редки, а чуть который начинает чувствовать гнет, то выбывает; поднадзорный попасть сюда не может, а потому никакой литературы тут нет, ни легальной, ни нелегальной. Если рабочий попадет сюда из большого города и вздумает вести пропаганду, то он скоро навлечет на себя внимание администрации, а она дела вершит скорее полевого суда: немедленно рассчитывает и удаляет из хозяйских помещений. Мы хотим здесь описать эти самые хозяйские помещения.

Наш фабрикант Захар Морозов содержит мужскую (холодную) артель человек 800, да такую же женскую; сверх того, казармы для семейных. Артель (мужская) занимает целую трехэтажную казарму. Хотя помещение и отапливается паром и есть там и вентиляция, но это мало может улучшить положение рабочих. Размещены рабочие настолько тесно, что такой тесноты нельзя встретить ни в солдатской казарме, ни в больнице, ни в тюрьме... Кровать — широкая в 2 арш. — по середине вдоль разделена высокой доской, что служит границей для каждого; на ней два тюфяка или два набитых мешка. В общем, в каждом отделении помещается больше ста человек. Расстояние между кроватями 1 арш., около головы стоит маленький стол, в нем два ящика, в которые владельцы кладут свою одежду, чай и сахар. Сундуки имеются не у всех. Табуреток, стульев или скамеек нет совершенно, и сидеть можно только на кровати. Если рабочие в сборе, то в каждом месте образуется 4 головы и разговаривать нет возможности, чтобы не слышали соседи.

Помещение в казармах считается бесплатным, но за него производится вычет в размере 2 коп. с заработанного рубля и 3 коп. — для семейных.

В безобразном состоянии находятся в казармах отхожие места, не отделенные от жилых помещений капитальной стеной. В нижнем этаже, рядом с отхожим местом, находится

столовая. Так как чистку отхожих мест компания старается производить возможно реже, то можно представить себе, как отражается на столовой такое соседство.

В 1899 г. рабочие потребовали себе более свободного помещения в казармах. Компания согласилась и вывесила табель, в которой было показано нормальное кубическое содержание воздуха на одного человека (одна сажень). Но, приведя это в порядок, компания вскоре удалила человек 60 «недовольных» из среды рабочих, и после того норма, указанная в табели, была опять нарушена.

Казармы для семейных состоят из небольших комнат, в которых помещается по 4—5 семейств, душ по 13—15. Казармы очень грязны, и компания заставляет рабочих оклеивать комнаты обоями на свой счет. В Александровской казарме, высотой с обычный трехэтажный дом, сделано пять этажей, из которых первый более, чем на половину под землей, а пятый представляет простой чердак. В июле этого года компания принялась за ремонт этих казарм, при чем работа производилась так умело, что 13 июля ярус второго этажа рухнул, покрывая собой спящих внизу и увлекая верхних. Мне пришлось видеть, как одна женщина с грудным ребенком еле вылезла из-под балагана; в другом месте вылезал мужчина, держась за окровавленную голову. Дальше нельзя было смотреть: нужно было торопиться на фабрику.

Харчи в казармах ужасно скверные, и человеку, прожившему в большом городе или в семье на фабрике, противно даже итти на кухню; часто голодный продолжает голодать, но воздерживается итти обедать. А между тем харчи обходятся очень дорого: в постные дни 3 р. 50 к.—4 р. на человека в месяц (дают только кислые щи, да кашу), а в скоромные 4 р. 50 к.—5 р. за то же самое и $\frac{5}{8}$ ф. говядины. Да это не удивительно, если взять во внимание ужасную дороговизну в лавке Захара Морозова: так хлеб очень скверный, сырой или перепеченный стоит 21 коп. за 10 ф., масло подсолнечное — 18 коп. за фунт (а в городе: 11—13 коп.), при чем всегда бывает прогорклое; мясо стоит 15—18 коп. фунт, вместо 11—13 коп. и так на всяком продукте Захар Морозов наживает 25—30%. Беря с нас по 2 коп. с рубля за помещение, Морозов наживает в год с одной мужской артели 2.300 руб., да на харчах в месяц с человека по 1 руб., всего в год 9.600 руб., итого с одной мужской артели он взимает круглым счетом около 12.000 руб. Когда в 1899 г. мужская артель вознегодовала на харчи, требуя их улучшения и чтобы припасы покупались не в хозяйской лавке, то хозяин кричал рабочим: «Я нарушу жилое помещение, уходите тогда на вольные квартиры».

Харчами заведуют двое старост; когда-то они были избраны на эту должность и продолжают на этом основании оставаться старостами, хотя рабочие ими очень недовольны. Когда недавно трое рабочих заявили недовольствие против старост, то все трое были тотчас же уволены.

Фабрично-рабочий квартирный вопрос в Орехове-Зуеве. Кому неизвестно, что в больших городах квартирный вопрос для рабочих — вопрос перво-степенной важности, и если где высока заработная плата, то там квартирный вопрос приносит массу разных неприятностей, массу страданий, болезней, скученности и непристойности жизни. Как на зло для рабочих, чем больше дорожают квартиры, чем дороже приходится платить за квадратный аршин комнаты, — тем устройство комнаты хуже. Отсутствуют всякие удобства для жизни рабочих, не берутся во внимание никакие соображения, за исключением наибольшей наживы на каждом вершке площади пола.

В нашем местечке население росло и продолжает расти очень быстро, но хороших больших домов не было, нет и посейчас. Хотя каждый год новых домов строится очень много, но они строятся очень спешно, на скорую руку, кое из чего и кое-как. Все держится на гвозде и гвоздике; для отопления 14—15 комнат ставится одна печь или маленькая трехрублевая железная печка, от которой идут трубы (кровельного железа) по всей квартире; такая топка и трубы не могут хорошо обогреть квартиры и потому квартира суха только летом; зимой же от сырости одежда портится и, намокши, не просыхает целыми неделями, а у живущих болит голова... Комнаты отгораживаются одна от другой живою перегородкою из самых тонких досок. Часто доски употребляются из больших ломаных бочек или ящиков, и между досками можно просунуть палец в другую комнату. Местами щели бывают более внушительные. Обои мало где можно встретить, и если у какого рабочего и есть, то таковые он купил на свои деньги и сам же оклеивал комнату. Занавеси у окон более часты, что много скрашивает вид комнаты. Попадаются, конечно, и более привлекательные комнаты, но это редко. Благоустройство квартир много терпит от отсутствия свободного времени у хозяйки комнаты, так как она работает на фабрике не меньше часов, чем и ее муж. Перегородки всюду делаются не до потолка, и, по выражению домовладельцев, делается это в интересах гигиены: тогда, мол, воздух одинаков во всей квартире и равномерно распределяется теплота по комнатам. Беря все вышеуказанное, можно утверждать, что во всем примерно Зуеве с несколькими тысячами населения нельзя найти комнаты, в которой

2—3 чел. разговаривающие не были бы слышны в следующих комнатах. А это стесняет до невозможности какую-либо организаторскую или пропагандистскую деятельность. Собраться 5—6 чел. в одной комнате нельзя, благодаря устройству и размерам последних.

Квартиры год от года в ценах все росли и росли, что вызывало большое неудовольствие со стороны рабочих, и они постоянно обращались к хозяевам и делали заявления о квартирных деньгах. Хозяева платят каждому рабочему и работнице на одной фабрике 1 р. 50 к., а на другой — 2 р. в месяц квартирных денег. Последний платит по 2 рубля, благодаря настойчивости рабочих, которые этого добивались. Но если кто живет на хозяйской квартире, то тому, конечно, никаких квартирных денег не полагается. Если рабочий, живущий на вольной квартире, получает 2 р., а жена — 1 р. 50 к., то они много должны доплачивать, а если оба работают у хозяина, платящего 1 р. 50 к., то и совсем мало, так как комнат за 3 р. 50 к. мало, а больше от 4 р. 50 к. и дороже, вот почему всякий мечтает о хозяйской квартире, тем более, что частные квартиры отстоят на очень большом расстоянии от фабрик.

Теперь перейдем к другой стороне квартирного вопроса. Именно, как на этот вопрос посмотрели сами фабриканты? Как отражается их вмешательство? Каков образ действий их в этом вопросе, и как сами рабочие смотрят на квартиру в хозяйском помещении? Известно, что издавна для хозяев наш брат рабочий представлялся чем-то вроде полуживотного (как оно обстоит и сейчас у подрядчиков строительных работ — плотников, каменщиков, мостовщиков, извозчиков; на кирпичных заводах, на железных дорогах у землекопов и т. п.), и потому квартира от хозяина давалась очень скверная, тесная и грязная. В Орехове есть еще старые казармы, и они против новых кажутся очень жалкими, живется в них скверно, но все же их еще не ломают, а стараются заполнять холостыми артелями; это самые худшие казармы; они наполовину из кирпича, наполовину из дерева. Но теперь есть очень много казарм, выстроенных по последнему слову технической и инженерной науки. Конечно, выстраивая такие казармы, хозяин руководствовался личными интересами. Ведь понятно для каждого, что, не возведи он казарм, цена за квартиры повысилась бы раза в два, и рабочие тратили бы массу времени на ходьбу (во всех казармах живет тыс. до 20, если не больше). А раз цены повысились на квартиры, то и выдачу квартирных денег пришлось бы увеличить. И, взявши наименьшую цифру рабочих в 12—13 тысяч и выдавая им по два рубля, это составит около 25 тысяч в неделю, а в год

выйдет очень внушительная сумма, которую хозяин должен был бы выкидывать. Между тем, выстроивши казармы, хозяин надолго освобождается от новых расходов. Построены же казармы на сотни лет — так внушительно и солидно.

Вот как обстоит дело в образцовых казармах. Можно о них сказать, что они очень хороши для фабрично-рабочего люда (мы, конечно, знаем, что мастерской с юга или Петербурга нашел бы не только неудобными, но и очень скверными и именно «казармами»); они снабжены водопроводом, хорошей водой; комнаты и коридоры оштукатурены и выкрашены в белый цвет, окно в комнате широкое и больше сажени в высоту, хорошо проведено паровое отопление как в коридорах, так и в комнатах, всегда есть достаточно готового кипятку, хорошая деревянная кровать и т. п. Значит, в гигиеническом отношении все обставлено как-будто хорошо и позаботились об удовлетворении некоторых потребностей фабричного люда. Но в бочку меда влили не одну ложку дегтя. Во-первых, комната по размерам очень порядочная (около 3-х саж. в длину, около 5 арш. в ширину и почти две сажени в высоту), но она служит не для одного семейства, а для трех. Размещаются они следующим образом: два семейства по бокам комнаты по кроватям и третье семейство на полатах. Полаты, правда, большие, и человек может стоять на них, не ударяясь в потолок, и потому полаты представляют воздушную комнату. Внизу оба семейства располагаются вдоль, каждое в своей половине комнаты; и так размещены не тысяча, а больше десятка тысяч. Такие условия порождают массу неудобств и неприятностей, и соседи в одной комнате часто вздорят между собой и даже дерутся. Случается, что какой-нибудь член семейства бывает нечист на руку (крадет), что слишком неприятно для совместного сожительства. Во-вторых, зоркое око хозяйских шпионов и полицейских (открытых и тайных; тут же живут и шпионы от жандармов) наблюдает за рабочими в казармах, а администрация старается предписывать рабочим, в какие часы и что делать. Так, придя с работы, всякий должен ложиться спать, и за этим наблюдают. В-третьих, рабочим строго воспрещается собираться кучками в коридорах, проходах, комнатах и даже в отхожем месте и рассуждать о чем-либо, хотя бы даже собравшиеся и говорили вполголоса. И если нельзя придрататься к ним на основании общественной тишины, то придерутся к ним на основании общественного порядка. В-четвертых, никто не имеет права читать вслух ни газету, ни книжку, и даже нельзя читать вслух у себя в комнате и безграмотному соседу. В-пятых воспрещается какая-либо игра; даже живущие в одной комнате должны спраши-

вать нечто вроде разрешения у соседа, чтобы, напр., курить табак. Воспрещается по вечерам сходитьсь и останавливаться вне казармы и внутри ее.

И все же, несмотря на такого рода притеснения и полицейские строгости, люди положительно прикрепощены к этим помещениям. И это понятно,—ведь вольные квартиры много, много хуже и приходится еще доплачивать. Понятно, что живущий на вольной квартире постоянно мечтает о хозяйской и постоянно завидует уже там живущим... Возводя новые казармы, хозяева подорвали всякую инициативу (начинанья) у вольных хозяев в Зуеве, никто из них не отваживается на постройку нового каменного здания, опасаясь, что хозяева выстроят еще одну-две казармы, куда перейдет на жительство больше тысячи в каждую, и потому его дом будет пустовать. Этот страх заставляет их отказаться совсем от постройки, или же они строят дома такого сорта, как было выше описано.

Орехово-Зуево.

(„Искра“ № 8, от 10-го сентября 1901 г.).

Орехово-Зуево. Нам пишут: «Виду того, что за последнее время «Искра» широко распространяется в Орехово-Зуеве и нам нет возможности предупредить всех товарищей словесно, мы просим напечатать, чтобы остерегались следующих лиц: М. Агапова (подмастерье), небольшого роста, рябой, толстые губы, на лице несколько поросших бородавок, говорит скороговоркой и при разговорах слюнявится, лет 35, русский, старообрядческий миссионер, служит у жандармов, имеет часто собеседования в Орехове с православным миссионером Николаевым; И. С. Сапов — служит в хозяйской харчевой лавке в мясном отделе сторожем при дверях, черный, взгляд свирепый, пронизательный, говорит басом, отрывисто, рост средний; В. П. Мазурин — постоянно ораторствует в отхожем месте на фабрике о социализме и притеснениях; что выведает, тотчас же сообщает; роста ниже среднего, говорит в нос, тщедушный. Предупреждаем Владимирцев-на Клязьме, что Дмитрий Ниткин (см. номер 6 «Искры»), теперь уже служит урядником во Владимире.— «Искра» у нас читается нарасхват, и, сколько доставлено, вся находится в ходу. Благодаря ей, чувствуется сильный под'ем у рабочих. Особенно много толкуют по поводу статьи по крестьянскому вопросу в ном. 3, так что требуют доставки этого номера. А на частном собрании рабочие выразили желание, чтобы «Искра» напечатала еще несколько статей по этому вопросу.

Много суждений по поводу столкновений рабочих с полицией и войском в СПб. Эти столкновения являются только началом общего такого движения, так что ореховские рабочие не заблуждаются, если говорят, что тут такое столкновение в будущем неизбежно, но что оно будет более жестоким и что идти против вооруженной силы с пустыми руками не следует, но «дубина и штык—одно и то же».

Иваново-Вознесенск. В настоящее время у нас стало гонение на всех рабочих, которые, будучи прилично одетыми, выглядят не совсем глупыми. Каждый фабрикант приказал секретно своим заведующим, чтобы они принимали рабочих, только осмотрев их с головы до ног. И если, который хорошо одет, то гнать его в шею с фабрики. Поневоле приходится одеваться в «котовскую» (босяцкую) одежду. Но если плохо принимают мужчин, то охотно раскрывают фабрику перед женщинами, и это понятно: женщина пока еще все терпит молча. В Богородске Захар Морозов отдает особое предпочтение рязанским, как более темным.

Надзор над рабочими усиливается. На одной фабрике недавно у входа сторожем обыскан пришедший в казарму рабочий желавший собрать кое-какие сведения. По какому это праву? Ивановский городской голова Дербенев на своей фабрике изнуряет рабочих сверхурочными работами, делясь иногда всю ночь.—На фабрике Бурылина практикуется в широких размерах обсчитывание рабочих при выдаче заработка.

Богородск. Глуховская мануфактура в Богородске, занимающая 13,000 рабочих и являющаяся одним из самых крупных промышленных заведений в России, слывет в официальной мире «благоустроенной» мануфактурой, образцом похвальной хозяйской заботливости о рабочих. Корреспонденция в ном. 8 познакомила читателя с одной стороной действительной жизни богородских рабочих — с квартирными условиями. Здесь мы расскажем, руководствуясь присланным нам от местных товарищей сообщением, об условиях труда в Глуховской мануфактуре.

Санитарные условия безобразны, особенно в красильной мастерской, где и работа не безопасна, вследствие неряшливой постройки здания и недостаточного ремонта: потолок начал проваливаться, доски пола не прибиты гвоздями и не отстроганы; щели между досками по верху (сделано нарочно для стока краски). Благодаря этому стоку, из-под пола идут удушливые испарения; вентиляция недостаточна;

на стенах и потолке плесень. «Всюду стоит пыль непроходимая», — пишет корреспондент.

Все это не где-нибудь в глуши, а в нескольких десятках верст от Москвы, в Московской губ., интересы которой правительство близко принимает к сердцу, держа ее на положении «усиленной охраны». Как видно, «охраняя» губернию, да еще усиленно, позабыли об охране жизни и здоровья рабочих.

Работают на Глуховской мануфактуре тремя сменами, так что каждый рабочий работает один день 12 час., а следующий—6 час. Заработок ткачей равен 14—18 р. в месяц, при сильных штрафах, гнилой основе и утке (благодаря чему, как пишет наш корреспондент, зубы рабочего начинают гнить через месяц). Заработок других рабочих не поднимается выше 28—30 руб. (накатчики). Красильщики получают 45—55 коп. в день.

В зимнее время (с 1-го октября) заработок ткачей сокращается до 12—14 руб., благодаря тому, что идет самый скверный хлопок (кокандский). «В это время частые штрафы, доходящие до 2 руб.». Также часты расчеты до срока найма и всякие прижимки. «За опоздание на 5 мин. штрафуют до 20 коп., а сами машину пускают на полчаса раньше и останавливают минут на 20 позднее».

Но ели миллионер Захар Морозов не стесняется прибегать к воровским приемам выжимания прибыли из рабочих, то он же и обращается с рабочими, как с крепостными. «У нас хозяин страшно любит стегать плеткой и до сих пор не бросает своего варварского обычая». Боимся, что при такой «страшной любви» г. Захар Морозов не бросит своего «обычая» прежде, чем его самого не отстегают рабочие и, признаться, удивляемся, как это до сих пор последние не применили этого средства, которым в былое время иногда крепостные заставляли своего мучителя—помещика отказаться от предмета своей «страшной любви». 18-го июля Морозов встретил четырех возвращавшихся из города рабочих; из кармана у одного торчала «монополька». Рабочие направились в купальню. Но тут налетел, как ястреб, сам опричник Морозов и давай стегать плеткой кого ни попало, говоря: «что же вы заставляете хозяина бегать за собой? Все деньги проживаете в городе, а не у меня», а затем отправил их в сторожку. Итак, у г. Захара Морозова рабочие обязаны «п р о ж и в а т ь» все заработанное в его же лавках, и за нарушение этой обязанности могут попасть под арест. Знает-ли об этом фабричная инспекция? Или она дожидается, чтобы глуховские рабочие при случае разнесли морозовские лавки? Не будет удивительно, если такие «патриар-

хальные» порядки приведут к такому же патриархальному результату, как это бывало уже во многих местах.

Продолжим, однако, описание кнутабойства г. Морозова. «Сам Морозов часто ходит в фабрике между станками с засунутой за голенищем плеткой, и если увидит, что ткач пускает рвань со шпули, то с остервенением наносит ему удар плеткой, штрафует и прогоняет с работы». Один ткач, которого Морозов в 1899 г. избил плеткой, оказался не дурак и подал в суд. Дело ползало в трех судах и, наконец, Морозов, тяжело вздыхая, сказал: «Я бы лучше слил себе золотого ткача, чем мне стоили эти суды». Плети в ходу также среди десяти «об'ездчиков», содержимых Морозовым. Повидимому, беспорядки в Екатеринославе и в имени графа Рибопьера, вызванные неистовствами подобных «об'ездчиков», не заставили задуматься московских тузов, что такой способ «поддержания порядка» представляет оружие обоюдоострое.

В фабричной больнице «живая умора, а не поправка». Еще бы! Кормят больных щами из кислой капусты, да еще прокислыми!

О рабочих корреспондент пишет: «Они не пугливы, особенно молодежь, но беда в том, что всякий протестует в одиночку и требует расчета, которого ему иногда не выдают».

«Есть у нас библиотеки. И, конечно, часто бывает желание прочесть что-нибудь поинтереснее. Отправится кто-нибудь этак за книжкой, смотришь—тащит оттуда какую-нибудь сказку, и нельзя сказать, что он рад ей. Даже Достоевского нет, а о каких-либо Шелгуновых и Писаревых забудь и думать. Один из рабочих как-то спросил Дарвина, но на его вопрос только разинули рот. Преимущественно, дают книжки, которые старательно отупляют мысли рабочего, и без того забитого, а книжки религиозно-нравственного содержания молодежь читать не будет, она точно чутьем слышит их отупляющее и вредное направление. Тайных библиотек пока нет, а потому нет никакой возможности удовлетворить проявляющееся стремление к знанию».

(„Искра“ № 9, Октябрь, 1901).

В ЗАЩИТУ ИВАНОВО-ВОЗНЕСЕНСКИХ РАБОЧИХ.

Где же тут справедливость?—
Обижаете вы нас,
Неба грозная немилость,
Посетит за это вас...

(Фабричное стихотворение, приводимое в статье Дадонова, стр. 66).

Трудно нашему брату рабочему живется на фабриках и заводах; много приходится переносить разных выжиманий, выколачиваний, угроз; разного рода притеснения процветают всюду; всюду прижимки и штрафы, а заработки плохи и мало-ли что еще делается против нас! И хотя это ведется на фабриках с начала их основания, но привыкнуть к этому мы не можем и ведем против упомянутых зол борьбу, и в этой борьбе надеемся остаться победителями. Хорошо прижимают нас капиталисты хозяева, но хуже еще преследует правительство. А разные длинновзрослые попы стараются втолковать нам рабскую покорность и фарисейски упрекают в пьянстве и т. п. безнравственностях. Конечно, мы ко всему этому давно привыкли и знаем всему этому цену: «собака лает»; так, по крайности, говорит русская пословица. Но все же горько становится, когда лучшие в России журналы ополчаются против нас же рабочих. Где же тут справедливость? Это как будто значит, не только капиталисты и правительство, но и всякие либеральные органы, как «Русское Богатство», по крайней мере, г. Дадонов, не наши доброжелатели. Не утверждаем, но знак вопроса поставить имеем основание. Мы не забываем, конечно, а твердо помним, что «освобождение рабочих должно быть делом самих рабочих».

Итак «Русское Богатство» поместило статью г. Дадонова «Русский Манчестер» (декабрь 1900 г.), в которой г. Дадонов обвиняет нас в пьянстве, равнодушии к знанию и т. д. Обвинения, можно сказать, очень существенные, и мы никак не можем их оставить без ответа. Конечно, если бы это было несколько лет тому назад, тогда мы не имели бы возможности отвечать, ибо то же «Русск. Богат.» не приняло бы возражения от рабочего, а тем более в настоящем его положении. Но времена те, пожалуй, совсем миновали, и мы стараемся несколько отучить тыканье в нас пальцем.

Мне припоминается теперь один ответ учительницы ученикам в вечерней воскресной школе. Как-то речь коснулась слова «либерал», и вот, объясняя это слово, учительница ста-

ралась поднять на известную высоту личность либерала и показать ее с хорошей стороны. Тут были и просвещение, и гуманность, и законность, и полная свобода, и много других хороших качеств, которыми обладает личность «либерала». Слушая в числе прочих учеников это перечисление, я тотчас же вспомнил из газет, что за границей либералы очень часто (может всегда?) действуют против социалистов. И вот после этого я долго не мог хорошо переварить этого: все хорошие качества с одной стороны, противник для нас, стремящихся к счастью всех,—с другой. Но это мимоходом.

Постараемся ответить г. Дадонову в порядке упомянутых обвинений и оправдать, насколько возможно, наши поступки.

Г. Дадонов говорит, что «главную статью расхода составляет одежда и водка. На то и другое в отдельности тратится от 30 до 70 руб. в год», и это расход «рабочих с годовым заработком от 100 до 200 руб. в год». Это значит, что рабочий, получающий 100 руб. в год, тратит на водку и одежду 60 р., т. е. весь год рабочий должен за 3 руб. 33 коп. в месяц иметь харчи, баранки, чай, квартиру, табак, баню, стирку и еще послать в деревню. Ой, ой, какую чепуху говорит г. Дадонов!

Если рабочий тратит на водку 30 руб. в год, то на эти деньги он может купить в месяц пять бутылок водки. Выходит, г. Дадонов, что рабочий, питающийся хлебом, картофелем, гречневой кашей, выпивает в сутки меньше одной тысячной ведра. И за это вы осмеливаетесь нам кликнуть: «пьяницы!» Не слишком ли через край хватили?! Допустить, что рабочий прогуляет 1 рубль в воскресенье невозможно, это было бы 52 руб. в год, да ведь еще есть, кроме воскресных дней, годовые праздники. Правда, на годовые праздники покупается водка в большом количестве, но сюда-то и уходит большая часть суммы, расходуемой на водку, и если в пасху или рождество рабочий позволит себе выпить лишнее, то отсюда делать заключение, что он пьяница, очень недальновидно. Нужно помнить и то, что рабочий, питающийся чаем, хлебом и картофелем, бывает слаб на ногах от одной рюмки, особенно если он мало работает здоровой физической работы.

Пойдем дальше. В среднем рабочий, проживающий в артели, тратит на харчи 4 р. 50 к. в месяц, на приварок, чай, сахар, баранки выйдет не меньше 1 руб. Итого в год 66 руб. только на пропитание. Выходит, что для человека, зарабатывающего не 100 р., а даже 125 руб., нет возможности тратить на водку и одежду 60 руб. Опять выходит, что г. Дадонов сказал чепуху.

Возьмем бюджет женатого ткача, как лучше оплачиваемого. Ткач зарабатывает от 150 до 180 руб. в год. Берем уме-

ренные расходы: квартира, харчи и чай — 90 руб. в год; на водку, по предположению г. Дадонова, 30 р.; на одежду, по его же предположению, 30 руб.; табак 5 р.; вот уже 161 руб., но ведь есть еще расходы: выслать родным, баня, болезнь, непредвиденные расходы,—а у нас уже есть недостаток, откуда же взять? Очевидно, приходится сокращать «главный расход». Но, оказывается, сокращать бюджет на одежду не особенно удобно. Год на обувь, будут ли это штиблеты или сапоги, все равно—7 руб. не меньше; предположим, что рабочий справит два пальто в два года, зимнее и летнее—25 р., в год 12 руб. 50 к., какой-нибудь пиджак в 4 р. на работе порвется разного платья на 2 руб., итого 25 р. 50 коп., а ведь нужно еще купить «триковые штаны», картуз, шапку, иногда жилет, рубашки, кальсоны, оказывается—недостаток. Откуда взять, г. Дадонов? А если у женатого, да еще есть дети, то прохарчуется он на 4—6 руб., как думаете, г. Дадонов? Не придется-ли ему тогда кое-что купить для ребят: рубашенку и кое-что другое? Не будет ли он принужден лишнее платить за квартиру? Как видели, к бюджету на одежду скорее придется прибавить, а не убавить, но все прибавки приходится брать из бюджета на водку, и последний все делается меньше и меньше. Теперь, если взять рабочего, который зарабатывает 8 р. (есть и меньше—зарботки в 6—7 р.), то насколько применима сумма (наименьшая), выставленная г. Дадоновым на водку и одежду, видно из того, что он должен был бы прожить на три рубля в месяц, из которых должен уплатить за харчи, квартиру, табак, выслать в деревню и т. п., и т. п. Думать или утверждать это—может человек, у которого голова не в порядке, а такие люди не должны заниматься литературой! Г. Дадонов говорит: «что касается заработков, то они колеблются от 8 до 100 р. в месяц». Вот так определил! Уж не на Великом-ли океане стоит Иваново-Вознесенск, что там такое колебание? Это такое же определение, как если я скажу, что интеллигентные люди получают от 25 до 2,500 руб. в месяц и, хотя это верно,—ведь многие получают по 25 руб. и есть директора, получающие 30.000 и более в год,—но это не определение, а чепуха. «Если не вершок, то сажень»—такова точность г. Дадонова. Если и бывают люди, которые все, что зарабатывают, несут в кабаки, то такие личности больны и очень мало работают, их не держат на фабриках, а человек, зарабатывающий 100 р. в месяц, живет при других нескольких условиях и за квартиру платит не «1 руб. с хозяйским приварком», а несравненно больше проживает и одинаково тратит очень много денег на то, что г. Дадонов строго осуждает. Для иллюстрации позволяю себе привести пример. Мне пришлось работать с ино-

странцем, который на работе выпивал ежедневно по две бутылки пива: это стоит 30 к., а в год 108 р. Это—расход только на пиво. Цифра очень внушительная для нас, русских рабочих, а для г. Дадонова и того больше! И все же никто не думал из администрации (иностранцы) делать заключение, что уважаемый у них работник пропивает много денег.

Г. Дадонов, утверждающий, что пьянство введено в систему, сделал такое заключение на основании показаний общества трезвости. Конечно, мы, рабочие, отлично знаем, что из себя представляют многие общества трезвости, и что они будут представлять, благодаря их официальному положению при введении новой системы, т.-е., когда царь-батюшка захотел быть кабатчиком, а министр Витте целовальником; достаточно упомянуть исключение графа Толстого из почетных членов московского общества трезвости. Пусть просят мне гг. культурники,—но не нужно быть пророком, чтобы утверждать, что не им суждено быть руководителями названных обществ, а займут эти места разные чиновники и батюшки. «Искра» надеется вскоре познакомить читателей с одним трезвенным обществом, которое усиленно искореняет пьянство... Совершенно верно, г. Дадонов, «магарычи» существуют и существуют не только в Иваново-Вознесенске, но и в Петербурге, Москве, на юге и почти во всей России. И это есть зло, с которым уже ведется борьба каждым культурным рабочим, но мы не можем согласиться, что это является «одним из страшных зол фабричной жизни», хотя бы потому, что если поступивший ткач приглашает человек 10—15 и покупает им $\frac{1}{4}$ ведра водки, то смешно думать, якобы он этим заставляет их пьянствовать, а не просто выпить после работы и поздравить его с поступлением. И ведь это происходит не ежедневно на фабрике, и притом на такие «магарычи» удается попасть 1—3 раза в год. И уж поистине «не так страшен черт, как его малюют» общества трезвости и г. Дадонов. Мы же позволим задать вопрос: почему у нас упомянутые «магарычи» есть «пьянство, до некоторой степени введенное в систему» и «являются одним из страшных зол фабричной жизни», а у таких культурных личностей, как даже у литераторов, разные юбилеи, обеды, чествования, где выпивается вина и водки уже во всяком случае не меньше на человека, чем на любых «магарычах», почему, спрашиваем, это не есть «пьянство, до некоторой степени введенное в систему», а, г. Дадонов? Почему, когда их высочество «выпил бокал за здоровье», дальше «провозгласил тост», «ответил здравицей», дальше «выпил за князя» и так без конца, пока от разных «здравий, бокалов, тостов» не напьются до осатанения, почему, г. Дадонов, это не есть

«пьянство, до некоторой степени введенное в систему» и не есть «одно из самых страшных зол жизни» высших образованных классов? Вот, напр., министр Сипягин, об'езжая это лето, всюду принимал предлагаемые обеды и был пьян хуже сапожника (извиняюсь перед товарищами за такую фразу), а что это верно, то рабочие видели, как он с Морозовского обеда выходил «еле можахом», а приезжал-то, по простому выражению рабочих «за брюками». И разве г. Дадонов, все вышесказанное не развивает в «поголовное массовое пьянство»? Еще раз: почему наши «магарычи» есть «пьянство, до некоторой степени введенное в систему», а все вышесказанное остальное нет? Мы знаем, почему и не будем умалчивать об этом. Разница, г. Дадонов, вся в том, что вы, литераторы, а тем паче разные превосходительства, высочества и т. п. трезвенники пьете в хороших ресторанах, клубах, квартирах, дворцах, а мы бедный народ, на задворках, за подворотней буквально и, в лучшем случае, летом на тощей травке с такою же тощего качества закуской, и если выпьем, то особой своей не можем хвалиться, мы тогда бледны, слабы. А видели-ли вы пьяного г. Сипягина? Он трезвый выглядит точно большой медный куб, а пьяный еще краснее становится (кстати, советуем ему пить меньше, дабы не сгореть от спирта, подобно бывшему екатеринославскому губернатору ген. Келлеру). Но, если мы пьем на задворках, то это не дает вам права называть нас пьяницами, а других трезвенниками! Когда читаешь газеты, то видишь одно и то же: в каждом номере пестрит здравица, бокал, тост и т. п. Всю жизнь люди проводят с поднятым бокалом в руке, гг. же литераторы стараются умиляться, описывая благородные выпивки. Эх, гг. литераторы, что может быть позорнее этого?! Поневоле напрашивается вопрос: где же общества трезвости? Где г. Дадонов? Где его наблюдательность? И почему он не скажет: «и почти ничего не развила из себя» образованность? Чего же они в самом деле молчат? Очень просто, они боятся, чтобы им кузькину мать не показали, а потому молчат про указанное пьянство. Другое дело—рабочие; про них все можно говорить; рабочий связан, а потому, почему же не подойти к нему и не плюнуть ему в харю? И вот ополчаются разные общества трезвости, а за ними и гг. Дадоновы.

С пьянством покончили, но с г. Дадоновым еще нет. Относительно того, что приходится встречать у некоторых рабочих триковые штаны, то в этом мы ничего, кроме хорошего, видеть не можем. И в самом деле, что тут удивительного, если, живя в городе, рабочий износит то, в чем ходил в деревне, и теперь покупает городскую одежду? Неужели г. Дадонов признает городской костюм ненужным для кре-

стьян и предлагает оставить навсегда деревенский костюм для города? Если да, то это значит за одно признавать желательным оставление в деревнях черных изб. Я не думаю в данном случае возводить на г. Дадонова обвинение в осмеивании костюма, а подчеркнул то, что желательнее из двух предположений. Очень давно уважаемый нами Плеханов говорил про рабочих («Русский рабочий в революционном движении»), что они часто выгодно отличаются в смысле костюма от интеллигенции (к сожалению, сейчас не имею под руками названной книги и не могу процитировать слова уважаемого автора). Во всяком случае, лучше пусть будет излишняя щеголеватость в костюме, нежели небрежность.

Квартирный вопрос, правда, поставлен у нас слишком скверно, чтобы его хвалить или защищать, не только в разбираемом нами городе, но и во всей России. И рабочие, живущие в таких тесных квартирах, настолько свыклись с ними, что вызывают чувства возмущения у сколько-нибудь культурных рабочих. Свыкшись, они признают лучшим для себя жить в них, нежели поселиться вдвоем или втроем в одной комнате. Обыкновенно говорят они в таких случаях, что в артели веселее, а там сиди в комнате вдвоем или втроем, как в тюрьме. К этому десятками лет приучало и вырастило житье в таких условиях, а пришедшие из деревни ни о чем не думают в первое время, кроме несчастной высылки 2—3 р. в деревню, и потому готовы еще ухудшить эти условия. Выросши в таких условиях, масса не может переносить одиночества, смотрит на это подчас, как на наказание. Психология та же, какую описал г-н Мельшин в своем замечательном труде: «Из мира отверженных», где культурный человек не переносит жизни в общих камерах и считает это пыткой, где избавлением ему служит одиночная камера. Но там же для человека совершенно темного (не культурного) та же одиночная камера будет служить обратно наказанием, тогда как общая удовлетворит его. В Ив.-Вознесенске всякий сколько-нибудь культурный рабочий старается жить отдельно, и если многие живут в артелях, то также многие живут по отдельным комнатам или два семейства в комнате, а потому наблюдательный г. Дадонов мог бы встретить там и кровати в комнатах.

Поистине наблюдательность г. Дадонова удивительная. Он не то, что крыловский герой—слона не приметил, о нет! Г. Дадонов, как приехал в Ив.-Вознесенск к фабрикам, так сразу и заметил котловину, да еще какую! В которой все фабрики поместились: вот какая наблюдательность г. Дадонова! Обернувшись кругом, он очень многое подметил и потому стал понемногу повертываться к котловине, подобно

крыльям ветряной мельницы: сверху вниз, сверху вниз, снизу вверх, снизу вверх. Тут были подмечены и фабриканты, и администрация, и городское хозяйство, и т. п., но мы об этих подмечаниях умолчим и скажем только относительно подмечания нас рабочих. И вот, повернувшись немного, видит, что «пьянство до некоторой степени введено в систему», еще повернувшись видит: укладываются спать, да так плотно один к другому, словно астраханские селедки в бочке, и стараются, чтобы голова одного приходилась у ног другого; еще повернувшись немного, он увидел рабочих (всех), у которых нет ни малейшего желания что-нибудь почитать и никакого стремления к знанию; еще повернувшись, смотрит: «распивают штоф водки»; еще: «полицейский надзиратель разбирает какое-то дело», и от дела остался изодранный кафтан; еще повернувшись, видит пустой театр, хоровод, слоняющуюся публику, и нигде ни одной книги, и потом еще чуть повернулся, смотрит: железная дорога, а там вдалеке и «Русское Богатство». И хотя наблюдательность была очень зорка, но одного г. Дадонов не подметил и не удостоил начертать на страницах «Русск. Богатства». И признаемся, картина вышла не полная, а ведь всего не доставало нескольких слов, которых мы в праве были ожидать от наблюдательного г. Дадорова. И правда, что бы ему сказать: «Несомненно, что рабочие Ив.-Вознесенска очень ленивы». А, впрочем, может г. Дадонов это восполнит, а пока вернемся к главному обвинению, что мы «глухо равнодушны к знанию».

Г. Дадонов уже получил ответ на свою статью от г. Шестернина, который указал наблюдательному г. Дадорову, что он взял ошибочную цифру, т.-е. «вместо порося взял вола», мы же скажем, что с ним бывают ошибки и в обратном смысле. Так, говоря о числе читающих, он заявляет: «Группа читателей в возрасте от 20 до 30 лет составляет 23%». Откуда почерпнута эта цифра, мы не знаем, да это и не так важно для нас. Но вот что видно из отчета общества трезвости, который отражает как раз то время, которое описывает г. Дадоров. По возрасту распределение читателей показано в следующей таблице:

В возрасте		до 15 лет.	159 чел.	
" "	от 15	" 20 "	818 "	—
" "	20	" 25 "	240 "	16,41%
" "	25	" 30 "	160 "	10,91%
" "	30	" 40 "	54 "	—
" "	40	" 50 "	27 "	—
" "	Выше	50 "	8 "	—

Итак, оказывается, не 23%, а 27%. А как много читателей не рабочих, видно из следующей таблицы:

Фабричных рабочих	1155	} 8%
Ремесленников	108	
Торговцев	27	
Разных	95	
Без занятий	81	

Итого . . . . . 1466 читателей.

Это тоже показывает хорошо, кто читает книги, а если еще сопоставим число читателей — с одной стороны, и число томов книг — с другой, то ясно, почему многие читатели не постоянны.

Число читателей	1466
Число книг	1496
Выдано книг за 14 мес.	14211 (первое место—Гоголь)

Выходит, что рабочие, правда, читают очень скверные книги, но это происходит не потому, что у них такой вкус, а за неимением хороших книг. Если бы г. Дадонов вздумал порицать крестьян за то, что они едят лебеду, а не хлеб, то это было бы вполне аналогичное обвинение тому, которое он пред'являет к ив.-вознесенским рабочим. Г. Дадонов—упрекающий рабочих в равнодушии к знанию,—что вы сделали, чтобы предотвратить у них такое равнодушие? Ничего! Упрекающий рабочих, что они смешивают земство с урядником,—что вы написали хорошего о земстве? Ничего! Когда рабочий получал образование в сельской, в церковно-приходской школе, то что хорошего узнал он там о земстве? Ничего! Если будет написана популярная брошюра о земстве и его деятельности, будет ли допущена такая брошюра в библиотеку общества трезвости или фабричную? Нет! А будет-ли возможность от этого получить ее рабочему? Нет! Хорошие книги, написанные популярными авторами, из которых интеллигенция черпает знания, такие книги может-ли получить рабочий в библиотеках, о которых вы пишете? Нет! Книги, которые получает рабочий из библиотек, дают-ли ему настоящие знания? Нет! Могут-ли интересоваться получаемые из упомянутых пяти библиотек книги маломальски развитого рабочего? Нет! Доступна-ли для рабочих лучшая описанная вами библиотека (публичная)? Нет! И так без конца: нет, нет, нет, ничего, ничего, ничего, а потому делать заключение на нет и ничего все равно, что считать от десяти книзу и получится ничего. Это самое г. Дадонов и доказал. И стоило-ли из-за такой чепухи огород городить? Разве не сделано все возможное, чтобы отохотить рабочих от библиотеки, в которой бывает мастер, конторщик и кое-кто другой? Разве у нас культурность и самостоятель-

ность, а тем более возвышение личного достоинства, не служит еще во вред рабочему? Разве наши фабричные библиотеки редко служат местом тайного наблюдения за благонадежностью рабочих? А относительно публичной библиотеки есть основание утверждать, что она-то уж в этом отношении не может быть названа безвинной овечкой. Разве в библиотеках для народа не сделано все, дабы по возможности извратить натуру человека из более порядочной в мерзкую? Разве гг. Комаровы мало потрудились и трудятся на этом поприще? Ведь они-то туда несомненно допущены. А допущено-ли туда „Русск. Бог.“? Сомневаемся. Но главная причина—почему рабочие плохо идут в библиотеки—заключается отчасти в плохом подборе, отчасти в ужасной бедности книгами последних, а потому в трудности получить намеченную книгу даже из такого плохого подбора; и если часто читатели забывают, то виною тому служит нередко сама библиотека. Мы уже указывали на цифры упомянутого отчета: всех читателей 1466 чел., а томов всего 1496 или 1047 названия, что это значит? А то, что если бы все подписчики взяли по одной книге, то в читальне осталось бы не больше 20% книг, или читальня обанкротилась бы. И вот поэтому желающему почитать приходится довольствоваться всякой гадостью. Вот что еще говорит упомянутый отчет: рел.-нравственных книг 20%, а берут их только 10%, тогда как по словесности книг 60%, а берут 66%. Это как нельзя лучше подчеркивает, в чем чувствуется недостаток. Бросается в глаза то, что г. Дадонов не желает считать читателями—людей, которые походят некоторое время и оставят библиотеку за невозможностью получить там книгу. — Дальше. То утверждение г. Дадонина, что ни одной книги на дому нет в целом районе с 20.000 жителей, — явная и безграничная ложь, чтобы не сказать больше. Рабочие постоянно имеют свои тайные библиотеки, где мало книг, но зато все книги на подбор и постоянно читаются. И вот этот-то настоящий читатель редко когда пойдет в упомянутые библиотеки, во-первых, рискуя выделиться, во-вторых, не имея надежды получить там что-нибудь хорошее. Очень часто и в Ив.-Вознесенске рабочий развитый принужден носить личину глупого человека. Г. Дадонов не знает и не поинтересовался узнать, как оберегается вся Владимирская губ. от знания, а тем более от социализма,—не страшитесь, г. Дадонов, этого слова! Было несколько лиц, желавших открыть в Ив.-Вознесенске книжную торговлю, но они постоянно получали отказ в разрешении. Не отказывали ли им из опасения, что не будет покупателей? В Орехово-Зуеве есть книжная торговля, но там строго воспрещается продавать хорошие популярные

книги, и желающие купить наталкиваются на «нет» и «ничего». Там же рабочие постоянно жалуются на неудачи в библиотеке, — это жалобы общие. В Шуе (см. корреспонденцию в ном. 6 «Искры») один из рабочих, выйдя из библиотеки и пройдя несколько саженей, был остановлен городовым, который справился: «что за книга» и потом, убедившись сам, какая и откуда выдана, возвратил обратно рабочему. Не будь на этой книге штемпеля библиотеки, едва-ли бы рабочий так скоро получил книгу обратно. Можно быть уверенным, что упомянутый городовой имел инструкции относительно наблюдения. А жандармский ротмистр на чинимом им допросе сурово спрашивает рабочего: почему он взял читать именно такую книгу, а не религиозную, какое-нибудь житие? И диво бы еще книга была какая-нибудь особая, а то по каталогу, одобренному министерством! Все это, конечно, рабочие потом узнают, и слабые духом трепещут потом перед входом в библиотеку: желание получить книгу, с одной стороны, и страх—с другой. А знаете ли, г. Дадонов, каково бывает положение рабочего, когда против него действуют темные силы? Возьмем опять Орехово. Там власти арестовали сочинения Решетникова, как воспрещенную книгу, и потом на основании этого уничтожают такие книги. Как говорили: там же в библиотеке нельзя рабочему добиться порядочной книги! Говорят—«занята», а конторщики держат месяцами по два—по три тома на квартирах; и вообще часто замечают: если рабочий спрашивает порядочную книгу в фабричной библиотеке, то почти постоянно получает отказ книга—«занята», хотя на самом деле она спокойно лежит на полке. Как заботятся о развитии у рабочих чтения, видно из того, что существует параграф, карающий за чтение вслух в казарме, хотя бы читали вслух для безграмотного рабочего. Пусть не сердится на меня г. Дадонов, что я зайду за границу Владимирской губ.,—в Богородск. Рабочих на фабрике З. Морозова кормят самой отборной умственной гадостью, и потому рабочим не-зачем ходить в библиотеку. Если там Достоевского нет, то что же можно получить порядочного для удовлетворения умственной потребности, кроме лубочных изданий и поповских глупых наставлений и одурачиваний?

Таковы в общих чертах способы и средства удовлетворения умственных потребностей рабочих. Из вышеизложенного видно, что как-будто дают возможность читать и стремиться удовлетворить умственные потребности; признают официально эту необходимость удовлетворения правительство, фабриканты и разные общества, с одной стороны, но и не как-будто, а на самом деле режут, вопрошают, предписы-

вают: Как смеешь читать безграмотному? Как ты выдумал читать в казарме вслух? Выгнать его на вольную квартиру!.. Почему читаешь не религиозные, а такие?—Нет такой книги, занята.—Кто такой, где работаешь? — это с другой стороны. И вот при таких условиях, когда слышишь, что изрекают: «глубоко равнодушны к знанию», то неужели для нас человек, произносящий такой приговор не будет казаться возмутительным? Г. Дадонов говорит: «Во всех названных читальнях (пяти) находится около 8.000 томов и ими пользуется около 3.000 читателей». Есть основание не верить г. Дадонову, так как в одной читальне общества трезвости находится, как мы видели, 1.466 чел.; почему же при одинаковом количестве книг в каждой (конечно, не абсолютно) не предположить, что и читателей почти столько же во всех прочих библиотеках. Если г. Дадонов тут сказал неправду, то пусть это останется на его совести. Для нас вполне ясно и доказательно, что ни в одной библиотеке хорошие книги не залеживаются, а если разная ерунда и остается «для выбора», то мы не имеем основания печалиться, что ее не читают. Читать религиозно-нравственные книги может тот, кто желает поглупеть, мы же искренно этого не желаем. Остается еще сказать кое-что о публичной библиотеке, где г. Дадонов видел, что рабочие «не считают нужным уделить... 20 коп. в мес. из своего 15—20 рублевого заработка». Пусть простит мне читатель, что я не признал г. Дадонова крыловским героем, который слона то и не приметил, а очень зорким и наблюдательным человеком. И тяжело мне признаваться—ну, да что делать, покаюсь! Ведь и, правда, читатель, слона-то он и не приметил! Ну, и шутку удумал-таки г. Дадонов! Что же такое? А то, оказывается, что нужно внести 2 руб. за чтение, да тут же четыре рубля залогом за книгу оставить. И дивн от большого заработка, а ну, как в зимнее время рабочий зарабатывает 8—9 руб. в мес., а тут залогом—такую оказию—четыре рубля за чтение... Ох, не с руки это нам, г. Дадонов! Поверьте, ей богу, не с руки! Статочное ли дело половину заработка отдать в залог за книги, когда и на хлеб со щами чувствуем нехватку. Нет, уж увольте, как-нибудь обойдемся!.. Да и то по секрету нам нужно сказать, не безопасно туда ходить нашему брату. Пошел так-то один, он не удовлетворился этими библиотеками, про которые вы нам сообщили, ну, вот запомнил он более порядочных книг названий пять, да прямо в публичную:

— Так и так, позвольте, мол, мне такую-то книжку.

— Такой нет.

— Ну, такую. — И такой нет. — А такую? — Тоже нет.

— Позвольте тогда Дарвина. — Да ты кто такой? — Рабочий. — А где работаешь? — Вам это зачем? — Ну, где ты живешь? и т. д. Наконец, рассказал рабочий все, где живет, где работает, да так без книги и ушел из публичной. Наверное, потом рабочего искали на фабрике, но оказалось, что он сказал не настоящее имя, а выдуманное. Так вот оно что, г. Дадонов! Уж не потому ли вам отвечали, что рабочие не интересуются бытом рабочих в других странах? А ведь и правда, г. Дадонов, потому! Ларчик-то, оказывается, открывается очень просто, а вы столько времени ходили кругом да около, напрасно, совсем напрасно! Для нас очень понятно, что вам ответили относительно отсутствия у рабочих интереса к бытоописанию жизни рабочих в других странах и относительно других вопросов. «Овцы там наверно были? Ох, нет, про них-то и забыли»? Г. Дадонов тоже устроил нечто похожее на волчий суд. Для того, чтобы утверждать, что рабочие равнодушны к знанию и не хотят ничего читать, нужно в Ив.-Вознесенске открыть библиотеку не меньше, чем на 25.000 томов и притом не по выбору министерских каталогов или, еще хуже, каталогов для библиотек обществ трезвости, а по выбору читателей, и чтобы там не смотрели на рабочего, как на существо низшее, и чтобы у рабочих не арестовывали Решетникова, как книгу воспрещенную, — тогда и видно было бы стремление рабочих к знанию. Гг. Дадоновы, действующие в интересах Сипягиных и т. п., пусть не забывают, что последние держат дубинку с надписью: «на основании 144 ст.» и т. д., которой постоянно готовы ошарашить по голове «Русск. Бог.» и другие органы и таким органам не удастся замолить своих грехов перед Сипягиным статьями г.г. Дадоновых.

А позвольте спросить вас, г. Дадонов, что сделано для нас в смысле г а з е т? Есть ли хоть одна порядочная газета? И если есть, доступна ли она по цене ив.-вознесенским рабочим? Рабочие, выписывающие газеты, могут ли они что-нибудь почерпнуть из них порядочное? Нет! И пока нет надежды получить порядочную газету, дающую рабочему что-нибудь добросовестное, которая говорила бы правду прямо в глаза, не стесняясь. Газеты же, подобные „Свету” могут только унижить, одурачить рабочих; «Биржевые Ведомости» тоже стараются доказать, что рабочие невежественны, тогда как жалованье получают большое (должный ответ получил г. Независимый от слесаря). «Бирж. Вед.» рассуждают так: стоит их величеству слово сказать, и земной шар тотчас же раскроется пополам и из него, как из арбуза, посыпятся зернышки в виде разных циркуляров об ослаблении цензурных условий, и гг. редакторы умильно будут их подбирать. Их же

величество, выбросивши несущественную часть, продолжает сосать соки из русского народа. Выходит, что русскому рабочему нет никакой возможности развиваться цензурно, и потому он охотно склоняется достигать этого бесцензурным путем, и вот выходит, что, где бы ни появлялась нелегальная литература и в каком угодно количестве, ее все равно чувствуется большой недостаток, рабочие читают ее, интересуются ею, скрывают ее, хотя все это сопряжено с большими неудобствами и нередко не безопасно для личности. Пусть доставит нам г. Дадонов что-либо порядочное, и мы найдем желающих прочесть доставленное, и людей, несомненно интересующихся наукой и знанием. Вообще лучше было бы, чтобы гг. Дадоновы приходили не смотреть, что читают, а принесли бы что-нибудь прочесть. Если этого они не желают нести рабочему, то пусть несут крестьянину, который духовно в десять раз голоднее рабочего фабричного или заводского, и все же для таких голодных гг. Дадоновы не желают пальцем о палец ударить. У нас хулителей всегда было и есть слишком много, а порядочных людей нам редко приходится встречать и тем с большим удовольствием встретим всякого, желающего делать посильное для просвещения. Да простится мне, хотел бы спросить: много ли читает интеллигенция с клеймом известного образования в каком-нибудь провинциальном городке, как-то: становой, исправник, следовательно, поп, помещик, чиновники, земские начальники, офицеры? Можно сказать, не преувеличивая, что они больше заняты картами и пьянством, нежели чтением, а кажется, и образование получили не такое, как рабочие, времени имеют чортову пропасть против рабочих, не так тесно живут, да и кормятся против нашего куда как не плохо. Отчего это, г. Дадонов?

Относительно театров—факт известный и подтверждения не требующий, что всюду бывают театры полнехоньки, если только в них ставятся порядочные вещи и хорошо исполняются, и если цены местам не дороги, да притом если слышно со сцены в дешевое место, что не всегда на самом деле бывает. И если г. Дадонов рабочих не заметил, то возможно, что он ожидал в театре встретить рабочих с засученными рукавами, как они бывают на фабрике или выходят из последней. Наблюдательность г. Дадонова мы знаем!

Пойдем дальше. Г. Дадонов говорит вот что: «Не заметно никаких симптомов кооперативного движения». Если он не заметил никаких симптомов, то мы заметили целое общество потребителей, его лавки, его устав. На это же самое отвечал г. Шестернин, но мы скажем по этому поводу кое-что другое, чего не сказал г. Шестернин. Именно, что в данный момент

в России какая бы то ни была правильная кооперативная деятельность парализована или, если хотите, терроризована. Если рабочие где что-либо подобное вздумают устроить и сразу не будет видно, что это учреждение чисто буржуазное, то прежде всего они должны доказать свою благонадежность, а так как в благонадежность предержавшие власти постоянно не верят, то и выходит, что еще устав общества не выработан, а некоторые члены уже знают кузькину мать. А пока этот устав таскается по канцеляриям, то и остальных членов постараются силой куда-нибудь спровадить. В России было очень большое количество подано всяких уставов, но утверждено было слишком мало, и то такие, где почетным или обязательным членом состоит губернатор, фабрикант заводчик, фабричный инспектор и т. п. И быть уверенным, что в таких обществах есть основание думать об улучшении положения рабочих, все равно, что утверждать, якобы земские начальники отцы родные для крестьян...

Постоянно у рабочих в больших городах есть желание открыть клуб для рабочих, но его пока еще не разрешили. Поэтому рабочий, в силу необходимости, шел в трактир послушать орган или гармонику, и остроумничать над этим нехорошо господам литераторам. Разрешенные же общества постоянно должны чувствовать и находиться под страхом закрытия, на собраниях нужно говорить оглядываясь, как бы какая жаба или гадюка не прыгнула на шею; постоянно дрожать за денежный фонд, как бы его не арестовало и не присвоило правительство. Стоит только допустить мысль о стачке и помощи такого общества своим членам-стачечникам, как уже общество прикажет долго жить по распоряжению губернатора. Очевидно, г. Дадонову неизвестно, что случаи очень не редки, когда рабочие вырабатывали уставы и, только, написавши, успевали подать, как все подписавшиеся бывали арестованы и административным порядком попадали в Архангельскую, Вологодскую, Вятскую губернии. И уж не потому ли, что у них было «незаметно никаких симптомов кооперативного движения»? Смеем уверить г. Дадонова, что мы это говорим на основании фактов, и не в наших интересах говорить против кооперации. Только трезво смотря на действительность, приходится признаться, что при современном политическом бесправии кооперация не может быть настолько полезной рабочим, насколько правительству. Всякий энергичный рабочий, увлекшись кооперацией, этим осудит себя на толчение воды в ступе или топтание на одном месте. В десять лет, при современном бесправном положении, кооперация не сможет дать того, что она сможет дать в один год при политической свободе, а потому мы больше желаем,

чтобы увлекались нелегальным просвещением масс (агитацией), а не кооперацией. Всякий знает, каковы современные существующие кооперативные общества и потребительные лавки, во что они выродились в России. Именно, местами они носят характер чисто буржуазных учреждений, местами хороших хозяйских способов получения от рабочих обратно заработка, местами чисто бюрократическое (чиновничье) учреждение, местами — затрудняюсь назвать, но смысл таков: дайте ваши деньги, мы ими будем распоряжаться! Теоретически цель обществ почти всюду одинакова и выражается словами § 1: «учреждается с целью доставления своим членам по возможно дешевой цене жизненных продуктов» и т. п.; это, как мы сказали, теоретически, а на практике совсем другая песня.

К первому порядку можно причислить лавки на паях (напр., такая лавка в Спб. на Путиловском заводе). Устанавливаются с начала основания несколько паев. Часто, конечно, пайщиками состоят не рабочие, и вот, как только дело встало в коммерческом смысле на ноги, пайщики стремятся сократить число паев или, если этого нельзя сделать, забрать пай в меньшее количество рук, и тогда ценность пая растет так, что простой рабочий сделаться пайщиком не может; правда, он перестает и думать об этом. Пайщики получают хороший дивиденд, а заборщики, если кое-что и получают, то только в хорошей лавке и в счастливый год. Делами лавки вертят несколько лиц, и заборщики никакого влияния на них не имеют. Другой случай. На фабриках и заводах очень много лавок, открытых на средства хозяев, и ими же ставится администрация, они же и получают все доходы. Захоти рабочий там устроить что-нибудь свое кооперативное, и они немедленно будут уволены с фабрики или даже познакомятся с гг. Сипягиными, и последние не преминут применить к ним административные меры воздействия. Рабочие же, приходя в лавки, где они принуждены платить кровные деньги, должны себя держать, как на фабрике: тут тоже фабричное начальство, оно одинаково может прогнать с фабрики, а потому — бери, не разговаривая, что дают. Служить средством борьбы кооперация не может, в данном случае приходится рамки экономической борьбы расширить до политической. В третьем случае, лавки при железных дорогах всюду носят характер чиновничий, и хотя главный доход получается с рабочих, но последние не могут провести достаточное число рабочих в управление лавки, а те, которые попадают, идут на помочах у чиновников. В-четвертых. Есть лавки, где трудно отличить администрацию лавки от администрации завода, несмотря на то, что первая выборная (Брянские за-

воды). Представьте себе, что в администрацию лавки попадает человек, нежелательный администрации завода. И что же? Она такого человека спокойно увольняет с завода, и он тогда лишается права быть не только членом правления лавки, но даже простым заборщиком таковой. И это может случиться не только в упомянутой лавке (Брянских заводов), но почти в каждой. В-пятых, ореховская лавка функционирует на деньги рабочих, и всякий, кто желает забирать в ней, должен определить сумму своего забора, предположим, в 10 руб., и таковую вперед внести, и только тогда может быть заборщиком, но не больше как на ту сумму, какую внес. Это, кажется, последнее слово кооперации в России. И тут администрация выборная, но при выборах собравшиеся мастера, конторщики и прочая фабричная администрация фактически являются вершителями судеб лавки. Рабочие стоят позади и только поддакивают контористам, которые, конечно, предлагают своих кандидатов... Вот в общих коротких словах система наших кооперативных обществ, и та работа, которая в них выпадает на долю рабочих, работа незавидная! Но зато рабочие повсюду в них являются стадом овец, которых стараются почаще стричь. Посмотрим, что выигрывают рабочие, если они забирают в кооперативных или общественных лавках. Всюду в России в любой такой лавке вот как поступают. Самая хорошая, мягкая часть мяса попадает управляющему на стол, потом мастерам, конторщикам, смотрителям, приказчикам, а кости, жилистая часть,—словом, плохое мясо попадает рабочим, залежалое мясо — тоже рабочим, попортилось — тоже им. Недавно пришлось слышать, как в Орехове усиленно сбывали рабочим солонину с червями. Именно — «сбывали»: кто написал 2 фунта, тому весили 3 фунта и т. п. Спohватившись, рабочие перестали писать мясо и этим только спаслись; кто выписал, тот уже не мог не взять. Если кто из заборщиков сделает замечание на плохое качество товара, то целая буря поднимется против него. В лучшем случае вырвут у него из рук и крикнут, что, мол, если не хочешь брать, тогда и писать было не нужно. Хорошо, если рабочий молча уйдет, а то бывает и хуже: запишут номер книжки, а там вызов в контору, где громовые слова: бунт, возмущение, стачка, тюрьма, Сибирь, так и сыплются на голову строптивного рабочего. Бывает, что управляющий лавки заставляет уволить рабочего с завода или фабрики, и это только за то, что рабочий не пожелал взять плохое мясо или же указал на какой-нибудь случай злоупотребления. Нужно еще взять во внимание, что постоянно приходится долго ожидать, пока получишь желаемый продукт. Бывают очень нередко ошибки, что заборщик наберет

на 8—9 р., а у него вычтут в получку 12—15 р. Туда-сюда суется рабочий, наконец, удастся установить ошибку, но деньги-то задержали и потому жди до следующего месяца. Но если ошибка произошла не на 5—6 руб., а на 1 рубль или 50 коп., то рабочий махнет рукой в большинстве случаев; так приятно для него доискаться ошибки! Но самую главную вину можно выставить против современных кооперативных лавок ту, что они поступают как раз наоборот против целей своего основания, т.-е. продают товары не всегда доброкачественные, а берут очень часто дороже частных торговцев. Так, упомянутая (брянская) лавка берет на некоторые товары 20—25% дороже, а 5—10%—явление у нас самое заурядное; ив.-вознесенская лавка продает товар не дешевле частных, но зато последние при расплате скидывают 2—5%, общество же этого не делает; в Орехове мясо продают в потребительных лавках дороже, чем в частных, и притом третий сорт не записывают, это значит, что его считают за второй сорт. Обращение всюду с заборщиками грубое, кто почище и с положением, тот постоянно пользуется привилегиями... Это все, во что выродилась у нас благородная идея кооперации. То, что местами за границей служит облегчением и помощью для рабочих, то у нас пока еще есть бич рабочих, и не мудрено, что повсюду кооперативные лавки не приобрели еще симпатий рабочих, и не сладки плоды, пожинаемые рабочим от кооперации! Потому-то гг. Дадоновы и могут говорить об отсутствии симптомов и стремлений...

Еще не все! Относительно кооперации наши Сипягины могут сказать, что они у нас разрешаются, и никаких особых препятствий против них нет. Они (Сипягины) все делали, дабы загадить благородную идею, и идут уже гораздо дальше. Так, недавно один жандармский ротмистр раз'яснял, что его превосходительство г. губернатор охотно разрешает и даже сочувствует артелям Левицкого, и потому-де рабочим этого опасаться не следует: преследовать, мол, за это не будут. А Святополк-Мирский тоже говорил: «Чего бы тут (в Екатеринославе) не устроить какой-нибудь рабочий союз?» Не знаем, легко ли он разрешает теперь рабочие союзы? Впрочем, он человек предупредительный... Едва-ли мы ошибемся, если скажем, что правительство позаботилось своевременно извратить смысл кооперации, загадить благородную идею, а теперь, чувствуя приближение неизбежности рабочих союзов, оно старается направить их по руслу ошибок, неудач и тем парализовать их хорошие стороны. Таков смысл их неподдельного сочувствия. Поэтому приходится быть вдвойне осторожным и очень зорким, чтобы все подметить своевременно (советуем гг. московским профессорам,

устроителям бесед с рабочими, вникнуть в эти слова. (Ред.).
Вполне ли это удастся, сказать трудно.

Заканчивая свою статью, г. Дадонов говорит: «точно также извне пришла на фабрику жажда света, культуры». Не думает ли г. Дадонов, что свет пришел на фабрику с военной службы? И что солдаты несут туда культуру? Если да, то очевидно, что у г. Дадонова и чертополох сойдет за шелковицу. Я же приведу такой пример: в настоящее время служит в солдатах один из бывших фабричных, который видел фабричный «бунт», да и сам не был простым зрителем; уходя в солдаты, он оставил после себя товарищей. Так вот пишет этот солдат: «я своего дела и тут не оставляю, и есть у меня таких же людей, как и я, человек десять»... Ага! оказывается, опять ларчик открывается просто и становится понятно, каким путем знание проникает в головы солдатиков. А нужно сказать—теперь из фабричных и заводских рабочих попадает-таки на службу не мало людей, которые просят прислать им книжонок, да получше, а при случае—с оказией—и нелегальных послать. Вот что знаем мы, рабочие. Скажу еще вот что: из Иваново-Вознесенска высылают рабочих, не менее интеллигентных, чем Иван Фролов (о котором упоминает г. Дадонов), хотя, может быть, они и не занимаются стихами и вам известны не были. И все же в Иваново-Вознесенске остаются еще развитые рабочие, хотя сюда никаких неблагонадежных не пускают. Выходит даже некоторая аналогия (сходство) с университетом: как университет выпускает и высылает часть «света» и «культуры» в разные уголки России, так точно и Ив.-Вознесенск рассылает со своими рабочими «свет культуры» во все концы России.

Рабочий из рабочих.

(Приложение к № 9 „Искры“).

СПРАВКА.

Бабушкин, Иван Васильев, крестьянин Вологодской губернии, Тотемского уезда, с. Леденского, проживал в С.-Петербурге по подложному паспорту на имя крестьянина Полтавской губернии Шубенко, привлечен к дознанию о «С.-Петербургском Комитете Российской Социал-Демократической Рабочей Партии» (Лит. А. 14 января 1903 г., за № 460) и содержится под стражей с 7-го января текущего года.

По обыску у Бабушкина отобрано: 11 экземпляров различных нелегальных брошюр, 6 экземпляров листов «Рабочей Мысли», воззвание «Царь в Курске», подушечка с краскою, шифрованная азбука, пузырек с бесцветною жидкостью, вылитой Бабушкиным во время обыска, копировальная и чистая писчая и почтовая бумага с конвертами.

На допросе Бабушкин не признал себя виновным в принадлежности к названному выше тайному сообществу и объяснил, что, будучи привлечен в г. Екатеринославе к дознанию по обвинению в государственном преступлении, в начале августа 1902 г. бежал из-под стражи, проживал в разных городах, в последних числах ноября того же года прибыл из Твери в С.-Петербург к своей сожительнице Прасковье Рыбаси, добыв подложный паспорт на имя супругов Шубенко, поселился здесь вместе с ней. Найденные при обыске нелегальные брошюры Бабушкин, по его объяснению, получил для прочтения на пути следования в С.-Петербург от лица, назвать которое не пожелал, а листок «Рабочей Мысли» и воззвание «Царь в Курске» нашел за несколько дней до обыска в одной из петербургских пивных; шифрованную азбуку составил лично, но не употреблял с преступными целями; какая жидкость находилась в пузырьке — не знает; вылил ее машинально под влиянием нервного возбуждения, в котором находился во время обыска.

Как видно из справки Департамента Полиции, приложенной к отношению от 12 февраля с. г. за № 536, Бабушкин в 1896 г. привлекался при С.-Петербургском Губернском Жандармском Управлении к дознанию о «Союзе Борьбы за освобождение рабочего класса». В разрешение этого дознания

он был подчинен гласному надзору полиции в гор. Екатеринославе, но скрылся и лишь 24 декабря 1901 года был обнаружен и задержан в Орехове, Владимирской губернии, где организовал «Орехово-Богородское отделение Соц.-Демократической Рабочей Партии», о чем было произведено самостоятельное дознание. Отправленный засим в гор. Екатеринослав, Бабушкин был привлечен к дознанию об «Екатеринославском Комитете Российской Социал-Демократической Рабочей Партии», а 29 июля 1902 г. бежал из-под стражи. В разрешение двух последних дознаний предположено по совокупности, вменив в наказание предварительный арест, выслать Бабушкина в Восточную Сибирь на 5 лет.

Вследствие изложенного и ввиду раз'яснения по отношению к Бабушкину всех обстоятельств дела по настоящему дознанию, по соглашению с прокурорским надзором, признано возможным освободить его из-под стражи и отдать под особый надзор полиции, если к этому не встречается препятствий по другим делам, к которым привлечен Бабушкин.

Отдельного Корпуса Жандармов,
Подполковник *Рыковский*.

Дело Департ. Пол. 3 Делопроизв.
№ 171. 1900 г.

Обвинения, предъявленные Бабушкину.

Ниже приводятся обвинения, предъявленные впоследствии И. В. Бабушкину за его работу в Екатеринославской организации, из которых видно, какую громадную роль приписывали жандармы И. В. Бабушкину и, разумеется, совершенно основательно.

1) Признает ли он себя виновным в том, что, проживая в 1899 и первой половине 1900 г. в гор. Екатеринославе, состоял членом Комитета вышеупомянутого сообщества, занимался организацией преступных кружков и касс среди рабочих и распространял среди последних воззвания и издания указанного сообщества и другие запрещенные издания, и в утвердительном случае, при каких обстоятельствах и при посредстве кого он вступил в число членов Комитета вышеупомянутого сообщества, кто помимо его входит в состав этого Комитета, какие преступные кружки и кассы, когда и где, были им организованы среди рабочих, какие запрещенные издания были им распространены в указанный период времени среди рабочих и с кем из членов Комитета он имел преступные сношения по поводу распространения этих изданий?

2) Знает ли он членов упомянутого Комитета, обвиняемых: Исаака Лалаянца, Павла Тихомирова, Дмитрия Кулагина, Николая Лавриновича, Сергея Кулагина, Карла Томигаса и Григория Петровского, где и когда, при каких обстоятельствах с каждым из них познакомился и какие имел преступные отношения по делам указанного сообщества?

3) Признает ли себя виновным в том, что летом 1899 года организовал среди рабочих в окрестностях г. Екатеринослава, в пос. Нижнеднепровске, преступный кружок и кассу под названием „Начало“, составил устав для деятельности этого кружка и кассы, снабжал кружок запрещенными изданиями, как для надобностей кружка, так и для распространения среди рабочих, производил денежные сборы среди членов кружка для преступных целей упомянутого Комитета, организовал легальную и нелегальную библиотеку кружка, производил проверку денежной отчетности указанной кассы, доставлял в Комитет сведения о деятельности кружка и кассы, доставил интеллигента для пропаганды в этом кружке (Тихомирова), и, в утвердительном случае, с какой целью этот кружок был им организован, где происходили собрания кружка, сам ли он составил устав для этого кружка и кассы, или этот устав был выработан в Комитете, кем именно, кому из членов Комитета он сообщал сведения о деятельности кружка и отчеты по кассе, какие нелегальные издания он доставлял в кружок, кто из интеллигентов вел пропаганду в кружке, кто из рабочих входил в состав этого кружка, кто из них был кассиром и библиотекарем и кому из членов Комитета он передал надзор за этим кружком, уезжая из Екатеринослава?

4) Знает ли он обвиняемых рабочих: Якова Вьюшина, Федора Ашанова, Михаила Подгорного, Петра Махаринова, Якова Григорьева, Пантелеймона Кучменко, Осипа Радзиевского, Семена Садыченко, Франца Соколовского,

Семена Киселева, Василия Шилова, Григория Трегубова, Григория Баженова, входили ли эти лица в состав кружка „Начало“ и с кем из них и по какому поводу он имел непосредственные сношения?

5) Что ему известно по поводу организации кружка под названием „Рассвет“ среди рабочих в том же поселке, какое он принимал участие в его организации; знает ли он обвиняемых, входивших в состав этого кружка: Андриана Кореницкого, Михаила Кириллова, Ефима Петрушкевича, Тимофея Богиню, Петра Гнедкова, Демьяна Ковалева, Козьму Вернера; присутствовал ли он на собрании этого кружка, бывшем в феврале 1900 года в квартире Кореницкого или Богини, и предлагал ли принять для кассы этого кружка устав, который был им выработан для кружка и кассы „Начало“; часто ли он посещал Кириллова, когда последний проживал в квартире Кореницкого, учил ли он его, как готовить массу для гектографа, и что ему известно о том, какие воззвания были отгектографированы названным Кирилловым и принимали ли в этом участие Кореницкий и Петрушкевич?

6) Признает ли себя виновным в том, что помимо неоднократного доставления в кружок „Начало“ нелегальных брошюр в количестве нескольких десятков, как то: „Рабочие Союзы“, „Что должен помнить и знать каждый рабочий“, „Морозовская стачка“, „Сон под 1 мая“ и т. д., доставлял в пос. Амур-Нижнеднепровск и руководил массовым распространением накануне пасхи 1899 года печатных воззваний по поводу празднования дня 18 апреля (1 мая) указанного года; в июле того же года - гектографированных воззваний по поводу беспорядков в Екатеринославских железнодорожных мастерских и в октябре того же года—печатных воззваний по поводу бывших в г. Мариуполе в июле того же года беспорядков среди рабочих.

7) Им ли была составлена брошюра: „Что такое государственный преступник—социалист и революционер“, которую он читал, выдавая за свое произведение, в собрании, бывшем как-то в декабре 1899 года в квартире обвиняемого, Сергея Кулагина; кто присутствовал еще на этом собрании (помимо его и Сергея Кулагина); присутствовал ли он на собрании, бывшем как-то в феврале 1900 года в квартире обвиняемого Дмитрия Кулагина, на котором обвиняемый Исаак Лалаянц читал свою статью под заглавием „Сон Горяинова“, и кто еще был на этом собрании?

(„Обвинения, предъявленные И. В. Бабушкину“. Сб. „Из Истории Екатер. Социал-Демократической Организации 1889—1903“).

ПРОТЕСТ.

Печатаемый ниже документ показывает, что, попав в Якутскую ссылку, И. В. Бабушкин не оставался в стороне от борьбы против насилия и первым подписал протест 23 Марта 1904 г.

ГОСПОДИНУ ПРОКУРОРУ ЯКУТСКОГО ОКРУЖНОГО СУДА

Заявление ¹⁾).

В виду постоянно повторяющихся фактов насилия над нашими товарищами в тюрьмах, дороге и в местах ссылки, мы, революционеры, сосланные в город Верхоянск, не имея фактической возможности присоединиться к нашим Якутским товарищам в их открытой борьбе против диких фактов насилия администрации, особенно участвовавших в последнее время, заявляем о своей полной солидарности с товарищами, смело выступившими за наши общие требования, и о своей готовности всегда дать должный отпор на всякое насилие над нами.

Гор. Верхоянск, 23 марта 1904 г.

1. Иван Бабушкин.	11. М. Никольский.
2. Мендель Басс.	12. К. Петкевич.
3. Овсей Винник.	13. Айзик Поляк.
4. Никифор Голиков.	14. Каз. Разиковский.
5. Александр Гумилевский.	15. А. Румянцев.
6. Вера Гулари.	16. Вацлав Кораль.
7. Арчим Гургёядзе (на груз. яз.).	17. Собкович.
8. Владимир Зборовский.	18. К. Сидорович.
9. Ольга Левин.	19. Ю. Серебро.
10. Арон Левинзон.	20. М. Валесинский.

Сожалая, что не имел возможности присоединиться к протесту товарищей в Якутске против насилий администрации над политическими ссыльными, присоединяюсь к заявлению Верхоянских товарищей. Г. Якутск, 6 апреля 1904 г.

Ш. Ашпиз.

Присоединяемся к заявлению Верхоянских товарищей.

Якутск, 7-го апреля 1904 г.

И. Юзвинский, Роза Левина, Ревекка Новгородская. Мих. Рнакин.

¹⁾ Подлинник настоящего заявления, подписанного в числе 20 также И. В. Бабушкиным, находится в архиве Якутского Истпарта.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ ЛИТЕРАТУРЫ
о И. В. БАБУШКИНЕ.

- Н. Ленин.* — Ив. Вас. Бабушкин (некролог). Собр. сочин. Н. Ленина т. XI, ч. II.—1923 г.
- Некролог — *И. В. Бабушкин.* — Ликвидат. газета „Гол. Социал-Демократа“, № 24. Февраль. 1911 г.
- К. М. Тахтарев.* — Очерк петерб. рабоч. движения 90-х г.г. Петроград. 1918 г. Изд.-во „Жизнь и Знание“.
- К. М. Тахтарев.* — Рабочее движение в Петербурге 1893—1901 г.г. Изд. „Прибой“. Ленинград. 1924 г.
- К. М. Тахтарев.* — Н. Ленин и социал-демократ. движение. „Былое“, № 24—1924 г.
- К. М. Тахтарев.* — О Владимире Ильиче. Сб. Ленингр. Истпарта „Об Ильиче“ Рабоч. изд-во „Прибой“. 1924 г.
- История Екатериносл. Соц.-Дем. Орган. 1889—1903 г.г.—Сборник Екатериносл. Истпарта. 1923 г. (Воспоминания Г. Петровского. Обвинения, предъявленные И. В. Бабушкину).
- Обзоры важнейших жанд. дознаний: 1895—96 г. г.; 1900 г.; 1901 г.; 1902 г. Ведомость жанд. дознан. за 1897 г.
- Доклад по делу о возникших в Петербурге в 1894—1895 г. г. преступн. кружк. лиц, именующих себя „соц.-демокр.“ — Сборник материалов и статей Главархива. Вып. I. Госиздат. 1921 г.
- В. Бушув.* — Бегство И. В. Бабушкина из Екатеринославской тюрьмы. Журн. „Летопись Революции“, № 1 (6), 1924 г. Госиздат Украины.
- Ю. Мартов.* — „Записки соц.-демократа“. Берлин, 1922 г.
- Н. К. Крупская.* — Перед вторым съездом—„Правда“, № 85, 14 апреля 1924 г.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ.

А.

- Агапов, М.—160.
Агафонов, В.—41, 43, 48.
Агафонов—Орехово-Зуевский—154.
Агафонов—пристав—79.
Афанасьев, Федор—66.
Ашанов, Ф.—184.
Ашпиз, Ш.—186.

Б.

Бабушкин, И. В. (Николай Николаевич, Трамвайный, Неизвестный, Шубенко).

- 2, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 45, 51, 53, 76, 77, 80, 85, 86, 89, 108, 111, 118, 128, 145, 182, 183, 184, 185, 186, 187.

Баженов, Г.—184.

Базелевич—148.

Баринов—151.

Басс, Мендель—186.

Белов—151.

Белоножкин—145, 146.

Богданов, Н. Д.—85.

Богиня, Т.—185.

Боголапов—151.

Бош—141.

Бычков, И. З.—17, 108, 128.

В.

Валесинский—186.

Ванеев—15, 16.

Вернер, К.—185.

Винник, Овсей—186.

Владимир Ильич,—см. Н. Ленин.

Волынкин, 53.

В. И. Ульянов—см. Н. Ленин.

Воробьев—151.

Вьюшин—117, 121, 136, 141, 142, 184.

Г.

Гаравин—151.

Гнедков, П.—185.

Голиков, Никифор—186.

Голиков, Н. З.—21, 22.

Голоухов, Н.—151.

Горавиц, И.—18, 19.

Григорьева, Н.—49.

Григорьев, Я.—184.

Гумилевский, Ал.—186.

Гуари, Вера—186.

Гюргеюидзе, А.—186.

Д.

Дадонов—146, 165, 166, 167, 168, 169, 170, 171, 172, 173, 174, 175, 176, 177, 181.

Дамский (Д)—87, 88, 89, 98, 101, 107, 109, 110.

Душкан—128.

Ж.

Жаров—151.

Журавская—140.

З.

Запорожец—15, 16.

Зборовский, В.—186.

Зиновьев, Б. („Борис”)—16, 69, 76, 77.

Зубков—149.

И.

Иванов—154.

Н.

- Карамышев, П. („Петр”)—16, 76, 77.
 Кириллов, М.—185.
 Киселев, Сем.—184.
 Книпович, Л. М.—19, 52.
 Ковалев, Д.—185.
 Козлов, (К.)—43.
 Колычев—151.
 Кораль, В.—186.
 Корицкий, А.—185.
 Королев—151.
 Костин, Илья (Костя)—12, 14, 30, 31,
 32, 33, 34, 36, 37, 39, 40, 42, 43, 45,
 46, 47, 48, 49, 50, 52, 54, 55, 56.
 Костюшко-Валужанич, А. А.—21.
 Кржижановский—15, 16, 76.
 Крупская, Н. К.—14, 19, 70, 76.
 Куделли, П. Ф.—52.
 Кулагин, Дм.—184, 185.
 Кулагин, С.—184, 185.
 Кучменко, Пант.—184.

Л.

- Лавренов—17, 86.
 Лавринович, Ник.—184.
 Лалаянц, И.—89, 102, 103, 111, 121,
 184, 184.
 Левина, Р.—186.
 Левин, О.—186.
 Левинзон, А.—186.
 Н. Ленин (В. И. Ульянов, Владимир
 Ильич, Лысый)—3, 10, 14, 15, 16, 18,
 19, 20, 51, 53, 71, 73, 80.
 Лысый (см. Н. Ленин).
 Ляпин, Г.—151.
 Ляховский—53, 76, 77.

М.

- Мазанов, П.—17, 86.
 Мазурин, В. П.—160.
 Малченко—15, 16.
 Малиновский—75.
 Матлахов, Егор—85.
 Матюха—82, 83, 85, 86, 92.
 Махаринов, П.—184.
 Меллер-Закомельский,—7, 21.
 Меркулов, Н.—12, 45, 53, 85.
 Михайлов—73, 75.
 Мокруев—151.
 Морозов, П. А.—13, 14, 17, 45, 46,
 48, 49, 50, 54, 55, 85, 103, 109, 121,
 123, 124, 125, 126, 127, 128, 129, 130.
 Муромцев, С. А.—9.

Н.

- Невзорова, З. П.—14.
 Никитин—53, 80.
 Николаев—160.
 Николай Николаевич—(см. Бабуш-
 кин).
 Никольский, М.—186.
 Ниткин (Дмитриев)—154, 160.
 Новгородская, Р.—186.
 Норинский, К.—33.

О.

- Окс—145, 146.

П.

- Паскин—63.
 Петкевич, К.—186.
 Петровский, Г. И. (Г)—17, 85, 86, 95,
 103, 107, 108, 128, 184.
 Петр Иванович (см. Тахтарев, К. М.).
 Петрусевич, К.—17, 103.
 Петрушкевич, Е.—185.
 Плеханов, Г. В.—19.
 Подгорный, М.—184.
 Поляк, А.—186.
 Потресов—18.

Р.

- Радзиевский, О.—184.
 Радченко, Ст. И.—15, 51, 77.
 Разиковский, К.—186.
 Ранненкамф—7.
 Рнакин, М.—186.
 Рудаков—154.
 Румянцев, А.—186.

С.

- Садыченко, С.—184.
 Сапов, И. С.—160.
 Святополк-Мирский—140, 180.
 Серебро, Ю.—186.
 Сидорович, К.—186.
 Соболев—154.
 Собкович—186.
 Соколов—151.
 Соколовский, Фр.—184.
 Солнцев—154.
 Сушинский, М.—12, 13.
 Старков—15, 16.

Т.

Тахтарев, К. М. (Петр Иванович, П. И.)—3, 12, 13, 14, 15, 20, 42, 43, 45, 46, 50, 53, 65, 70, 75, 80.

Тихомиров, П.—17, 184.

Томигас, К.—85, 184.

Трамвайный—(см. Бабушкин).

Трегубов, Гр.—184.

Ф.

Федосеев, Е. Н.—85, 109.

Фейнин—146.

Филимонов—85.

Филиппов—151.

Фунтиков, С. И. (Афанасьев, Ф.)—12, 13, 14, 33, 34, 41, 42, 43, 44, 45, 46, 47, 48, 50.

Ц.

Цедербаум (Мартов)—15, 18, 77.

Ч.

Чернышев—75.

Числов—17, 86.

Ш.

Шелгунов, В. А. (Н.)—13, 14, 16, 41, 45, 50, 51, 53, 56, 73, 76, 80, 96.

Шестернин—176.

Шилов—118, 184.

Штрипман, Гр. (Штрипон)—46, 49.

Шубенко—(см. Бабушкин).

Шульц—78.

Э.

Энгельс—69.

Ю.

Юзвинский, И.—186.

Я.

Якубова, А. А.—14, 16.

РАБОЧЕЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

„ПРИБОЙ“

ЛЕНИНГРАД, проспект 25 Октября, 52. Телефон 545-77.
Москва, Лубянский пассаж, № 47, 48, 49. Телефон 224-09.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на „Коммунистический Университет на Дому“.

Журнал ставит своей задачей дать марксистско-ленинское воспитание рабочим и крестьянам, не имеющим возможности получить его непосредственно в учебном заведении, а также и для тех, кто хотел бы пополнить уже имеющиеся знания.

ОСНОВНЫЕ ОТДЕЛЫ:

1. Общественно-экономический.
2. Естественно-научный.
3. Вопросы и ответы (связь с читателем).
4. Критико-библиографический.

В общественно-экономическом отделе излагаются следующие курсы: ленинизм, диалектический материализм, история РКП, политическая экономия, экономическая политика и хозяйство Союзной Республики, история общественных форм, экономическая география, профдвижение СССР, Профинтерн и Коминтерн, кооперация, статистика, право и конституция СССР и друг.

В естественно-научном отделе будут освещаться основные вопросы биологии, физики, геологии, подробнее освещаемые в другом издании „Прибоя“—„Народный Университет на Дому“. Отдел вопросов и ответов—дает исчерпывающие ответы на любые вопросы читателей и ведет с ними переписку-беседу.

Пособие по самообразованию:

„Народный Университет на Дому“.

Издание ставит своей задачей дать в популярной форме ряд систематических курсов по естественно-научному, математическому и техническому образованию и самое популярное изложение основных вопросов марксизма и ленинизма.

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ЕЖЕМЕСЯЧНО. В каждой книге 8—10 законченных лекций. В 1-й год электротехника, прикладная механика, технология, геология, палеонтология, психология и физиология, обществоведение, сельское хозяйство.

Каждый курс снабжен подробным указателем, как нужно проработать лекции, вопросником и указанием литературы.

В отделе „ВОПРОСЫ И ОТВЕТЫ“ читатель получит ответ на встретившиеся во время проработки курса затруднения.

Новости науки и техники. Библиография.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: на каждое издание: на 3 мес.—2 р., на 6 мес.—4 р., на год (12 книг)—7 р.; при подписке на год допускается рассрочка: 2 р. при подписке и по 1 рублю в следующие 5 месяцев.

При выписке двух изданий—„Коммунистический Университет на Дому“ и „Народный Университет на Дому“—на год (24 книги)—12 р.; допускается рассрочка: 4 р. при подписке и по 1 р. в следующие 8 месяцев.

Подписка принимается по всему СССР во всех почтовых отделениях: в Ленинграде и Сев.-Зап. области в Севпечати (просп. 25 Окт., 1) и во всех ее районных и уездных отдел., в Издательстве „Прибой“ (ул. 3-го июля, 14) и во всех его районн. и уездн. магаз. и киосках

Цена 1 р. 10 к.

250

СКЛАДЫ ИЗДАНИЙ:

Ленинград: Просп. 25 Октября, 52, магазин „Книжные Новинки“. Тел. № 5-45-77.

Москва: Московское отдел. издательства „ПРИБОЙ“, Лубянский пассаж, №№ 47—49. Тел. № 2-24-09.